

ВѢСТНИКЪ ТЕОСОФІИ

РЕЛИГІОЗНО-ФИЛОСОФСКО-
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Satyât Nasti Paro Dharmah

(Нѣтъ религіи выше истины).

---

7 декабря.

№ 12.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1908

Открыта подписка

на религіозно-философско-научный журналъ

„ВѢСТНИКЪ ТЕОСОФІИ“.

(ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1) статьи какъ оригинальныя, такъ и переводныя по теософіи, по сравнительному изученію религій, оккультизму, изслѣдоаанію психическихъ силъ, скрытыхъ въ природѣ и въ человѣкѣ, по психологіи и др. отраслямъ знанія;

2) свѣдѣнія о теософическомъ движеніи въ Россіи и за границей и о другихъ родственныхъ духоаныхъ и общественныхъ движеніяхъ;

3) біографіи выдающихся представителей теософическаго міросозерцанія и общественныхъ дѣятелей;

4) художественно-литературный отдѣлъ, какъ отраженіе въ искусствѣ теософическаго міросозерцанія;

5) отзывы о книгахъ, поступающихъ въ Редакцію журнала по вопросамъ теософіи, психологіи и др.;

6) справочный отдѣлъ, вопросы и отвѣты на вопросы подписчиковъ.

Журналъ выходитъ 7-го числа каждаго мѣсяца, книжками въ форматѣ in 8° не менѣе пяти печатныхъ листовъ каждая, подъ редакціей *А. А. Каменской,* при участіи **Анни Безантъ**, доктора **Рудольфа Штейнера**, *Alba, П. Н. Батюшкова, А. В. Борніо, Н. К. Боянуса, А. Ф. Вельцъ, А. С. Гралевской, С. Н. Даль, Н. Г., М. Каменской, К. Кудрявцева, Е. М. Кузмина, М. Летрэ, Н. Лихачевой, А. Минцловой, Е. Писаревой (Е. П.), М. Станюковичъ, Д. Страндена, О. Д. Форшъ, Б. Ф., А. В. Унковской* и др. Въ теченіе двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ (іюнь и августъ) журналъ не выходитъ.

Въ теченіе года предполагается помѣстить нижеслѣдующія крупныя статьи: „Законы высшей жизни“ **А. Безантъ;** „Древняя мудрость на протяженіи вѣковъ“, **Т. Паскаль;** „Древняя мудрость“, **А. Безантъ** (продолженіе); „Какъ достигается познаніе сверхчувственныхъ міровъ“, **Р. Штейнера** (продолженіе); „Братство“, **Т. Паскаля;** „Смерть и за гробомъ“, **А. Безантъ;** „Звукъ-созидатель“, *Дайна;* **Б'хагаватъ-Гита;** „Великіе посвященные“, *Э. Шюре* (продолженіе).

Цѣна **4** руб. въ годъ съ доставкой и пересылкой въ предѣлахъ Россійской Имперіи. Допускается разсрочка: за ½ года—**2** р. **20** к., за 3 мѣсяца—**1** р. **10** к. Отдѣльный №—**50** к. За перемѣну адреса городского на городской—**20** к., городского на иногородній и обратно иногородняго на городской—**40** к.

Лица, желающія получить вышедшіе листы „Древней мудрости“ **А. Безантъ**, и „Великихъ посвященныхъ“ *Э. Шюре*, вносятъ при подпискѣ дополнительно еще одинъ рубль.

Подписка для иногороднихъ **только черезъ Контору Редакціи.**

Городская подписка принимается въ Конторѣ Редакціи (СПБ., Кабинетская ул., д. 7, кв. 1) ежедневно, кромѣ субботъ и праздничныхъ дней, отъ 12—4 час. дня и по воскресеньямъ отъ 11—12 час. дня, а также во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ. Годовая подписка въ разсрочку безъ повышенія цѣны допускается только **до 1 января 1909 г.**

По дѣламъ Редакціи издательница принимаетъ лично по вторникамъ и пятницамъ отъ 4—5 час. дня.

Отъ Редакціи. Статьи, присылаемыя для напечатанія въ „Вѣстникѣ Теософіи“, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и исправленіямъ. Рукописи должны быть написаны четко и на одной сторонѣ листа. Рукописи, не востребованныя въ теченіе трехмѣсячнаго срока, уничтожаются.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА СБОРНИКЪ СТАТЕЙ ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ

„ВОПРОСЫ ТЕОСОФІИ",

ВЫПУСКЪ II.

Сборникъ будетъ посвященъ памяти *Е. П. Блаватской.*

Сборникъ предполагается въ размѣрѣ 10 печатныхъ листовъ въ форматѣ in 8° по образцу изданія „Вопросы Теософіи" вып. 1.

Цѣна по подпискѣ 1 рубль.

Въ зависимости отъ успѣха подписки, изданіе предполагается выпустить къ празднику Пасхи въ 1909 году.

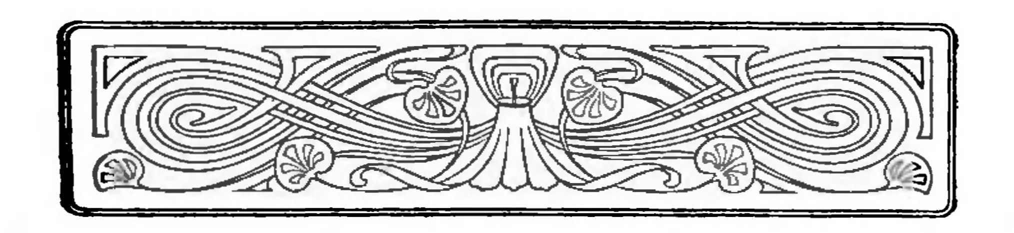
Послѣ выхода въ свѣтъ цѣна Сборника будетъ повышена.

Подписка принимается только въ Редакціи журнала „Вѣстникъ Теософіи",—С.-Петербургъ, Кабинетская, 7, кв. 1.

Спб. Городская Типографія. Садовая, 55, уг. Вознесенскаго.

СОДЕРЖАНІЕ

декабрьской книжки „Вѣстника Теософіи".

Теософское Міропониманіе.

I.

Въ № 5 „Вѣстника Теософіи", въ статьѣ „*Синтетическое міросозерцаніе и монадологическое міропониманіе*", я вкратцѣ изложилъ содержаніе двухъ соч. проф. Н. В. Бугаева: 1) „Математика и научно-философское міросозерцаніе" и 2) „Основы эволюціонной монадологіи".—Изложилъ я ихъ содержаніе въ виду того глубокаго интереса, который они представляютъ для теософіи, и въ предлагаемой мною теперь статьѣ „*Теософское Міропониманіе*" я начну повтореніемъ главнаго положенія Монадологіи, гласящаго, что въ основѣ всего проявленнаго, въ основѣ всего міра лежитъ *Монадическая Сущность*. Проявленіе этой сушности есть „Жизнь".—*Эволюція* міра и человѣка есть проявленіе монадической Сущности. Эволюціи предшествовала *Инволюція*: Инволюція есть исхожденіе изъ Сущности, Эволюція—возвращеніе въ Сущность: „Выдыханіе и вдыханіе Брамы",—„Я—Ты еси"— „Я и Отецъ—одно".—Инволюціи предшествовало *Самоограниченіе Сущности:* Изъ глубинъ единой неизреченной Божественной Сущности проявился *Логосъ:* Совершилась тайна *первичной жертвы: проявленіе Божества*, то, о чемъ въ Св. Писаніи сказано: „Агнецъ, закланный прежде созданія міра" *).—Всѣ религіозныя представленія о Богѣ и о вѣчности суть лишь представленія о *Божествѣ проявленномъ*. Понятіе о Богѣ какъ Безусловной Сущности ле-

*) Апок. XIII, 8.

житъ въ глубинахъ эзотерической философіи, въ эзотерическомъ ученіи о *Безусловномъ.*

Исходя изъ Первоисточника, изъ неизреченнаго Абсолюта, Логосъ какъ бы *самоограничивается,* становясь проявленнымъ Богомъ, и внутри сферы этой первичной жертвы, этого добровольнаго самоограниченія безграничной Божественной Сущности, міры возникаютъ, живутъ и замираютъ. Логосъ пребываетъ въ каждомъ атомѣ, все Собою проникая и все содержа: Онъ—Источникъ и Конецъ вселенной, ея причина и ея цѣль, ея центръ и ея предѣлъ. Логосъ самораскрывается въ *трехъ* ипостасяхъ: *первый Логосъ—Отецъ*—Корень Бытія; изъ него исходитъ *Второй Логосъ—Сынъ,* связующій великую полярность проявленія; изъ Него же исходитъ *Третій Логосъ—Духъ* вселенной, хранящій въ Себѣ всѣ первообразы міра.

Первое проявленіе Единства Сущности есть *дуализмъ: полярность;* затѣмъ: *тріипостасность: троичность.*—Полярность и Троичность являются Лейтмотивомъ вселенной подобно тому какъ единство есть основа Непроявленнаго, Безусловнаго. Много словъ было сказано въ различныхъ религіозныхъ и философскихъ системахъ для выраженія идеи полярности: Ишвара и Майа, Sât и Asât, сила и матерія, жизнь и форма. — Въ проявленіи сила и матерія какъ бы отдѣльны, но въ Сущности онѣ—*единое.*—Человѣкъ есть микрокозмъ: отраженіе макрокозма: Міровому „Я", Первому Логосу, въ человѣкѣ соотвѣтствуетъ *Atma,* индивидуальное „Я", которое сознаетъ: „Я и Отецъ—одно", и черезъ *Buddhi,* черезъ Сына, сознаетъ и *единство всѣхъ людей во Христѣ.*—Третьему Логосу, содержащему первообразы всего проявленнаго, въ человѣкѣ соотвѣтствуетъ его *Manas,* его духовный высшій Разумъ.

Atma, Buddhi, Manas составляютъ Троицу въ человѣкѣ: то „что живетъ и не умираетъ" (какъ говоритъ ап. Павелъ) *): Это—безсмертный, *индивидуальный* духъ человѣка, воплощенный въ смертной *личности,* которая въ каждомъ *перевоплощеніи* (перепроявленіи) иная, хотя *кармически*—связанная съ условіями минувшихъ перевоплощеній. — Міръ *деваханическій* („девахань"

*) Какъ извѣстно, Manas двойственъ и онъ никогда не проявляется въ чистомъ видѣ: или онъ сочетается со страстнымъ началомъ и проявляется, какъ малый разумъ (Kama-Manas), или онъ сливается съ духовнымъ началомъ и проявляется въ сліяніи съ нимъ, какъ Buddhi-Manas, высшій разумъ. Въ этомъ просвѣтленномъ видѣ онъ входитъ въ составъ высшей монады и образуетъ вмѣстѣ съ высшими началами безсмертную тріаду: Atma-Buddhi-Manas.

Прим. Ред.

Индусовъ, Swarga Грековъ, „Поля Аарну“ Египтянъ, рай христіанъ) есть сфера *Индивидуальности*. Міры *ментальный, астральный, эфирный, физическій*—составляютъ сферу *личности*. — Интеллектуальное сознаніе, чувства, поступки – все это: проявленіе *четверицы*, смертной личности (le quaternaire perissable). Индивидуальность человѣка, его *троичность*—Atma, Buddhi, Manas,—лишь въ періодъ „*Manvantara*“, въ періодъ *проявленія Божества*, являются какъ-бы отдѣльными другъ отъ друга, но когда наступаетъ „*Pralaya*“, когда (какъ говоритъ Шри Шанкара—Arapis въ Стансахъ „*Сокровеннаго ученія*“):

„Отецъ, Мать н Сынъ были снова *Единое*, и Сынъ еще не пробудился для Новаго Міра“,—когда наступаетъ „Pralaya“, когда завершенъ *циклъ эволюціи*, то Atma, Buddhi, Manas сливаются со своими Божественными первообразами: Тогда Сынъ (вселенское Богочеловѣчество) снова единъ съ Отцемъ, изъ Котораго онъ исшелъ, исшелъ дабы совершилась великая тайна міротворчества, тайна *Божественной Любви*, ради которой существуютъ земля и всѣ тѣ безчисленные сонмы небесныхъ свѣтилъ, что̀ въ звѣздную ночь ласкаютъ наши взоры, ради той Божественной Любви, явившей „*Слово*“, о которомъ читаемъ въ Евангеліи Іоанна: „Въ началѣ бѣ Слово... Безъ него ничто же бысть, еже бысть“ (Іоан. I, 1 и 3).

II.

Жизнь человѣка на землѣ есть проявленіе Монадической Сущности во времени и въ пространствѣ. Человѣкъ, живя на землѣ, живетъ въ трехъ мірахъ: въ мірѣ *акта (міръ физическій)*, въ мірѣ *чувства (міръ душевный*, называемый въ теософической литературѣ „*астральнымъ*“) и въ мірѣ *сознанія* (міръ *духовный* *). Что есть *время?*—Что есть *пространство?*—Время есть *послѣдовательность*, въ которой мы познаемъ объекты, а пространство—*направленія*, въ которомъ мы ихъ воспринимаемъ. Понятія „время“ и „пространство“ являются, конечно, лишь относительными способами нашего воспріятія: что̀ для одного является прошедшимъ, то для другого—настоящимъ или будущимъ; что̀ для одного „здѣсь“, то для другого „тамъ“.

И такъ, обитая на землѣ, мы живемъ въ трехъ мірахъ: въ мірѣ *акта*, въ мірѣ *чувства*, въ мірѣ *сознанія*.

---

*) Міръ Сознанія иногда называется въ теософіи *міромъ ментальнымъ*; его высшія проявленія совершаются въ мірѣ духовномъ.

Въ міръ акта (въ мірѣ *физическомъ) пространство неподвижно:* чтобы воспринять что-нибудь въ *пространствѣ,* мы должны подойти къ предметамъ въ пространствѣ, мы должны сами двинуться къ этимъ предметемъ. Чтобы мы могли подвинуться къ предметамъ въ пространствѣ, для этого необходимо *время.*

Въ міръ чувства (міръ душевный или *астральный) пространство подвижно.* Въ душевномъ мірѣ, въ мірѣ чувства, въ мірѣ радости и горести, человѣкъ какъ бы стоитъ въ центрѣ, а *пространство душевной сферы движется чрезъ него.* Если человѣкъ научится въ душевномъ мірѣ стоять такъ же твердо какъ онъ стоитъ въ физическомъ, то онъ можетъ дать вселенной пройти чрезъ себя: онъ можетъ *въ себѣ* пережить всю жизнь вселенной. *Въ міръ сознанія* (міръ *духовный)* познающій человѣкъ *соединяетъ въ себѣ* всѣ явленія пространства и времени.

Физическій міръ какъ бы подходитъ къ человѣку *извнѣ;* онъ стоитъ передъ нимъ и остается *инымъ,* чѣмъ онъ самъ.

Душевный міръ, міръ чувствъ и желаній, *струится сквозь человѣка,* но остается все-таки *инымъ,* чѣмъ онъ самъ. *Духовный міръ* струится *въ него* и становится имъ самимъ.—*Физически* воспринимать мы можемъ только въ *пространствѣ; душевно* воспринимаемъ мы только *во времени; духовно* воспринимаемъ *внѣ времени и пространства.*

Физическій міръ стоитъ *объективно* къ человѣку, но отношеніе человѣка къ духовному міру *субъективно.* Въ душевномъ мірѣ человѣкъ живетъ *субъективно,* но то, что онъ прибавляетъ къ астральному изъ себя, то встаетъ передъ нимъ какъ *объективное:* это есть его *Карма.* Въ своей статьѣ „*Карма*" (помѣщенной въ сборникѣ „*Вопросы Теософіи*"), я указалъ, что „*Карма*" *есть законъ причинности,* законъ причинъ и слѣдствій, ибо человѣкъ во всѣхъ тѣхъ сферахъ, гдѣ проявляется его дѣятельность (въ сферѣ акта, въ сферѣ чувства, въ сферѣ мысли) непрерывно *создаетъ центры силъ,* которые качественно и количественно являются слѣдствіями минувшаго и причинами грядущаго. Прибавлю здѣсь еще, что *Карма—это душевная жизнь человѣка, ставшая объективной.*—Когда человѣкъ свою душевную жизнь, ставшую объективной, можетъ опять воплотить въ себѣ такъ, чтобы составить съ ней одно цѣлое; когда онъ можетъ *субъективно возстановить Карму изъ своего духа,* тогда Карма его становится *въ немъ его духовной силой.*

Въ физическомъ мірѣ человѣкъ собираетъ *опыты* въ пространствѣ при помощи времени. Эти опыты развиваютъ въ немъ

его *душевную силу:* тогда душевный міръ проходитъ со своими образами черезъ человѣка и выступаетъ преобразованный имъ какъ его Карма. Но, проходящая черезъ человѣка его душевная жизнь, образуетъ и еще нѣчто: она пробуждаетъ его *духовныя силы, которыми* онъ и несетъ свою Карму.

Развитіе человѣка есть превращеніе физическихъ и душевныхъ переживаній въ духовныя силы. Если человѣкъ можетъ *сознательно* вести этотъ процессъ своего развитія, то онъ живетъ полной духовной жизнью: онъ можетъ тогда развязать узы своей Кармы, сжечь ее „огнемъ мудрости" и освободиться отъ нея.—И лишь тогда можетъ онъ во всей полнотѣ мистически пережить то, о чемъ поетъ хоръ въ концѣ 2-й части Гетевскаго „Фауста".

„Все невозможное—возможно,
Что несказанно было, днесь
Все выразимо, непреложно".

(„Фаустъ" II часть, перев. Холодковскаго).

Тогда можетъ онъ услышать и понять *„Голосъ Безмолвія"*, пробуждающій его и зовущій къ союзу между внѣшнимъ міромъ и глубиной духовнаго сознанія.

П. Батюшковъ.

Москва, 20 октября 1908 г.

Познаете истину и истина сдѣлаетъ васъ свободными.

(Ев. отъ Іоанна, VIII, 32).

Вы соль земли. Если же соль потеряетъ силу, то чѣмъ сдѣлаешь ее соленой?

(Ев. отъ Матѳея, V, 13).

Большій изъ васъ да будетъ вамъ слуга.

(Ев. отъ Матѳея, XXIII, 11—12).

Древняя мудрость.

А. Безантъ.

Перевоплощеніе.

*(Продолженіе *).*

Человѣческая Монада, какъ мы уже видѣли, тройственна по своей природѣ, и ея три аспекта мы назвали: Духъ, духовная Душа и человѣческая Душа—Atma, Buddhi, Manas. По всей вѣроятности, Монада формы, послѣ безчисленныхъ вѣковъ, могла бы развить въ своемъ медленномъ восхожденіи начало разума (Manas) путемъ прогрессивнаго развитія. Но не таковъ былъ путь, по которому слѣдовала природа въ развитіи первыхъ человѣческихъ расъ въ прошломъ и въ развитіи представителей животнаго царства въ настоящемъ. Когда жилище было готово, его обитатель являлся изъ высшихъ областей бытія; жизнь Атмы спускалась, облекая себя въ Будди, подобно золотой нити; а когда появлялся ея третій аспектъ, Манасъ, на высшихъ уровняхъ ментальной сферы (arûpa), зачаточный Манасъ внутри развивающейся формы оказывался оплодотвореннымъ, и результатомъ этого соединенія являлось зачаточное „тѣло причинности" (corps causal). Такимъ образомъ происходитъ индивидуализація духа, его инволюція въ форму, и этотъ духъ, заключенный въ „тѣло причинности" (corps causal), и есть душа, индивидуумъ, истинный человѣкъ. Это и есть часъ рожденія человѣка, ибо, хотя сущность его вѣчна, не рождается и не умираетъ, его рожденіе *во времени, какъ индивидуума,* вполнѣ опредѣленно.

Далѣе, это духовное изліяніе достигаетъ развивающихся формъ не прямымъ путемъ, но черезъ посредниковъ. Когда чело-

---

*) „Вѣстникъ Теософіи", 1908 г., № 11, стр. 6.

вѣческая раса достигла необходимой для того ступени, высокія Сущности, называемыя по санскритски Mânasa-putra (Сыны Разума) погружали въ человѣка Монадическую искру Atma—Buddhi—Manas, необходимую для образованія зачаточной души. А нѣкоторыя изъ этихъ великихъ Сущностей даже воплощались въ человѣческія формы, чтобы стать руководителями младенческаго человѣчества. Эти „Сыны Разума" окончили свою собственную эволюцію въ другихъ мірахъ и появились въ этомъ болѣе молодомъ мірѣ, на нашей землѣ, съ цѣлью помочь эволюціи человѣческой расы. Они являются воистину духовными отцами преобладающей массы человѣчества.

Другія разумныя существа менѣе высокаго происхожденія, человѣческія существа, не окончившія своего развитія въ предшествующихъ циклахъ другого міра, воплощались среди той расы *), отдѣльные индивидуумы которой получили свои младенческія души только-что упомянутымъ способомъ. По мѣрѣ того, какъ эта раса развивалась, человѣческія тѣла улучшались и миріады душъ, ожидавшія своей очереди для воплощенія, чтобы продлить свою эволюцію, рождались среди дѣтей этой расы. Въ древнихъ писаніяхъ и эти души (изъ другого міра) носятъ названіе „Сыновъ Разума", ибо онѣ обладали уже индивидуальнымъ разумомъ, хотя сравнительно еще мало развитымъ; будемъ называть ихъ „младенческими" душами въ отличіе отъ зачаточныхъ душъ большинства человѣчества и отъ зрѣлыхъ душъ великихъ учителей. Эти младенческія души составляли, благодаря своему болѣе развитому разуму, авангардъ, руководящіе типы древняго человѣчества, высшія касты, болѣе подготовленныя для воспріятія знанія. Въ древности онѣ воплощались въ господствовавшихъ кастахъ, управлявшихъ массою менѣе развитыхъ людей. И такимъ образомъ возникли въ нашемъ мірѣ огромныя различія въ умственныхъ и нравственныхъ способностяхъ, которыя отдѣляютъ наиболѣе развитыя расы отъ менѣе развитыхъ и которыя въ предѣлахъ даже одной и той же расы отдѣляютъ философа-мыслителя отъ полуживотнаго типа наиболѣе низкихъ представителей той же народности. Эти различія являются лишь различіями ступеней эволюціи, возраста данной души, и они проходятъ черезъ всю исторію человѣчества на нашемъ земномъ шарѣ. Какъ бы далеко мы не углублялись

*) Рѣчь идетъ о третьей Лемурійской расѣ земного человѣчества. Четвертая носитъ названіе Атлантской, а пятая, къ которой принадлежимъ мы, Арійской (прим. перев.).

въ наше разслѣдованіе, мы вездѣ найдемъ историческія указанія на высоко одаренныхъ людей и людей съ еле занимающимся сознаніемъ, живущими бокъ о бокъ; и оккультныя указанія, съ своей стороны, говорятъ намъ о томъ же явленіи въ доисторическія, не подлежащія научному разслѣдованію, эпохи человѣчества. Это не должно смущать насъ, ибо никто не былъ предпочтенъ незаслуженно другому, и ни на кого не налагалось незаслуженное бремя тяжелаго земного существованія. Самыя высокія души переживали въ свое время и младенчество, и дѣтство, хотя бы и въ предшествующихъ мірахъ, гдѣ другія души стояли надъ ними такъ же высоко, какъ они стоятъ въ настоящемъ надъ неразвитой народной массой. И придетъ время, когда самыя неразвитыя младенческія души поднимутся на ту же ступень, гдѣ теперь стоятъ самыя высокія души, а ихъ мѣсто въ эволюціи займутъ души, еще не начавшія воплощаться въ наше время. Многое кажется намъ несправедливымъ только потому, что мы вырываемъ явленія изъ подобающаго имъ мѣста въ эволюціи и ставимъ ихъ отдѣльно, безъ связи съ предшествующими и послѣдующими явленіями. Несправедливость видна лишь для нашего невѣдѣнія; пути природы одинаковы для всѣхъ, и она приноситъ всѣмъ свою очередь и младенчества, и дѣтства, и возмужалости. Не ея вина, если наша ограниченность, неразумно требуя, чтобы всѣ души занимали одну и ту же ступень развитія одновременно, кричитъ: „несправедливо!“ когда требованіе это не выполняется.

Мы лучше поймемъ эволюцію души, если начнемъ изучать ее съ того момента, когда животное—человѣкъ, созрѣвъ настолько, чтобы воспринять въ себя зачаточную душу, воспринялъ ее въ себя. Чтобы избѣжать возможнаго недоразумѣнія, не слѣдуетъ представлять себѣ, что съ этого момента въ человѣкѣ дѣйствуютъ *двѣ* Монады—одна, построившая человѣческую форму, и другая—сошедшая въ эту форму и имѣвшая своимъ низшимъ аспектомъ человѣческую душу. Возьмемъ для поясненія удачное сравненіе у Е. П. Блаватской: какъ два луча солнца, проходя черезъ щель въ ставнѣ, составятъ *одинъ* лучъ, послѣ того какъ ихъ было *два*, то же самое и съ этими лучами, исходящими изъ центра Жизни верховнаго Владыки нашей вселенной. Второй лучъ, проникнувъ въ человѣческую форму, сливается съ первымъ лучомъ, прибавивъ ему лишь свѣжую энергію и яркость, послѣ чего человѣческая Монада, какъ *новая единица*, начинаетъ свою великую задачу: развить въ человѣкѣ всѣ силы той Божественной Жизни, изъ которой она произошла.

Зачаточная душа, Мыслитель, имѣлъ вначалѣ своимъ эмбріоническимъ ментальнымъ тѣломъ ту оболочку изъ ментальной субстанціи, которую Монада формы принесла съ собой, но которую она еще не достаточно организовала для возможности правильно дѣйствовать. Это—не болѣе, какъ зародышъ ментальнаго тѣла, прикрѣпленный къ такому же зародышу „тѣла причинности", и въ теченіе еще многихъ и многихъ жизней сильная „страстная природа" человѣка будетъ подчинять эту зачаточную душу, увлекая ее въ вихрь своихъ страстей и вожделѣній и устремляя на нее всѣ бурныя волны своей собственной необузданной животности. Какимъ бы отталкивающимъ не представлялся этотъ ранній періодъ жизни Души, если смотрѣть на него съ высоты уже достигнутой нами, онъ былъ необходимъ для проростанія первыхъ ростковъ разума, заключенныхъ въ душѣ. *Распознаваніе различія*, понятіе о томъ, что каждая вещь отличается отъ каждой другой вещи, есть необходимое предварительное условіе для процесса мысли вообще. И для того, чтобы пробудить это понятіе въ неначавшей еще думать душѣ, на нее должны были дѣйствовать сильные контрасты, а чтобы вызвать въ ней сознаніе различія этихъ контрастовъ—ударъ за ударомъ то бурныхъ наслажденій, то раздирающихъ страданій должны были падать на нее. Внѣшній міръ ударялъ какъ молотомъ по душѣ посредствомъ страстнаго начала, пока не начали возникать понятія, а послѣ безчисленнаго повторенія однихъ и тѣхъ же переживаній, послѣдніе не начали заноситься въ память. Всѣ небольшія завоеванія, которыя пріобрѣтались въ каждой послѣдовательной жизни, сохранялись Мыслителемъ, какъ мы уже видѣли, и такимъ образомъ происходило медленное движеніе впередъ.

Движеніе было поистинѣ медленное, ибо *мысль* почти совсѣмъ еще не дѣйствовала, и поэтому для организаціи ментальнаго тѣла необходимыя условія еще не наступили. Пока не скопилось значительнаго количества понятій, занесенныхъ въ ментальное тѣло, въ видѣ мысленныхъ образовъ, не могло появиться и матеріаловъ для умственной дѣятельности, идущей изнутри; такая дѣятельность могла начаться только тогда, когда два или нѣсколько мысленныхъ образовъ становились рядомъ, и какой-либо выводъ, хотя бы самый элементарный, извлекался изъ этого сопоставленія. Подобный выводъ является началомъ разсужденія, зачаткомъ всѣхъ логическихъ системъ, которыми обладаетъ человѣческій разумъ. И всѣ подобные выводы дѣлались вначалѣ въ угоду страстной природѣ человѣка, или для увеличенія насла-

жденій, или для уменьшенія страданій; но въ то же время они увеличивали дѣятельность проводника мысли и побуждали его къ болѣе быстрой дѣятельности. Изъ всего сказаннаго дѣлается несомнѣннымъ, что въ этотъ періодъ младенчества человѣческой души у нея не было понятія *о добрѣ и злѣ:* праведнаго и грѣшнаго для нея не существовало. Добромъ можно назвать все то, что соотвѣтствуетъ Божественной волѣ, что помогаетъ прогрессу души, что ведетъ къ усиленію высшей природы человѣка и къ воспитанію и покоренію его низшей природы. Зломъ же будетъ все то, что замедляетъ развитіе, что удерживаетъ душу на низшей ступени и тогда, когда необходимые уроки были уже всѣ выучены, все то, что ведетъ къ преобладанію низшей природы надъ высшей и что развиваетъ въ человѣкѣ звѣря, вмѣсто того, чтобы развивать въ немъ Бога. Прежде чѣмъ человѣкъ позналъ, въ чемъ состоитъ добро, онъ долженъ былъ узнать существованіе закона; познать же законъ онъ могъ лишь, испытывая все, что привлекало его во внѣшнемъ мірѣ, хватаясь за каждый привлекательный предметъ, а затѣмъ узнавая по опыту, сладкому или горькому, состояло ли его наслажденіе въ гармоніи, или въ противорѣчіи съ закономъ. Возьмемъ яркій примѣръ, относящійся до вкусной пищи, и посмотримъ, какимъ образомъ человѣкъ-младенецъ могъ познать при этомъ существованіе закона природы. Въ первый разъ, когда былъ удовлетворенъ его голодъ и онъ получилъ пріятныя вкусовыя ощущенія, результатомъ было одно удовольствіе, ибо дѣйствіе его оставалось въ гармоніи съ закономъ. Въ другой разъ, желая усилить удовольствіе, онъ съѣлъ болѣе, чѣмъ нужно, и пострадалъ оттого, ибо онъ преступилъ законъ. Отсюда произошло смутное представленіе въ пробуждающемся сознаніи, *какимъ образомъ* пріятное переходитъ въ непріятное благодаря неумѣренности. Снова и снова желаніе будетъ толкать его къ неумѣренности, и каждый разъ онъ будетъ испытывать мучительныя послѣдствія, пока не сознаетъ пользу умѣренности, иными словами, пока не научится примѣнять физическія дѣятельности своего тѣла къ физическому закону.

Онъ найдетъ при этомъ, что существуютъ условія, которыя приносятъ ему вредъ и въ то же время находятся внѣ его власти, и что, только соблюдая ихъ, онъ можетъ обезпечить свое физическое благоденствіе. Одни и тѣ же опыты достигаютъ до него— черезъ тѣлесные его органы—съ неизмѣнною правильностью; всѣ устремляющіяся изъ него желанія приносятъ ему или наслажденія, и страданія, въ томъ размѣрѣ, въ какомъ они или выполняютъ

законы природы, или же идутъ противъ нихъ; а по мѣрѣ того, какъ растетъ его опытъ, послѣднiй начинаетъ руководить поступками человѣка и влiять на его выборъ. Такимъ образомъ, человѣку не приходится начинать свои испытанiя сызнова съ каждой новой жизнью, ибо, рождаясь вновь, онъ приноситъ съ собой и весь уже имѣвшiйся у него запасъ опытности.

Мы видѣли, что ростъ, въ этотъ раннiй перiодъ, происходитъ чрезвычайно медленно, ибо умственная дѣятельность находится еще въ зачаточномъ состоянiи, и когда человѣкъ, умирая, покидаетъ свое физическое тѣло, онъ проводитъ бóльшую часть своего времени въ *Камалокѣ*. Короткiй же перiодъ Девакана онъ проводитъ во снѣ, безсознательно претворяя въ себя всѣ ничтожныя умственныя прiобрѣтенiя, которыя еще недостаточно опредѣленны для активныхъ небесныхъ переживанiй. Но какъ бы то ни было, а его неподлежащее разрушенiю „тѣло причинности" было въ Деваканѣ, какъ прiемникъ всѣхъ качествъ человѣка, которыя должны быть перенесены въ послѣдующую земную жизнь. Ту роль, которую на болѣе раннихъ ступеняхъ эволюцiи играла „монадическая групповая душа", теперь играетъ для человѣка его „тѣло причинности", и только благодаря этому неразрушимому началу возможна эволюцiя человѣка. Безъ него накопленiе всѣхъ умственныхъ и нравственныхъ опытовъ, проявляющихся въ видѣ внутреннихъ свойствъ, было бы такъ же невозможно, какъ накопленiе физическихъ опытовъ, выражающихся въ нацiональныхъ и семейныхъ особенностяхъ, невозможно безъ непрерываемости физической плазмы. Душа, безъ всякаго прошлаго, внезапно возникающая изъ ничего и въ то же время одаренная умственными и нравственными особенностями, это такой же абсурдъ, какъ утвержденiе, что младенецъ можетъ появиться безъ всякой связи съ кѣмъ бы то ни было, обладая при этомъ всѣми признаками нацiональнаго и семейнаго типа. Ни самъ человѣкъ, ни его физическая оболочка, не могутъ появиться безпричинно, по неожиданному произволу Творца. Здѣсь, какъ и вездѣ, невидимое становится понятнымъ благодаря его аналогiи съ видимымъ, и это происходитъ отъ того, что видимое бытiе, въ сущности, не что иное, какъ отраженiе бытiя невидимаго. Безъ непрерывности физической плазмы мы были бы лишены средства для эволюцiи физическихъ особенностей; безъ непрерывности сознанiя не было бы средства для эволюцiи умственныхъ и нравственныхъ качествъ. Въ обоихъ случаяхъ отнимите непрерывность, и эволюцiя остановится на своей первой ступени, а мiръ превратится въ хаосъ

безконечныхъ и разобщенныхъ начинаній, вмѣсто космоса непрерывнаго осуществленія.

Мы должны не забывать, что въ этотъ ранній періодъ окружающая среда играетъ большую роль при опредѣленіи какъ типа, такъ и направленія, по которому происходитъ индивидуальный прогрессъ человѣка.

Въ концѣ концовъ всѣ души должны развивать сами заложенныя въ нихъ силы; то направленіе, въ которомъ эти силы развиваются, будетъ зависѣть отъ окружающихъ условій, среди которыхъ развивается душа. Климатъ, плодородіе или скудость природы, жизнь въ горахъ или долинѣ, среди континентальныхъ лѣсовъ или на берегу океана—всѣ эти условія и еще безчисленное множество другихъ будутъ содѣйствовать пробужденію то одного, то другого вида душевныхъ свойствъ. Существованіе суровое, въ условіяхъ тяжкой и безпрерывной борьбы съ природой, разовьетъ одни свойства, тогда какъ роскошная природа тропическаго острова вызоветъ къ жизни совершенно другія. И тѣ, и другія свойства необходимы, ибо душа должна научиться завоевывать *всѣ* области природы, но при этомъ можетъ проявиться разительная разница въ душахъ одного и того же возраста; одна душа можетъ казаться несравненно болѣе зрѣлой, чѣмъ другая, смотря по тому, съ какой точки зрѣнія ее оцѣниваютъ: съ точки ли зрѣнія *практическихъ* или же *созерцательныхъ* силъ души, съ точки ли зрѣнія активной закаленной энергіи или же спокойнаго, внутрь направленнаго размышленія. Вполнѣ выросшая душа должна обладать всѣми свойствами, но развиваетъ она ихъ постепенно, и въ этомъ коренится другая причина безконечнаго разнообразія, встрѣчающагося среди людей.

Никогда не нужно забывать, что человѣческая эволюція индивидуальна. Въ группѣ живыхъ существъ, одушевляемыхъ одной и той же групповой душой, встрѣчаются одни и тѣ же инстинкты потому, что вмѣстилищемъ всѣхъ переживаемыхъ опытовъ является единая „монадическая групповая душа“, и изъ нея изливается жизнь во всѣ отдѣльныя формы, зависящія отъ нея. Но каждый человѣкъ имѣетъ свой собственный физическій проводникъ, и проводникъ этотъ одинъ для каждаго даннаго времени, вмѣстилищемъ же всѣхъ переживаемыхъ опытовъ является „тѣло причинности“ (corps causal), которое вливаетъ свою жизнь въ свой собственный физическій проводникъ и уже не можетъ вліять ни на какой другой. Отсюда различія между человѣческими индивидуумами несравненно болѣе рѣзкія, чѣмъ различія между род-

ственными животными; и эволюція человѣческихъ качествъ не можетъ, вслѣдствіе этого, изучаться на массѣ людей, но лишь на одной непрерывающейся индивидуальности. Физическая наука, не имѣющая средствъ для такого изученія, и не можетъ объяснить, *почему* нѣкоторые люди возвышаются надъ цѣлой расой, представляя изъ себя истинныхъ умственныхъ и нравственныхъ гигантовъ; она не способна объяснить умственную эволюцію Шанкарашарія или Пиѳагора, а также нравственную эволюцію Будды или Христа.

Разсмотримъ теперь различные факторы, дѣйствующіе въ процессѣ перевоплощенія; ихъ ясное пониманіе необходимо для разрѣшенія нѣкоторыхъ трудностей, напримѣръ: почему утерирается воспоминаніе предшествующихъ жизней, на которыя наталкиваются люди, мало знакомые съ идеей перевоплощенія. Мы уже видѣли, что человѣкъ, проходящій черезъ физическую смерть, черезъ Камалоку и Деваканъ, теряетъ—одно за другимъ—свои различныя тѣла—физическое, астральное и ментальное. Всѣ они разрушаются, и распавшіяся частицы ихъ соединяются съ матеріей соотвѣтствующихъ космическихъ сферъ. Связь самого человѣка съ своимъ физическимъ проводникомъ при этомъ вполнѣ уничтожается, но астральное и ментальное тѣла передаютъ душѣ человѣка, Мыслителю, зародыши всѣхъ свойствъ и способностей, появившихся какъ результатъ различныхъ дѣятельностей въ его земной жизни; зародыши эти, сохраняемые въ „тѣлѣ причинности", являютъ собою зачатки будущаго астральнаго и ментальнаго тѣлъ. Въ этотъ періодъ, когда всѣ три проводника разрушены, сохраняется лишь самъ человѣкъ, пахарь, собравшій всю жатву, помѣстившій ее въ житницу и живущій на ея счетъ, пока она не претворится въ его плоть и кровь.

Когда займется для него заря новой жизни, онъ снова долженъ будетъ вернуться къ своей работѣ до слѣдующей вечерней зари.

Новая жизнь начинается оживотвореніемъ ментальныхъ зародышей, и эти зародыши притягиваютъ къ себѣ частицы матеріи низшихъ подраздѣленій ментальной сферы до тѣхъ поръ, пока не возникнетъ новое ментальное тѣло, являющее собой въ точности тотъ умственный уровень, на которомъ человѣкъ остановился въ предыдущемъ воплощеніи; тѣло это выражаетъ въ своемъ строеніи всѣ умственныя качества человѣка.

Опыты пережитаго сохраняются въ этомъ новомъ тѣлѣ, но не въ видѣ опредѣленныхъ мысленныхъ образовъ; какъ мысленные

образы, они погибли вмѣстѣ съ старымъ ментальнымъ тѣломъ, но ихъ сущность, воздѣйствіе ихъ на свойства человѣка, сохраняется навсегда. Эти опыты представляли собою пищу для ума, матеріалы, которые онъ претворялъ въ силы, а въ новомъ „тѣлѣ мысли" они возникаютъ вновь какъ творческія силы, они опредѣляютъ его качества и строятъ его органы. Когда человѣкъ, Мыслитель, облекъ себя такимъ образомъ въ новое тѣло для своей новой жизни въ ментальной сферѣ, онъ начинаетъ тѣмъ же путемъ строить для себя новое астральное тѣло. Это тѣло, въ свою очередь, въ точности изображаетъ его страстную природу, воспроизводя всѣ свойства, развитыя въ прошломъ, такъ же, какъ сѣмя воспроизводитъ породившее его дерево. Такимъ образомъ, человѣкъ является вполнѣ готовымъ для своего слѣдующаго воплощенія, сохраняя воспоминанія о своемъ прошломъ лишь въ „тѣлѣ причинности", въ единственной оболочкѣ, которая переходитъ изъ жизни въ жизнь. Въ то же время подготовляются условія для того, чтобы снабдить его физическимъ тѣломъ, подходящимъ для выраженія его внутреннихъ качествъ. Въ предыдущихъ жизняхъ онъ завязалъ отношенія съ другими людьми, связалъ себя разнообразными долгами по отношенію этихъ людей, и нѣкоторые изъ этихъ отношеній и обязательствъ и послужатъ для опредѣленія мѣста его рожденія и будущей его семьи *).

Въ прошломъ онъ былъ источникомъ счастія или несчастія для другихъ; это обстоятельство и будетъ рѣшающимъ для характера его наступающей жизни. Его страстная природа можетъ быть или хорошо дисциплинирована, или же невоздержана и безпорядочна; это обстоятельство будетъ принято въ соображеніе при выборѣ физическихъ особенностей новаго тѣла. Или онъ развивалъ опредѣленныя душевныя силы, напримѣръ художественность, и это будетъ принято въ расчетъ, такъ какъ физическая наслѣдственность является важнымъ условіемъ тамъ, гдѣ требуется тонкость нервной организаціи для выраженія опредѣленныхъ талантовъ, и такъ далѣе, въ безконечномъ разнообразіи подробностей. При этомъ человѣкъ можетъ обладать одновременно и несоотвѣтствующими одно другому свойствами, вслѣдствіе чего въ одномъ и томъ же тѣлѣ не будутъ въ состояніи выразиться *всѣ* его задатки; тогда среди нихъ произойдетъ подборъ такихъ свойствъ, которыя могутъ быть выражены одновре-

*) Всѣ подробности относительно этого вопроса будутъ объяснены въ главѣ IX о „Кармѣ".

менно. Вся эта работа производится разумными духовными Сущностями, называемыми иногда „Владыками Кармы“ *) потому, что ихъ дѣятельность состоитъ въ осуществленіи причинъ, постоянно зарождаемыхъ мыслями, желаніями и дѣйствіями людей. Они держатъ нити судьбы, которыя каждый человѣкъ выткалъ для себя, и направляютъ перевоплощающагося человѣка въ среду, опредѣляемую его прошлымъ, безсознательно выбранную имъ въ прежней его земной жизни.

Когда раса, нація, народность и семья опредѣлились, Владыки Кармы даютъ то, что можно бы назвать моделью физическаго тѣла, приспособленной для выраженія качества даннаго человѣка и для проявленія послѣдствій всего, что онъ посѣялъ въ прошломъ. Новый эфирный двойникъ, точная копія этой модели, вносится въ материнское лоно, черезъ посредство элементаля, одушевленнаго мыслью „Владыкъ Кармы“. Плотное физическое тѣло вводится, молекула за молекулой, въ эфирный двойникъ, слѣдуя въ точности за его очертаніями, и здѣсь физическая наслѣдственность оказываетъ рѣшающее вліяніе, ибо *она* доставляетъ всѣ необходимые матеріалы. Кромѣ того, мысли и страсти окружающихъ людей, въ особенности постоянно присутствующихъ отца и матери, оказываютъ свое воздѣйствіе на работу элементаля-строителя. Такимъ образомъ, индивидуальности, связанныя кармически съ воплощающимся человѣкомъ, сильно вліяютъ на физическія условія его новаго земного существованія. Новое астральное тѣло входитъ съ самаго начала въ соотношенія съ новымъ эфирнымъ двойникомъ и оказываетъ на его построеніе значительное вліяніе; кромѣ того, черезъ посредство астральнаго тѣла ментальное воздѣйствуетъ на организацію нервной системы, приготовляя изъ нея подходящее орудіе для своего выраженія въ будущемъ. Это вліяніе, начатое еще *передъ* рожденіемъ человѣка (такъ что построеніе мозга ребенка указываетъ уже при самомъ рожденіи на размѣръ и равновѣсіе его умственныхъ и нравственныхъ качествъ), это вліяніе продолжается и послѣ рожденія, и построеніе мозга и нервовъ и приведеніе ихъ въ соотношеніе съ астральнымъ и ментальнымъ тѣлами продолжаются до седьмого года, т. е. до возраста, когда соединеніе внутренняго человѣка съ его физической оболочкой вполнѣ заканчивается. Съ этого времени человѣкъ перестаетъ воздѣйствовать *на* свой физическій проводникъ и начинаетъ дѣйствовать *черезъ* него. До этого возраста сознаніе Мы-

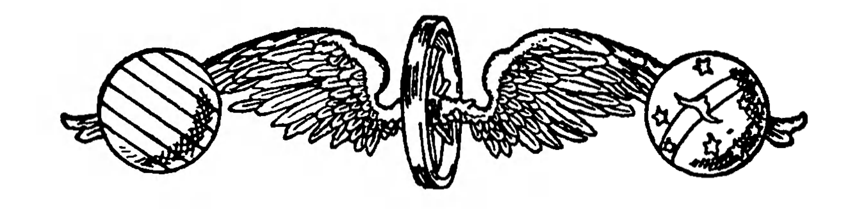
*) Они упомннаются въ *Тайной Доктринѣ* подъ названіемъ *Lipica*; они ведутъ списки Кармы.

слителя дѣйствуетъ болѣе въ астральной сферѣ, чѣмъ въ физической, и на это указываетъ частое проявленіе психическихъ силъ у маленькихъ дѣтей. Они видятъ нерѣдко невидимые для другихъ товарищей волшебные пейзажи, слышатъ голоса, неслышные для старшихъ, схватываютъ прелестныя, изящныя фантазіи изъ астральнаго міра. Всѣ эти явленія обыкновенно исчезаютъ, когда Мыслитель начинаетъ сильно работать черезъ физическій свой проводникъ, и тогда мечтательный ребенокъ превращается въ совершенно обыкновеннаго мальчика или дѣвочку къ большому облегченію смущенныхъ родителей, не понимавшихъ „странностей" своего ребенка. Большинство дѣтей владѣетъ, хотя бы и въ небольшихъ размѣрахъ, такими „странностями", но дѣти быстро научаются скрывать свои фантазіи и видѣнія отъ несочувствующихъ имъ старшихъ, боясь выговора за „сочиненіе", или, что еще страшнѣе для ребенка, боясь показаться смѣшнымъ. Если бы только родители могли видѣть мозгъ своихъ дѣтей, вибрирующій подъ вліяніемъ тѣсно перепутанныхъ физическихъ и астральныхъ вибрацій и воспринимающій отъ времени до времени, благодаря своей крайней пластичности, воздѣйствія даже изъ болѣе высокихъ міровъ, въ видѣ проносящихся передъ нимъ видѣній сіяющей красоты, родители стали бы съ бо́льшимъ терпѣніемъ прислушиваться къ смутному лепету своихъ малютокъ, которыя съ напряженіемъ стараются перевести на тяжеловѣсный земной языкъ летучія соприкосновенія съ высшимъ міромъ, отъ времени до времени достигающимъ до ихъ сознанія. Идея перевоплощенія, вѣрно понятая, оградила бы дѣтство отъ его наиболѣе патетическаго переживанья—стремленья одинокой, безпомощной души пріобрѣсти власть надъ своими новыми проводниками. Въ моментъ, когда душа вступаетъ въ связь съ своей физической, слѣдовательно наиболѣе грубой, оболочкой, для нея было бы чрезвычайно важно сохранить способность воздѣйствовать на промежуточныя (астральное и ментальное) тѣла съ достаточною опредѣленностью, чтобы они могли передавать физическому мозгу свои тонкія вибраціи. Болѣе просвѣщенная симпатія къ переживаніямъ ребенка сдѣлала бы для его души болѣе легкой эту задачу.

Пер. Е. П.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Какъ достигнуть познанія сверхчувственныхъ міровъ.

Д-ра **Р. Штейнеръ.**

Глава IX.

О нѣкоторыхъ дѣйствіяхъ Посвященія.

Развитіе астральнаго тѣла, какъ оно описано въ предыдущихъ главахъ, создаетъ для человѣка возможность воспріятія сверхчувственныхъ явленій. Но кто хочетъ основательно познакомиться съ міромъ этихъ явленій, тотъ не долженъ оставаться на этой ступени развитія. Одного факта движенія цвѣтковъ лотоса—недостаточно. Человѣкъ долженъ умѣть вполнѣ сознательно владѣть и управлять движеніемъ своихъ астральныхъ органовъ. Иначе онъ можетъ сдѣлаться игрушкой внѣшнихъ силъ. Для избѣжанія этого онъ долженъ пріобрѣсти способность воспринимать такъ-называемое „внутреннее слово", а для этого должно быть развито не только астральное, но и эфирное тѣло. Это—то тонкое тѣло, которое для ясновидящаго представляется какъ бы двойникомъ физическаго организма; въ извѣстной степени оно и является переходной ступенью между физическимъ тѣломъ и астральнымъ. Обладая способностью ясновидѣнія, можно съ полнымъ сознаніемъ отличить его отъ физическаго тѣла предстоящаго человѣка. На высшей ступени это то же, что упражненіе вниманія на низшей. Какъ возможно отвлечь свое вниманіе отъ чего-либо находящагося передъ нами въ такой степени, что оно перестанетъ существовать для насъ, такъ же и ясновидящій можетъ погасить воспріятіе находящагося передъ нимъ физическаго

тѣла до того, что оно сдѣлается для него совершенно прозрачнымъ; и тогда передъ его душевнымъ зрѣніемъ останется, кромѣ астральнаго, еще и эфирное тѣло, которое по величинѣ превышаетъ оба другія тѣла и оба ихъ проникаетъ. Эфирное тѣло имѣетъ *приблизительно* форму физическаго, занимая примѣрно то же пространство, что и послѣднее. Это до крайности нѣжно и тонко организованное образованіе *). Его основной тонъ иной, чѣмъ составляющіе радугу семь цвѣтовъ. Кто способенъ его наблюдать, тотъ познаетъ цвѣтъ, совершенно не существующій для чувственнаго наблюденія. Ближе всего его сравнить съ окраской молодого персиковаго цвѣтка. Если пожелать дѣлать наблюденія надъ однимъ эфирнымъ тѣломъ безъ астральнаго, нужно научиться на время погашать воспріятіе послѣдняго посредствомъ такого же упражненія въ сосредоточеніи вниманія, какое было указано по отношенію къ погашенію физическаго тѣла. Если этого не сдѣлать, то видъ эфирнаго тѣла будетъ не настоящій, благодаря проникающему въ него астральному тѣлу.

Частички эфирнаго тѣла у человѣка находятся въ постоянномъ движеніи; безчисленные потоки проходятъ черезъ него со всѣхъ сторонъ. Благодаря этимъ потокамъ поддерживается и управляется его жизнь. Всякое *живое* тѣло имѣетъ такое эфирное тѣло. Имѣютъ его и растенія и животныя. Даже у минераловъ внимательный наблюдатель можетъ замѣтить слѣды этого тѣла. Выше упомянутые потоки и движенія совершенно не зависимы отъ воли и сознанія человѣка, такъ же какъ дѣятельность его физическаго сердца или желудка независимы отъ его произвола. И пока человѣкъ не возьметъ въ собственныя руки свое развитіе въ смыслѣ пріобрѣтенія сверхчувственныхъ способностей, эта независимость останется неприкосновенной, ибо на извѣстной ступени высшее развитіе и состоитъ въ томъ, чтобы къ независимымъ отъ сознанія потокамъ и движеніямъ эфирнаго тѣла присоединить и такія, которыя человѣкъ сознательно вызываетъ самъ.

Когда оккультное обученіе настолько подвинется, что начинаютъ приходить въ движеніе описанные въ предыдущихъ главахъ цвѣты лотоса, тогда ученикъ получаетъ указанія, слѣдуя которымъ онъ вызываетъ совершенно опредѣленныя теченія и движенія въ своемъ эфирномъ тѣлѣ. Цѣлью этихъ указаній служитъ образованіе въ области физическаго сердца нѣкотораго рода

*) Прошу физиковъ не соединять понятія объ „эфирномъ тѣлѣ“ съ эфиромъ физическихъ гипотезъ. Слово „эфиръ“ должно обозначать лишь тонкость разсматриваемаго образованія.

центра, изъ котораго исходятъ потоки и движенія разнообразнѣйшихъ цвѣтовъ и формъ. Этотъ центръ не есть отвлеченная точка, а вполнѣ реальное образованіе, чудесно построенный органъ. Онъ свѣтитъ и переливается всевозможными цвѣтами и являетъ формы, чрезвычайно правильныя по строенію, могущія быстро измѣняться. Всѣ развивающіеся въ этомъ органѣ формы и цвѣтовые потоки направляются изъ него во всѣ остальныя части тѣла, выходя и за его предѣлы, насквозь проникая и освѣщая все его астральное тѣло. Но самые важные изъ этихъ потоковъ направляются къ цвѣтамъ лотоса. Они протекаютъ черезъ отдѣльные лепестки и управляютъ ихъ вращеніемъ, затѣмъ по конечностямъ лепестковъ они устремляются наружу, чтобы потеряться во внѣшнемъ пространствѣ. Чѣмъ развитѣе человѣкъ, тѣмъ болѣе увеличивается окружность, по которой распространяются эти потоки.

Въ особенно близкомъ соотношеніи съ описаннымъ центромъ находится двѣнадцатилепестный цвѣтокъ лотоса. Въ него стремятся непосредственно потоки, и черезъ него проходятъ они съ одной стороны къ шестнадцатилепестному и двухлепестному, а съ другой (нижней) стороны къ восьми-, шести- и четырехлепестнымъ цвѣткамъ лотоса. Отъ этого обстоятельства зависитъ то исключительное вниманіе, которое при тайномъ обученіи направляется на эволюцію двѣнадцатилепестнаго цвѣтка. Если бы здѣсь что-либо было упущено, то это повліяло бы на неправильное развитіе всего аппарата. Изъ сказаннаго можно заключить, насколько нѣженъ и интименъ долженъ быть способъ оккультнаго обученія, насколько точно должно выполняться все указанное, чтобы все развитіе совершалось надлежащимъ образомъ. Очевидно также и то, что лишь тотъ можетъ давать указанія для развитія сверхчувственныхъ способностей, кто позналъ въ себѣ самомъ все то, что онъ долженъ развить въ другомъ, и кто въ совершенствѣ знаетъ, что его указанія приведутъ къ правильнымъ послѣдствіямъ.

Если ученикомъ выполняются всѣ данныя ему указанія, въ его эфирномъ тѣлѣ появятся теченія и движенія, находящіяся въ гармоніи съ законами мірового развитія; поэтому и указанія истиннаго учителя оккультизма всегда лишь отраженія законовъ мірового развитія. Они состоятъ въ совершенно опредѣленныхъ упражненіяхъ медитаціи и концентраціи и, если выполняются правильнымъ образомъ, вызываютъ въ эфирномъ тѣлѣ вышеописанныя явленія. Содержаніе указаній дается каждому человѣку отдѣльно во время его оккультнаго обученія, и ученикъ *дол-*

жень въ опредѣленное время совершенно проникаться этимъ содержаніемъ, заполнять имъ всю свою душу. Прежде всего нужно начинать съ простого: съ углубленія и претворенія во внутреннюю суть обыкновеннаго разумнаго мышленія; отъ этого мышленіе освобождается и дѣлается независимымъ отъ всѣхъ чувственныхъ впечатлѣній и переживаній. Оно будетъ до извѣстной степени сконцентрировано въ *одной* точкѣ, которую ученикъ будетъ держать въ своей власти. Благодаря этому, создается *предварительное* средоточіе для теченій эфирнаго тѣла. Это средоточіе въ началѣ не въ области сердца, а въ головѣ. Тамъ оно является ясновидящему точкой отправленія движеній. И лишь то оккультное обученіе приводитъ къ полному успѣху, которое прежде всего вызываетъ къ жизни образованіе *этого* средоточія. Если бы сначала средоточіе создавалось въ области сердца, то начинающій ясновидящій, хотя и получилъ бы возможность заглянуть въ высшіе міры, но онъ не могъ бы пріобрѣсти истиннаго проникновенія въ связь этихъ высшихъ міровъ съ нашимъ чувственнымъ міромъ. А это проникновеніе для человѣка на современной ступени мірового развитія—*безусловная* необходимость. Ясновидящій не долженъ обращаться въ мечтателя, онъ *долженъ* сохранять твердую почву подъ ногами.

Когда вышеописанное средоточіе въ головѣ достигнетъ извѣстной устойчивости, въ дальнѣйшей эволюціи оно передвигается къ низу, въ область гортани. Это осуществляется опять-таки путемъ опредѣленныхъ упражненій въ концентраціи. Тогда упомянутыя движенія эфирнаго тѣла начинаютъ исходить изъ этой области и освѣщать астральное пространство кругомъ человѣка.

Дальнѣйшее упражненіе даетъ ученику возможность самому опредѣлять положеніе своего эфирнаго тѣла. Прежде это положеніе зависѣло отъ силъ, проникавшихъ извнѣ и исходившихъ изъ физическаго тѣла. Благодаря оккультному развитію, человѣкъ становится способнымъ поворачивать свое эфирное тѣло во всѣ стороны. Эта способность обусловливается потоками, пробѣгающими вдоль обѣихъ рукъ и имѣющими свое средоточіе въ двухлепестномъ цвѣткѣ лотоса въ области глазъ. Происходитъ это потому, что излученія, исходящія изъ гортани, принимаютъ форму кругообразныхъ потоковъ, изъ которыхъ нѣкоторые восходятъ къ двухлепестному цвѣтку лотоса, чтобы оттуда волнообразными потоками направиться вдоль по рукамъ.

Дальнѣйшая фаза развитія состоитъ въ томъ, что эти потоки развѣтвляются тончайшимъ образомъ, образуя родъ сѣти, которая

и становится оболочкой для всего эфирнаго тѣла. Тогда какъ раньше оно не имѣло снаружи никакой законченности, такъ что жизненные токи втекали и вытекали непосредственно изъ общаго жизненнаго моря, теперь воздѣйствіе извнѣ должно проникать черезъ этотъ тонкій покровъ, благодаря чему человѣкъ становится чувствительнымъ къ этимъ внѣшнимъ воздѣйствіямъ. Послѣ этого наступаетъ время и для созданія средоточія всей системы токовъ и движеній въ области сердца. Производится это опять-таки при помощи особенныхъ упражненій въ концентраціи и медитаціи. И при этомъ достигается ступень, на которой человѣкъ получаетъ даръ *„внутренняго слова"*. Съ этого времени всѣ вещи получаютъ для него новое значеніе. Онѣ становятся до извѣстной степени доступными въ своей внутренней сути, онѣ начинаютъ говорить человѣку о своей настоящей сущности. Описанные выше потоки приводятъ его въ связь съ внутреннимъ бытіемъ міра, къ которому онъ принадлежитъ. Ученикъ начинаетъ переживать жизнь своей среды, и онъ можетъ найти отзвукъ ея въ движеніи своихъ цвѣтовъ лотоса. Вмѣстѣ съ этимъ человѣкъ вступаетъ въ духовный міръ и пріобрѣтаетъ совершенно новое пониманіе всего, что высказывали великіе Учителя человѣчества. Рѣчи Будды, напримѣръ, дѣйствуютъ на него теперь совершенно иначе, чѣмъ прежде. Онѣ проникаютъ въ него такимъ блаженствомъ, котораго раньше онъ не испытывалъ, ибо самый тонъ словъ великаго Учителя слѣдуетъ тѣмъ движеніямъ и ритмамъ, которые онъ самъ развилъ въ себѣ. Теперь ученикъ можетъ непосредственно *знать*, что такой человѣкъ, какъ Будда высказывалъ не *свои личныя* откровенія, а тѣ, что проникали къ нему изъ самой внутренней сути вещей. Здѣсь нужно обратить вниманіе на одинъ фактъ, который, вѣроятно, станетъ понятнымъ благодаря предыдущему. Человѣку, воспитанному въ современномъ духѣ, не понятны многочисленныя повторенія въ рѣчахъ Будды. Для ученика же они представляютъ нѣчто, на чемъ онъ охотно останавливается внутреннимъ чувствомъ, ибо они соотвѣтствуютъ извѣстнымъ ритмическимъ движеніямъ въ эфирномъ тѣлѣ. Если отдаваться этимъ повтореніямъ съ глубокимъ внутреннимъ покоемъ, это вызываетъ ихъ созвучіе съ движеніями въ эфирномъ тѣлѣ, и такъ какъ эти движенія являются отраженіемъ опредѣленныхъ міровыхъ ритмовъ, которые также повторяются въ извѣстныхъ точкахъ и снова возвращаются къ прежнему, то, внутренно прислушиваясь къ рѣчамъ Будды, человѣкъ приходитъ въ созвучіе съ міровыми тайнами.

Въ теософическихъ руководствахъ говорится о *четырехъ* свойствахъ, которыя человѣкъ долженъ пріобрѣсти на, такъ-называемой, стезѣ испытанія для того, чтобы подняться до высшаго познаванія. *Первое* изъ нихъ—способность различать въ мысляхъ вѣчное отъ преходящаго, дѣйствительное отъ недѣйствительнаго, истину отъ простого мнѣнія. *Второе* свойство—правильная оцѣнка вѣчнаго и истиннаго по сравненію съ преходящимъ и неистиннымъ. *Третья* способность, уже упомянутая въ прошлыхъ главахъ—осуществленіе шести свойствъ: контроля мыслей, контроля дѣйствій, терпимости, выдержки, вѣры и равновѣсія. *Четвертое*—желаніе освобожденія.

Одного пониманія того, что содержится въ этихъ свойствахъ, совершенно не достаточно. Они должны быть настолько внѣдрены въ душѣ, чтобы обратиться во внутреннія *привычки*. Возьмемъ, напримѣръ, первое свойство: различеніе вѣчнаго отъ преходящаго. Человѣкъ долженъ научиться во всякой встрѣчающейся ему обыденной вещи различать непосредственно преходящее отъ постояннаго. Достигнуть этого можно, если свои наблюденія надъ внѣшнимъ міромъ дѣлать въ полномъ покоѣ и терпѣніи, снова и снова возобновляя ихъ. Подъ конецъ внутренній взоръ будетъ такъ же естественно останавливаться на вѣчныхъ пребывающихъ свойствахъ, какъ ранѣе онъ останавливался на временныхъ. „Все преходящее есть лишь подобіе"—эта истина должна сдѣлаться основнымъ убѣжденіемъ души. То же относится и къ остальнымъ тремъ условіямъ стези испытанія.

Такимъ образомъ, въ тонкомъ эфирномъ тѣлѣ человѣка начинаетъ совершаться дѣйствительное превращеніе подъ вліяніемъ упомянутыхъ четырехъ душевныхъ привычекъ. Благодаря первой: „различію истиннаго отъ неистиннаго" зарождается упомянутое средоточіе въ головѣ и подготовляется таковое же въ гортани. Для *дѣйствительнаго* оккультнаго развитія необходимы кромѣ того и упражненія въ концентраціи, о которыхъ говорилось выше: они собственно вызываютъ тѣ средоточія, а четыре названныя привычки помогаютъ созрѣванію ихъ. Когда средоточіе въ области гортани подготовлено, тогда свободное управленіе эфирнымъ тѣломъ и ограниченіе его сѣтчатой поверхностью, о которыхъ говорилось выше, вызываются правильной *оцѣнкой* вѣчнаго по сравненію съ преходящимъ. Если человѣкъ достигнетъ этого, высшія явленія становятся для него постепенно доступными. Но онъ не долженъ при этомъ думать, что важны только тѣ дѣй-

ствія, которыя можно пріурочить къ упомянутымъ цѣлямъ. Самое незначительное дѣйствіе, самое легкое мановеніе руки уже есть нѣчто, имѣющее значеніе въ великой міровой экономіи, и все дѣло въ томъ, чтобы сознавать это значеніе и приводить его къ единству во всѣхъ отправленіяхъ обыденной жизни. О шести добродѣтеляхъ, изъ которыхъ слагается третье качество ученика, подробно говорилось въ прошлой главѣ. Онѣ связаны съ развитіемъ двѣнадцатилепестнаго лотоса въ области сердца. Туда, какъ это уже было указано, и слѣдуетъ направлять жизненный потокъ эфирнаго тѣла. Четвертое качество—*стремленіе къ освобожденію* служитъ къ тому, чтобы привести эфирный органъ, расположенный въ области сердца, къ созрѣванію. Съ превращеніемъ этого качества въ душевную привычку, человѣкъ освобождается отъ всего, связаннаго съ свойствами *исключительно* личной его природы. Онъ перестаетъ разсматривать вещи съ своей отдѣльной точки зрѣнія. Исчезаютъ границы его собственнаго *Я*, которыя приковываютъ его сознаніе къ этой отдѣльной точкѣ зрѣнія. Тайны духовнаго міра получаютъ доступъ къ его внутреннему бытію. Въ этомъ и заключается освобожденіе, ибо цѣпи самости принуждаютъ человѣка разсматривать вещи такъ, какъ это соотвѣтствуетъ его личному способу. Отъ этого личнаго способа созерцать вещи ученикъ долженъ *освободить* себя навсегда.

Изъ всего этого видно, что предначертанія, исходящія отъ великихъ Мудрецовъ, дѣйствуютъ глубоко опредѣляющимъ образомъ на самую сокровенную суть человѣческой природы, и правила о четырехъ названныхъ свойствахъ имѣютъ своимъ источникомъ „древнюю Мудрость". Они находятся въ той или другой формѣ во всѣхъ великихъ религіяхъ. Не изъ какого-либо неяснаго чувства великіе Основатели религій давали людямъ эти правила, а потому, что всѣ они были великими Посвященными. Всѣ нравственныя ихъ правила почерпнуты изъ яснаго знанія. Они знали, какъ дѣйствуютъ эти правила на высшую природу человѣка, и они хотѣли, чтобы ихъ послѣдователи постепенно развивали эту высшую природу въ себѣ. Жить въ духѣ религіи—значитъ работать надъ своимъ собственнымъ духовнымъ усовершенствованіемъ. И только живя такъ, человѣкъ служитъ міровому цѣлому. Совершенствовать себя вовсе не значитъ стремиться къ самоутвержденію, ибо совершенный человѣкъ въ то же время и совершенный слуга человѣчества и міра. Цѣлому служишь тѣмъ лучше, чѣмъ самъ становишься совершеннѣе. Сюда относятся слова: „Отъ запаха розы благоухаетъ и цѣлый садъ".

Основатели религій были великими Магами. Все исходящее отъ нихъ вливается въ человѣческую душу, и, благодаря этому, цѣлый міръ движется впередъ. Совершенно сознательно работали великіе Основатели религій надъ этимъ процессомъ развитія человѣчества. И только тогда станетъ понятенъ весь смыслъ религіозныхъ указаній, когда откроется, что всѣ они проистекали изъ познанія величайшихъ глубинъ человѣческой природы. Великими *познавателями* были религіозные вожди, и изъ ихъ познанія отчеканились всѣ идеалы человѣчества. Но человѣкъ лишь тогда въ состояніи приблизиться къ нимъ, когда онъ свое собственное развитіе подниметъ до ихъ высоты.

Пер. **В. Лалетинъ.**

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ИЗРЕЧЕНІЯ ИЗЪ СВ. ПИСАНІЯ.

Что мы любимъ дѣтей Божіихъ, узнаемъ изъ того, когда любимъ Бога и соблюдаемъ заповѣди Его. Ибо это и есть любовь къ Богу, чтобы мы соблюдали заповѣди Его; и заповѣди Его не тяжки.

(I посланіе Іоанна, V, 2—3).

Судъ же состоитъ въ томъ, что Свѣтъ пришелъ въ міръ; но люди болѣе возлюбили тьму, нежели свѣтъ, потому что дѣла ихъ были злы. Ибо всякій, дѣлающій злое, ненавидитъ свѣтъ и не идетъ къ свѣту, чтобы не обличились дѣла его, потому что они злы. А поступающій по правдѣ идетъ къ свѣту, дабы явны были дѣла его, потому что они въ Богѣ содѣланы.

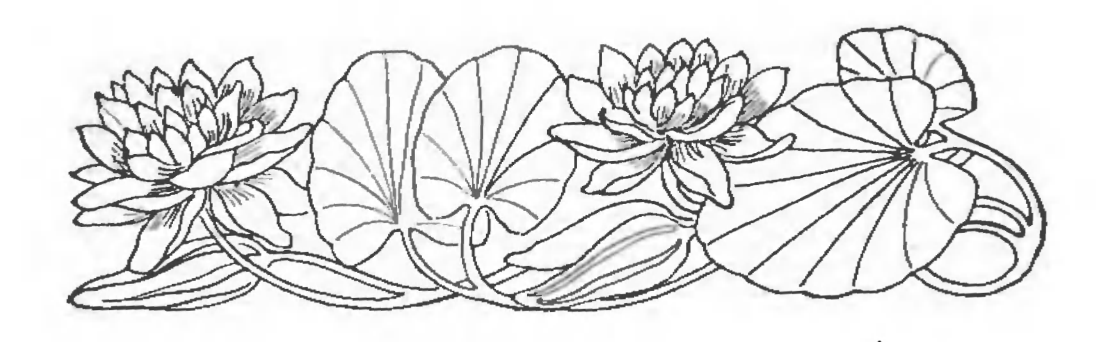
(Ев. отъ Іоанна, III, 19—21).

Сберегшій душу свою потеряетъ ее, а потерявшій душу свою ради Меня сбережетъ ее.

(Ев. отъ Матѳея, X, 39).

Итакъ, во всемъ, какъ хотите, чтобы съ вами поступали люди, такъ поступайте и вы съ ними; ибо въ этомъ законъ и пророки.

(Ев. отъ Матѳея, VII, 12).

Видѣніе Аридея.

Дж. Мидъ.

Продолженіе *).

III. Комментаріи.

Критическое изслѣдованіе видѣнія выдвигаетъ такъ много важныхъ положеній, что главный вопросъ оказывается въ томъ, какъ, не выходя за предѣлы настоящей небольшой статьи, изложить въ сжатой формѣ хотя бы часть того, что могло быть написано. Я коснусь поэтому только тѣхъ мѣстъ, которыя представляютъ наиболѣе общій интересъ.

Прежде всего надо отмѣтить, что сознаніе переходитъ отъ того, что можно назвать планомъ „земли", къ плану „воды", и весьма вѣроятно, что въ этомъ явленіи, повидимому обычномъ въ сферѣ душевныхъ переживаній, берутъ начало глифы „воды", „моря", „океана" и имъ подобные широко распространенные символы болѣе тонкой матеріи.

Относительно душъ въ этомъ состояніи можно сказать, что онѣ „плывутъ", такъ какъ внѣшнимъ образомъ нѣтъ движенія членовъ; „астральныя оболочки" увлекаются теченіемъ, души плывутъ по звуковымъ и свѣтовымъ волнамъ и воспринимаютъ при этомъ же обычныя физическія умопостигаемыя формы, а „звѣзды", особаго рода „величины" или, быть можетъ, „узлы", гдѣ пересѣкаются высшіе токи. Или, если толковать это величественное

*) „Вѣстникъ Теософіи", № 11, стр. 25.

зрѣлище въ болѣе физическомъ смыслѣ, тогда это будетъ область надъ чистымъ слоемъ земной атмосферы: тамъ нѣтъ воздуха, а потому и ослабленія зрѣнія. „Единое око"—терминъ платоническій.

„Клубъ, какъ бы изъ пламени облекающій души умершихъ, представляетъ образное выраженіе, которое отчетливо напоминаетъ намъ все, что говорится въ современной Теософіи объ „оболочкѣ ауры".

Но какъ понимать, что отсутствуетъ „воздухъ"? Если позволительно повторяться, то я высказалъ бы предположеніе, что это имѣетъ связь съ тѣмъ, что раньше опредѣлялось какъ „земля" и „вода" и рисуетъ различныя ступени самосознанія. „Огонь", „вода" и „земля" сообща создаютъ „формы". Если бы „клубы" заключали въ себѣ „воздухъ", они были бы вполнѣ развитыми душами, способными созерцать самихъ себя за предѣлами личности; но этого нѣтъ, наши „клубы" стоятъ на низшей ступени развитія, это „водныя сферы".

Но я боюсь, что такой способъ истолкованія покажется немного туманнымъ, и потому я не буду на немъ настаивать. Необходимо только добавить, чтобы облегчить задачу тѣмъ, которые захотятъ самостоятельно развить мою мысль, что человѣкъ въ моментъ смерти всегда нѣчто отбрасываетъ отъ себя и послѣ того является въ болѣе истинномъ, сокровенномъ видѣ. Души, „устремлявшіяся прямо къ верху", къ вышнему „воздуху", являются тѣми, что съумѣли сохранить въ себѣ элементъ сверхличнаго. Этимъ элементомъ является „воздухъ", и намъ необходимо имѣть въ себѣ частицу воздуха, чтобы быть въ состояніи подняться къ болѣе трансцендентнымъ формамъ сознанія.

Но не будемъ уклоняться отъ нашего текста; видѣніе, повидимому, описываетъ въ образной формѣ разницу между душами уравновѣшенными и неуравновѣшенными; первыя еще болѣе уравновѣшиваются и достигаютъ полнаго покоя, тогда какъ вторыя попрежнему слѣдуютъ за потоками низшей страстной природы, потоками и теченіями безбрежнаго моря страстей, въ которомъ души носятся по прихоти волнъ. То и другое состояніе обусловливаются тѣмъ, гдѣ центрировано сознаніе души: покоится ли это сознаніе въ гармоническомъ, чисто человѣческомъ умѣ, или въ умѣ-эмбріонѣ, умѣ еще наполовину звѣриномъ. Въ греческой терминологіи эти состоянія или „жилища" называются Элизіумъ и Гадесъ, или, если хотите, Гадесъ низшій и высшій, или, что то же,—Міръ невидимый.

Состояніе менѣе развитыхъ душъ хорошо описано въ нашемъ видѣніи; многочисленные ясновидцы нашихъ дней единогласно подтверждаютъ, что тѣ, кто умеръ, либо испытываютъ большой страхъ, благодаря парализующему душу ученію о вѣчномъ адѣ, либо они совершенно растериваются при видѣ странной и неожиданной природы того, что ихъ окружаетъ, совершенно не вѣдая того, гдѣ они и что ихъ ждетъ впереди.

Нашъ ясновидецъ старался съ ними заговорить, но они избѣгали его. Повидимому, всегда бываетъ такъ при подобныхъ обстоятельствахъ; дѣло въ томъ, что Аридей еще живой человѣкъ, онъ находится подъ особымъ покровительствомъ, имъ руководитъ „воля боговъ", и его сознаніе обращено наружу, тогда какъ сознаніе низшихъ душъ обращено внутрь. И вообще можно сказать, что себялюбивые люди, сознаніе которыхъ, другими словами, обращено на нихъ самихъ, останутся безучастными, когда съ ними заговорятъ существа выше ихъ въ духовномъ отношеніи. Страхъ является другимъ характернымъ признакомъ душъ въ этомъ состояніи; имъ все кажется, что внѣшнія силы окажутъ на нихъ гибельное вліяніе. Это именно оттого, что нарушается ихъ самоуглубленіе, то, въ чемъ онѣ полагаютъ все свое счастье.

„Оболочка или покровъ", который содержитъ Элизіумъ и Гадесъ, по мнѣнію древнихъ, простирается „вплоть до луны"; при этомъ не надо забывать, что тогда о посмертномъ состояніи думали съ чисто объективной физической *) точки зрѣнія: говоря о „лунѣ", имѣли въ виду физическую луну, а земную атмосферу отожествляли съ подлунной областью. Мистически, подлунными оказываются тѣ состоянія, надъ которыми царствуетъ Луна, Мистическая Мать, ткущая цѣпь серебристыхъ призраковъ въ ритмѣ эволюціи, которая, поднимаясь выше и выше, наконецъ проникаетъ въ ту область, гдѣ Солнце Чистаго Разума посылаетъ въ пространство золотые лучи.

Относительно душъ на верху покрова можно сказать, что Элизіумъ или небесное состояніе ихъ характеризуется радостью, лучистою радостью, которая стремится сообщить всему міру (свои) наиболѣе свѣтлые дары. Во всякой душѣ, устремленной въ міръ сверхличнаго, въ душѣ дѣйственно растущей, имѣются широкія возможности такой радости. Внѣшнимъ образомъ радость проявляется тѣмъ, что души расширяются, и это обоюдное расши-

---

*) Можетъ быть, было бы лучше сказать „пластической" (Прим. перев.).

реніе ведетъ къ касанію и къ сліянію; въ этомъ смыслѣ и завершеніе любви.

Замѣна имени Аридея Теспезіемъ тоже должна быть отмѣчена. Измѣненіе имени находится почти во всѣхъ обрядахъ посвященія и соотвѣтствуетъ тому измѣненію силы, которое происходитъ внутри человѣка. Заимствуя мистическій языкъ грековъ, можно сказать, что эпоптъ *) встрѣчается съ психопомпомъ **); душа встрѣчается съ болѣе древнимъ родственникомъ, который ни что иное, какъ ея высшее выраженіе.

Душа Аридея все еще была привязана къ тѣлу, и эта связь въ сферѣ физическаго видѣнія оказывается веревкой. Подобное явленіе неоднократно наблюдалось ясновидцами, и оно находится въ соотвѣтствіи съ умбиликальнымъ шнуркомъ ребенка. Повидимому, это связь между двумя оболочками человѣческаго сознанія, и въ то время, какъ на планѣ физическомъ она является веревкой, на другихъ планахъ лучше, быть можетъ, представлять ее себѣ какъ связь сверхфизическую (магнетическую, психическую, ментальную и т. п.).

Далѣе Аридей замѣчаетъ, что души умершихъ никогда не закрываютъ вѣкъ. И то же наблюдалось многими относительно „привидѣній“ и явленій умершихъ. Прирожденное свойство закрывать глаза обусловливается въ нашемъ мірѣ чередованіемъ свѣта и тьмы, какъ слѣдствіе вращенія земли вокругъ оси; въ болѣе же тонкой матеріи, гдѣ нѣтъ плотной земной массы, способной затмить свѣтъ солнца—въ царствѣ „астральнаго свѣта“—нѣтъ чередованія свѣта и тьмы.

Говорятъ, что боги никогда не закрываютъ глазъ, и есть апокриѳическая легенда, которая приписываетъ то же свойство Христу.

Тѣнь, которую отбрасываетъ отъ себя Аридей, объясняется тѣмъ, что все же Аридей живой, а не мертвый человѣкъ; онъ связанъ съ физической оболочкой тѣмъ, что мы могли бы назвать психо-физическимъ токомъ, и оттого его психическая оболочка не совсѣмъ свободна отъ наиболѣе легкой физической матеріи.

Мистически это объясняется такъ: тѣнь отбрасывается нами до тѣхъ поръ, пока солнце внѣ насъ, когда же мы съ нимъ совмѣщаемся и сами становимся солнцемъ, тогда тѣнь исчезаетъ.

И еще мистическое объясненіе: появленіе тѣни вызывается

*) „ἐπ-όπτης“,—созерцатель, посвященный.

**) „ψυχο-πομπός“,—провожающій души въ адъ.

человѣческимъ разумомъ, и по ней можно судить о томъ, какъ далеко стоитъ душа отъ внутренняго солнца.

Въ этомъ смыслѣ „мертвые“ означаютъ тѣхъ, которые ушли совершенно отъ физической или отъ ментальной жизни и теперь пребываютъ—одни въ низшемъ, другіе въ высшемъ состояніи души.

Говорятъ о состояніяхъ болѣе тонкой матеріи, подобныхъ твердому, жидкому и газообразному, синтезированныхъ въ четвертомъ—эфирномъ; еще говорятъ о состояніяхъ земляномъ, водномъ, воздушномъ и огневомъ, синтезированныхъ въ пятомъ—квинтъэссенціи: это дано въ схемѣ четырехъ стихій, древней какъ міръ; наконецъ, мы имѣемъ семь состояній, которыя, можетъ быть, получились изъ трехъ, путемъ поляризаціи.

Послѣ смерти душа, или вѣрнѣе, ея оболочка, проходитъ черезъ соотвѣтствующія фазы, постепенно освобождаясь отъ болѣе грубыхъ частей и становясь болѣе и болѣе эфирной. Эфирная матерія, какъ и всѣ видоизмѣненія ея, излучаетъ свѣтъ; и отъ того, гдѣ въ настоящую минуту находится душа и какое вещество преобладаетъ въ ея оболочкѣ, зависитъ степень ея лучистости и тѣ красочныя струи, которыя ее проникаютъ и окутываютъ.

Большинство проводитъ значительную часть своего посмертнаго существованія въ промежуточномъ состояніи; это состояніе, равно какъ и послѣдующее—небесное, обусловлено не формой, а движеніемъ. Ясно, что мы умираемъ не для того, чтобы перейти изъ одной темницы въ другую, хотя бы и построенную изъ болѣе нѣжнаго матеріала; мы умираемъ, чтобы испытать нѣчто совершенно противоположное тому, что испытали на землѣ; насъ ожидаетъ полная обращенность—жизнь, гдѣ форма неустанно мѣняется и гдѣ руководящимъ принципомъ является сама жизнь или тотъ законъ, который лежитъ въ основаніи формы.

Если вѣрить тому, что нашъ текстъ основанъ на истинномъ видѣніи, тогда окажется, что большинство движется впередъ при помощи душевныхъ токовъ, при этомъ тѣ, у кого имѣется хорошо оформленный умъ, „плывутъ“ вполнѣ благополучно, тѣ же, у кого ментальная сторона только слегка развита и которые не имѣютъ правильныхъ убѣжденій, о тѣхъ можно сказать, что они „ныряютъ“ и, вѣроятно, къ тому же находятся въ состояніи большей или меньшей растерянности.

Души болѣе подвинутыя, съ умомъ такъ-называемымъ „аморфнымъ“, переходятъ въ духовную жизнь. Туда едва ли удастся проникнуть безъ „аморфнаго“ ума; подобный умъ необходимъ для дальнѣйшаго совершенствованія; благодаря ему душевное стано-

вится духовнымъ, вѣчно льющійся потокъ астральнаго міра мистически претворяется въ міръ духовный, съ его самоустремленностью и самоизлученіемъ. Можетъ быть, нѣкоторые будутъ возражать противъ словъ „душевный“ и „духовный“, но я употребляю ихъ здѣсь въ ихъ гностическомъ смыслѣ.

Выраженіе „аморфный умъ“ не совсѣмъ ясно. Оно представляетъ санскритское arupa, и я подразумѣваю подъ нимъ силу ума, отвлеченнаго отъ формы.

Этотъ умъ, въ смыслѣ духовномъ, не отбрасываетъ „тѣни“, онъ даетъ возможность своему обладателю видѣть все, что вокругъ него, наблюдать все, что не онъ самъ; въ этомъ основное назначеніе ума.

Тѣ изъ „мертвыхъ“, у которыхъ онъ имѣется, вполнѣ понятно, могутъ видоизмѣняться, и, возвращаясь назадъ (согласно съ ученіемъ о перевоплощеніи), они оказываются гораздо мудрѣе тѣхъ, что провели время въ узкой рамкѣ себялюбія, неспособные отвѣчать на внѣшнія воздѣйствія, за исключеніемъ развѣ тѣхъ, которыя случайно совпали съ ихъ собственными переживаніями и потому едва ли могутъ быть названы „внѣшними“. Немногому можно научиться у того, что звучитъ въ унисонъ.

Дальше мы имѣемъ схему Кармическихъ силъ, дѣйствующихъ въ мірѣ.

Прежде всего--Непроявленное; затѣмъ—Проявленное или Творческій Логосъ, Зевсъ, Тотъ—кто самъ себя ограничиваетъ и подразумѣваетъ полярность, Супругу— силу; Σύζυγος—Необходимость.

Дочь Зевса и Необходимости—Адрастея, Неизбѣжная (или буквально та, отъ которой ничто не можетъ уйти), Кармическій Законъ.

Ея слуги—три великихъ силы: Наказаніе (или Возмездіе), Справедливость и Фурія (или Мщеніе).

Такимъ образомъ, въ цѣломъ—семь великихъ Кармическихъ Силъ. Онѣ представляютъ собою іерархическую градацію той стороны Зевса, которая носитъ названіе Справедливости; другая сторона, Милосердіе, имѣетъ свою іерархію; эта іерархія отличается отъ первой, а можетъ быть и не отличается отъ нея.

Земля обречена въ жертву Наказанію; Справедливость царствуетъ въ Гадесѣ. Мистически можно представлять себѣ Справедливость какъ чистый свѣтъ сознанія; то, что въ Магическихъ, Гностическихъ и Манихейскихъ преданіяхъ было извѣстно подъ чуднымъ именемъ „Дѣва Свѣта, мнѣ кажется есть то чистое состояніе, которое даетъ начало непосредственному пониманію.

Можно сказать, что это высшій, безпристрастный, безличный умъ въ человѣкѣ, просвѣщающій его низшій умъ. Идеи Справедливости, Чистоты и Дѣвственности тѣсно соприкасаются между собой.

Мщеніе, третій изъ служителей Адрастеи, повергаетъ неисправимыхъ въ состояніе, о которомъ, по словамъ руководителя нашего ясновидца, „нельзя ни говорить, ни думать"; вѣроятно потому нельзя, что разговоръ или мысль раскрыли бы „единому оку" картину того міра. Это очевидно состояніе, которое у грековъ носило названіе Тартара (Tar-Tar); оно безъ сомнѣнія заимствовано изъ какого-нибудь другого, возможно что болѣе древняго языка; „двойникъ" былъ полонъ глубокаго смысла для людей, хорошо знакомыхъ съ наиболѣе примитивнымъ изо всѣхъ языковъ, onomatopoiêsis'омъ грековъ. Tar-Tar соотвѣтствуетъ, до извѣстной степени, Avîchi брамановъ и буддистовъ. Слово avîchi, какъ говорятъ, означаетъ „не волнистый". Въ своемъ крайнемъ значеніи оно выражаетъ то конечное состояніе, которое поглощаетъ и содержитъ неисправимое зло, нищету духовную, до конца міpoвого періода.

Далѣе наше видѣніе даетъ картинное описаніе мученій Тартара. Относительно исправленій въ Гадесѣ, я высказалъ бы предположеніе, что (въ какомъ бы видѣ ни воспринимались они ясновидцами) въ сущности, они сводятся къ тому, что мы снова переживаемъ все свое зло и все добро; только теперь мы относимся къ тому и къ другому вполнѣ сознательно.

Болѣе вдумчивое отношеніе заставляетъ насъ понять справедливость наказанія и награды. Всему, отъ начала до конца, мы обязаны самимъ себѣ. Свѣтъ нашего собственнаго сознанія одѣваетъ наши несовершенства густою тѣнью. Наши мысли и чувства объективируются и наши предположенія оказываются отчетливымъ драматическимъ дѣйствіемъ, очень интимнаго свойства, на пестромъ фонѣ воспоминаній о прошлыхъ дѣлахъ и поступкахъ.

Мы обнажаемся передъ самими собой, передъ міромъ нашего собственнаго сознанія, у насъ нѣтъ раковины, чтобы уйти въ нее, мы не въ состояніи дальше обманывать. Обнаженіе есть необходимое условіе совершенствованія; мы не пойдемъ далеко, если не будемъ честными по отношенію къ самимъ себя. Можно сказать, что мы теряемъ всякій стыдъ, когда „попираемъ ногами одѣяніе стыда". „Нагими предстанемъ мы передъ Нагимъ", иначе говоря, передъ Чистымъ.

Далѣе надлежитъ вспомнить, что, во всѣхъ народныхъ представленіяхъ о посмертныхъ состояніяхъ и объ отношеніи живыхъ къ мертвымъ, кровная связь стоитъ на первомъ планѣ. Я думаю, ее можно найти въ основаніи всякаго почитанія предковъ. На ней покоится идея суммарной души, племени и семьи. Соприкосновеніе идетъ по линіи крови (я говорю о родствѣ животно-человѣческихъ душъ). Отсюда понятно, почему Аридей встрѣчается со своими „предками".

Схема „окраски душъ", по всѣмъ вѣроятіямъ, имѣетъ отношеніе къ мистической доктринѣ или къ сокровенному ученію, очень распространенному въ тогдашнемъ эллинотическомъ мірѣ. Такъ, ссылаясь на видѣнныхъ Іаковомъ во снѣ бѣлыхъ, крапчатыхъ, пестрыхъ и пятнистыхъ коровъ, Филонъ Александрійскій говоритъ, что это нужно понимать какъ аллегорію душъ. Первый классъ душъ, по его словамъ, „бѣлый".

„Смыслъ тотъ, что когда душа принимаетъ въ себѣ Божественное Сѣмя (Логоса), то перворожденные бываютъ безукоризненно бѣлыми, какъ свѣтъ наивысшей чистоты, какъ наиболѣе яркое сіяніе, точно это лучи полуденнаго солнца, которые падаютъ на землю, не давая тѣни" (De Som., I. 35).

Едва ли нужно говорить большинству моихъ читателей, что окраска душъ, а также истолкованіе, которое ей дается въ нашемъ Видѣніи, согласуются съ тѣмъ, что не разъ говорилось на эту тему въ современныхъ работахъ по Теософіи.

Въ связи съ вопросами объ этой окраскѣ и о способахъ очищенія душъ, Плутархъ приводитъ интересный отрывокъ, гдѣ говорится о философіи и психологіи ученія о метампсихозѣ въ томъ видѣ, какъ оно было извѣстно въ его дни.

„Однѣ души, благодаря слабости разума и косности созерцательнаго начала, слѣдуютъ внизъ за инстинктомъ опыта (практическимъ началомъ), чтобы родиться какъ человѣкъ, тогда какъ другія, нуждаясь въ орудіи для проявленія своего необузданнаго вожделѣнія, стремятся дать выходъ желаніямъ въ наслажденіи и достигаютъ этого черезъ любое тѣло, ибо внѣ тѣла подобныя души находятъ лишь тѣнь удовольствія и мечты о немъ безъ осуществленія".

Созерцательный (или теоретическій) элементъ и элементъ практическій (инстинктъ опыта) полезно сравнить съ качествами или способностями (gun'ами) природы, которыя индійскіе философы характеризуютъ: первую какъ „чистую" (sattvika, чему символически отвѣчаетъ „бѣлый" цвѣтъ), а вторую какъ „страстную"

(rayasa—цвѣтъ „красный"), хотя, по правдѣ говоря, очень трудно найти (русскіе) эквиваленты, которые бы вполнѣ передавали коренное значеніе вышеприведенныхъ санскритскихъ терминовъ.

Согласно Проклу, созерцательный и практическій элементы представляютъ собою высшую и низшую стороны разумнаго принципа.

Терминъ „теоретическій" ничего не имѣетъ общаго съ современнымъ значеніемъ слова; онъ происходитъ отъ theoria, что значитъ непосредственное видѣніе, съ глазу на глазъ познаваніе — гнозисъ.

Дальше, по словамъ Макробія, созерцательный элементъ „управляется Сатурномъ", а практическій „Юпитеромъ". Согласно съ миѳологіей, или, вѣрнѣе, теологіей Грековъ, Кроносъ (Сатурнъ) былъ отцомъ Зевса (Юпитера). Возможно, что Зевсъ означаетъ здѣсь формующую, а Кроносъ эманативную силу Логоса.

Порфирій въ своемъ предисловіи къ философіи Плотина говоритъ, что созерцательная или теоретическая жизнь заключаетъ въ себѣ добродѣтели троякаго рода; изъ нихъ высшая является началомъ для одного лишь парадигматическаго ума, стоящаго на грани духовнаго (аморфнаго) состоянія. Это ураническія силы, скрытыя въ человѣкѣ (Уранъ—отецъ Кроноса). Онѣ превосходятъ всѣ остальныя душевныя силы, совершенно такъ же, какъ образецъ или парадигма превосходитъ образъ, ибо духовный умъ одновременно соприкасается со всѣми сущностями, которыя даютъ начало явленіямъ низшей природы.

Души, всего менѣе поддающіяся воспитанію, находятся въ мірѣ животномъ; онѣ управляются той способностью (guna), которую индійскіе философы называютъ „темной" (tâmasa—„черный" цвѣтъ); описаніе ихъ наиболѣе характерныхъ особенностей подтверждается показаніями многихъ современныхъ ясновидцевъ.

Когда эта способность находится въ періодѣ восхожденіи, то тогда, и только тогда, какъ говорятъ, возможно возвращеніе въ „животное состояніе". Ученіе о перевоплощеніи въ животныхъ раскрыта до извѣстной степени въ томахъ, посвященныхъ мною Гермесу Трижды Величайшему, и только съ тѣмъ, чтобы не разбивать цѣлости философскаго построенія, я приведу здѣсь выдержку изъ Прокла:

„Ясное дѣло, душа человѣка хотя и можетъ спуститься до звѣря, но только настоящіе звѣри *живутъ* соотвѣтствующей жизнью, тогда какъ павшая душа, вѣрнѣе сказать, *облекается* животной жизнью и связана съ нею *симпатически*.

Дальше картина мѣняется: передъ нами Нисхожденіе въ Генезисъ, Вихревая Спираль (Vortex), втягивающая души въ круговоротъ физическаго рожденія.

Что означаютъ Вакхическія пещеры—мнѣ не вполнѣ ясно. По словамъ одного комментатора, существовали въ Наксосѣ, на Парнасѣ и въ другихъ мѣстахъ пещеры, посвященныя Вакху, т. е. другими словами „радости и веселью", и что, сообразно ихъ назначенію, входъ былъ украшенъ самыми роскошными цвѣтами и зеленью, съ тѣмъ, чтобы сдѣлать пещеры чарующими и привлекательными". Можетъ быть и такъ; но мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ, что посвященный діонисіанецъ Плутархъ сравнивалъ данное видѣніе съ опредѣленнымъ актомъ мистическаго дѣйства.

Во всякомъ случаѣ, извѣстны другія описанія, которыя живо напоминаютъ (намъ) и то мѣсто мистеріи, которое занимаетъ насъ въ настоящую минуту, и слѣдующее за нимъ, гдѣ говорится о Бассейнѣ; примѣромъ можетъ служить слѣдующее картинное описаніе „Мытарства душъ", какъ это называетъ авторъ (См. Teosoph. Rev., Mar., 1905 г.).

„Онъ опустилъ глаза: внизу, въ тѣсной оправѣ береговъ, покрытыхъ какъ бы красочными пятнами, не затихая ни на одно мгновеніе, содрогалось и стонало озеро.

„Надъ нимъ простиралась обширная чаша, обращенная своимъ отверстіемъ кверху. Съ ея краевъ стекало нѣчто похожее на медъ; капля за каплей падала въ озеро медвяная влага и отлагалась вдоль береговъ...

„Человѣкъ видѣлъ очень блѣдныя огнистыя существа, тѣснившіяся на берегу озера. Позади нихъ ползали причудливые клочья тумана и смутныя тѣни; всѣ они были безформенны, ибо формы пребывали въ нихъ, потенціально формы водной зыби, волнъ и тѣхъ странныхъ облаковъ, что облекаютъ небо на закатѣ, изъ всѣхъ вещей наименѣе земныя и въ то же время—образъ и подобіе земли. Безформенныя тѣни тоже сползали внизъ къ озеру. И, коснувшись грани, за которой бились окрашенныя воды, пламя и тѣни сливались, растворялись взаимно, въ одно цѣлое. Минуту, затѣмъ, онѣ оставались неподвижными на берегу. И взгляды человѣка снова и снова проникали въ каждую душу, когда она стояла такимъ образомъ на грани водъ, въ туманномъ саванѣ. Позади, наверху и въ самой окраскѣ одѣянія, струившейся изъ медоносной чаши и изъ окрашенныхъ волнъ сквозь тѣни, окружавшія отдѣльныя свѣтлыя пламена, видѣлись человѣку прошедшее и будущее, тѣсно связанныя съ настоящимъ; передъ нимъ была рас-

крыта вся проявленная жизнь отъ того момента, что зовется началомъ, вплоть до того, что человѣкъ называетъ концомъ. На мгновеніе ему, какъ всякой другой душѣ, были открыты всѣ сердца: не было тамъ скрытыхъ отъ него. И онъ видѣлъ, что сознаніе этого было какъ жгучая искра въ пламенномъ средоточіи каждой души.

„Затѣмъ тѣни пламени стали кружиться вокругъ озера, какъ бы въ мистической пляскѣ, и звуки, которые они издавали при этомъ, были какъ бы музыкой чаръ. Краска, все болѣе сгущавшаяся, переносилась съ озера на поверхность тѣней, и плотнѣй и плотнѣй, падая внизъ капля за каплей изъ чаши, облекала ихъ медвяная влага. На глазахъ человѣка принимали тѣни окраску, и форму; и минуту стояли онѣ передъ нимъ человѣкоподобныя и въ то же время какія то совершенно особыя, не похожія на людей, ибо онѣ стояли, какъ стоитъ человѣкъ на Страшномъ Судѣ, въ одно и то же время жертва и жрецъ, судья и грѣшникъ, двое въ одномъ, каждый самъ по себѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, только часть всего остальнаго, судящій міръ въ себѣ и себя въ мірѣ.

„Затѣмъ цвѣта сгустились, оттѣнки перестали рѣзко отличаться одинъ отъ другого и слились между собою. И, по мѣрѣ того какъ краски стирались, уплотнялись формы. И съ увеличеніемъ плотности каждая тѣнь—вначалѣ обширная—уменьшалась въ объемѣ, втягиваясь къ центру, пока, наконецъ, не стало казаться человѣку, что передъ нимъ рой пчелъ, который носится вдоль берега гигантскаго медвянаго озера. И казалось ему, окрашенныя берега выбрасываютъ изъ себя цвѣты, большіе и пушистые, цвѣты янтарные, и оранжевые, и алые, и сапфирные, которые охватываютъ и покрываютъ собою отъ края до края озеро мятущихся водъ. И былъ вкусъ и оттѣнокъ меда въ воздухѣ".

Но вернемтесь къ нашему тексту. Если вихревая спираль „путь нисхожденія", то въ равной мѣрѣ это также и „путь, по которому Діонисъ вознесся къ богамъ". Здѣсь, я думаю, Плутархъ снова имѣетъ въ виду одну изъ тѣхъ мистерій, въ которыя онъ былъ посвященъ. Вообще, можно сказать, что „великимъ мистеріямъ", „мистеріямъ возрожденія", отвѣчаетъ „путь восхожденія", тогда какъ „путемъ нисхожденія" символизуются „малыя мистеріи", другими словами, тѣ, въ которыхъ раскрывается тайна „рожденія".

Юноша Вакхъ, Іакхъ Мистерій, послѣ своего собственнаго Вознесенія, поднялъ къ богамъ свою мать (Успеніе). Семела, про-

изведя на свѣтъ Вакха, сына Зевса (творческой силы Логоса), по преданію была убита, а затѣмъ снова призвана къ жизни своимъ сыномъ въ лонѣ боговъ, подъ другимъ именемъ. Мистически смыслъ тотъ, что душа „умираетъ", когда рождается на этомъ планѣ. „Дитя", рожденное при такихъ обстоятельствахъ, можетъ въ случаѣ полнаго возрожденія явиться въ свою очередь спасителемъ своей „матери", поднять ее изъ „мертвыхъ" къ жизни духовной, посреди безсмертныхъ.

Въ Христіанскихъ гностическихъ преданіяхъ это обстоятельно было изложено въ миѳѣ о Софіи или Мудрости. Христосъ спасаетъ и поднимаетъ павшую и умершую Софію или душу.

Говоря о Вихревой Спирали, которая также называется Кратерою (Чашею для смѣшенія) или Бассейномъ, Макробій пишетъ:

„Платонъ говоритъ объ этомъ въ Федонѣ: по его словамъ душа втягивается назадъ въ тѣло, вслѣдствіе того, что она стремится къ новому опьяненію, желаетъ еще разъ насладиться бьющимъ черезъ край потокомъ матеріи; вотъ почему душа падаетъ внизъ и возвращается снова на землю. Астральная Кратера Діониса символизируетъ данную мистерію и ту же мистерію имѣли въ виду греки, когда говорили о рѣкѣ Летѣ.

Я изслѣдовалъ всѣ эти вопросы въ томахъ, на которые недавно ссылался. Здѣсь же необходимо вспомнить, что всѣ термины, относящіеся къ мистеріямъ, могутъ имѣть очень много значеній. Въ настоящемъ случаѣ я пытался раскрыть то изъ нихъ, которое соотвѣтствуетъ тексту. Рѣка Лета (или мѣсто Забвенія) отдѣляетъ всѣ состоянія и всѣ планы одинъ отъ другого. Счастливъ тотъ, кто можетъ вспомнить и пересѣчь ее благополучно, гдѣ и когда бы она ему ни встрѣтилась.

Сцена опять мѣняется; мы на „пути восхожденія" ясновидца; мы созерцаемъ ту же мистерію, что и раньше, только теперь подъ инымъ угломъ зрѣнія. Раньше это былъ Планъ Забвенія, теперь передъ нами въ графическомъ отображенія Планъ Истины. Самъ Плутархъ въ другомъ мѣстѣ, говоря о Великомъ Треугольникѣ Вселенной, пишетъ слѣдующее:

„Площадью Треугольника является Общее Сердце всего; это то, что называютъ Планомъ Истины; тамъ неподвижно пребываютъ логосы, идеи; образцы всѣхъ вещей, которыя были и будутъ. Эонъ (или Вѣчность) опоясываетъ нихъ; Время изливается оттуда на Міръ, подобно стремнинѣ. И видѣніе и созерцаніе

этихъ вещей доступны человѣческимъ душамъ только разъ въ 10.000 лѣтъ, при условіи добродѣтельной жизни.

Если толковать на основаніи традицій Пиѳагорейцевъ, то это будетъ, мнѣ кажется, $10 \times 10 \times 10 \times 10$ — полнота или совершенство (10) всѣхъ возможностей, Квадрата (4) матеріи, какъ противоположеніе Треугольнику (3) духа. Плутархъ говоритъ дальше:

„И высочайшее изъ нашихъ посвященій здѣсь внизу есть только греза во снѣ о томъ истинномъ видѣніи и посвященіи; и бесѣды (имѣвшія мѣсто въ мистеріяхъ) были старательно подобраны такъ, чтобы пробудить воспоминаніе о величественныхъ явленіяхъ высшаго міра, иначе бесѣды не имѣли бы никакого значенія".

Но вернемтесь къ нашему тексту и къ лунному отображенію этой вѣчной Страны Солнца. Утвержденіе, что „Орфей доходилъ до этихъ мѣстъ" и дальше не пошелъ, свидѣтельствуетъ, какъ видно, о jalousie de métier. Плутархъ, какъ Дельфійскій первосвященникъ, несомнѣнно, имѣлъ достаточно поводовъ для препирательства либо съ современными Орфиками, либо съ Орфическими преданіями; тѣмъ болѣе что эти преданія очень можетъ быть содѣйствовали тому, что Дельфійскій Оракулъ сталъ менѣе популярнымъ.

Какъ бы то ни было, Астральная Кратерія Діониса отожествляется съ Оракуломъ Селены, Луны. Это значитъ, что она имѣетъ связь со всѣми подлунными снами и видѣніями, что она „распространяетъ простое и истинное въ соединеніи со сложнымъ и невѣрнымъ".

Выше этого Аридей уже не могъ видѣть, ибо тамъ начинается Міръ Истиннаго Свѣта, который такъ чудно сквозитъ въ Гностическихъ преданіяхъ. Аридей все еще былъ связанъ съ тѣломъ; онъ не очистился, не освободился отъ „иллюзіи міра", какъ ее называли мистики-герметисты.

Свѣтъ Духовнаго Солнца струился изъ Вышняго Трипода, или Треугольника, съ Плана Истины, сквозь лоно Ѳемиды.

Ѳемида, какъ говорятъ, была дочерью Урана и Геи, Неба и Земли, довременной космической четы (σύζυγος). Ѳемида выражаетъ собою Порядокъ, Истину, Безпристрастіе. По преданіямъ дельфійцевъ, ихъ оракуломъ сперва владѣла Гея, затѣмъ Ѳемида (на которую въ древности смотрѣли какъ на пророческое божество, ведущее начало отъ самыхъ отдаленныхъ временъ); наконецъ, Аполлонъ. Парнассъ былъ ихъ Святою Горою.

Такимъ образомъ, въ цѣломъ символизмъ согласуется со многими другими мистическими преданіями, по которымъ надлежало взойти на Гору Созерцательности, чтобы затѣмъ быть въ состояніи увидѣть Восходъ Солнца.

Но Аридей не былъ еще способенъ на это. Онъ не могъ видѣть, онъ могъ только слышать голосъ Сибиллы. Судя по легендамъ, такъ-называемый ликъ луны былъ лицомъ Сибиллы, которое она обращала къ землѣ, когда кружилась вокругъ нея и пѣла о ея судьбѣ и о судьбахъ ея обитателей.

Что касается „пророчествъ", мнѣ кажется, ихъ нужно принимать такъ же, какъ и пророчества еврейскихъ Сибиллинъ, а именно смотрѣть на нихъ, какъ на предсказанія заднимъ числомъ. Знаменитое изверженіе Везувія имѣло мѣсто въ 79 г. по Р. Х., и это событіе было предсказано, какъ говорятъ, въ Римскихъ Сибиллическихъ книгахъ. Дикеархея была однимъ изъ разрушенныхъ городовъ, впослѣдствіи она была извѣстна подъ именемъ Путеоли (современное Pozzuoli).

Такъ какъ Веспасіанъ умеръ отъ болѣзни (а не былъ убитъ, какъ много другихъ императоровъ) тоже въ 79 г. по Р. Х., то можно сдѣлать предположеніе, что это и есть конечная дата для нашей повѣсти или для того времени, когда Плутархъ написалъ трактатъ (если установленіе даты имѣетъ какое-нибудь значеніе).

Далѣе возникаетъ видѣніе Ада, и интересно отмѣтить, что изъ-за страха ясновидецъ лишается присутствія „милаго и близкаго руководителя" и сопричащается всѣмъ ужасамъ подвижной адской панорамы.

Идея „выворачиванія наизнанку" въ посмертномъ состояніи символизируется графически морскимъ полипомъ или сколопендрою. Эта рыба, по мнѣнію древнихъ, была способна при случаѣ выкидывать наружу свои внутренности. Разсказывали, что, проглотивши крючокъ, полипъ выворачивается наизнанку и, освободившись такимъ путемъ отъ крючка, снова втягиваетъ въ себя свои внутренности. Этотъ превосходный „физіологическій" анекдотъ не дошелъ, какъ кажется, до времени средневѣковыхъ Бестіарій.

Примѣнительно къ душѣ это означаетъ, что „внутреннее" становится какъ бы „внѣшнимъ", а „внѣшнее" какъ бы „внутреннимъ". Смыслъ тотъ, что въ земной жизни страсть постоянно видоизмѣняется, внѣшнія же формы остаются неизмѣнными, тогда какъ въ посмертномъ состояніи душевной жизни страсть болѣе постоянна въ своихъ основаніяхъ, а внѣшнія формы вѣчно мѣня-

ются. Другими словами можно сказать, что страсти объективируются, что онѣ создаютъ или облекаются въ соотвѣтствующія формы.

Дальше въ аду мы видимъ „озера"; ихъ счетомъ три, и объясненіе этому числу нужно искать въ основаніи той традиціи, которая дала начало нашему видѣнію. „Озера" и алхимическіе процессы наводятъ иа мысль, что вся эта картина ведетъ свое начало изъ Египта.

Повидимому, въ этой сценѣ мы имѣемъ символическое изображеніе тѣхъ измѣненій, которыя претерпѣваютъ выродившіяся души прежде, чѣмъ воплотиться въ „животную жизнь". Становясь на точку зрѣнія мистической психологіи, мы должны сказать, что здѣсь идетъ рѣчь объ „обликѣ" страстной природы или той природы, которая является общею для людей и животныхъ и которая можетъ быть классифицирована на одинаковыхъ основаніяхъ съ тою категоріею явленій, во главѣ которой находятся „священныя животныя".

Намекъ на Нерона, несомнѣнно, тоническій; въ немъ мы имѣемъ еще лишнее указаніе даты.

Что означаетъ „Пиндарова" или „Пиндарическая затѣя"— трудно сказать. Весьма естественно сдѣлать предположеніе, что мы здѣсь имѣемъ дѣло съ какимъ то знаменитымъ сравненіемъ великаго поэта и что ода, содержавшая это сравненіе, до насъ не дошла.

Во всякомъ случаѣ здѣсь имѣется въ виду убійство Нерономъ матери; въ существѣ же, которое квакаетъ вокругъ болотъ и озеръ, нетрудно узнать тщеславнаго императора, выступавшаго на театральныхъ подмосткахъ въ качествѣ пѣвца. Невѣрно, будто Неронъ освободилъ Грецію; онъ освободилъ провинцію Ахэйю только отъ налоговъ.

Кто такая эта „женщина, страшная по виду и по размѣрамъ", я не могу догадаться, если только это не Память, дополняющая Писца Боговъ. Художники по воску, какъ ихъ называли, выжигали краски посредствомъ раскаленной палочки или стиля.

Аридей вернулся въ свое тѣло путемъ „вихревой спирали", въ направленіи обратномъ тому, по какому онъ двигался, „восходя изъ тѣла, подъ видомъ „клуба".

Въ заключеніе я высказалъ бы предположеніе, что описаніе пережитаго Аридеемъ есть либо образное воспроизведеніе части наставленій, имѣвшихъ мѣсто въ мистеріяхъ, либо видѣніе въ популярно-повѣствовательной формѣ принималось за столь вѣрное

описаніе того, что считалось природою невидимаго міра и посмертныхъ состояній души, что не нужно было большихъ измѣненій, чтобы сдѣлать его доступнымъ для большинства.

Дальше интересно отмѣтить, что одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ платоновскомъ Видѣніи Эра называется Ардіеемъ, тогда какъ ѓерой Плутарха носитъ имя Аридея. Перестановка одной только буквы настолько незначительна, что на практикѣ можно считать оба имени тождественными; оба видѣнія настолько сходны по содержанію, что само собою возникаетъ предположеніе о возможности для нихъ общей исходной точки, тѣмъ болѣе что Аридей, какъ говорятъ, былъ родомъ изъ Соли, въ Киликіи, совершенно такъ же, какъ Эзопъ былъ, по преданію, памфилійцемъ. Такимъ образомъ, какъ видно, оба разсказа ведутъ начало изъ Малой Азіи, и возможно, что ихъ происхожденіе скрывается въ синкретизмѣ этой страны, гдѣ Западъ и Востокъ навсегда встрѣтились.

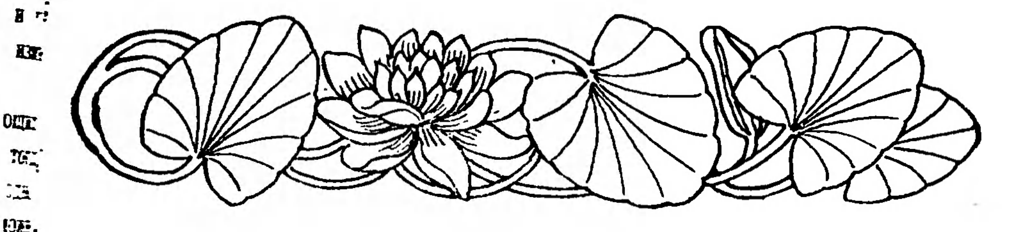
Такимъ образомъ наша повѣсть, повидимому, имѣетъ цѣлью дать читателю представленіе о томъ впечатлѣніи, которое произвело видѣніе Гадеса или „Невидимаго Міра" (поскольку этотъ Міръ проявленъ въ „подлунной" области) на умъ нѣкоего человѣка, котораго Плутархъ рисуетъ непосвященнымъ.

Сопатеръ изъ Арамеи также приводитъ разсказъ объ одномъ молодомъ человѣкѣ, который видѣлъ мистерію во снѣ и долженъ былъ быть затѣмъ посвященнымъ.

Мы узнаемъ, что Аридей вернулся въ тѣло прежде, чѣмъ надъ нимъ былъ произведенъ процессъ, благодаря которому онъ могъ бы „лучше запомнить подробности". Поэтому его воспоминанія спутаны, затемнены выраженіями и символами миѳологическихъ повѣствованій, съ которыми онъ былъ знакомъ. Будь Аридей дѣйствительно посвященнымъ, онъ, вѣроятно, не нуждался бы въ руководителѣ, и его воспоминанія были бы ясными, не затуманенными видѣніями физическаго міра и явленіями, созданными популярными разсказами народной религіи или драматическими сценами изъ формальныхъ мистическихъ обрядовъ.

Викентьевъ.

Сонъ стараго скрипача.

(Рождественская сказка).

Позднимъ декабрскимъ морознымъ вечеромъ на краю небольшого, уже засыпающаго города, гдѣ не было фонарей, спускался съ горы старый, бѣдно-одѣтый человѣкъ. Въ лѣвой рукѣ онъ несъ скрипку въ черномъ, облѣзломъ футлярѣ, очень похожемъ на маленькій гробъ, который долго пролежалъ въ землѣ; въ правой рукѣ у него была крючковатая палка съ острымъ концомъ, онъ ею ощупывалъ дорогу и опирался на нее. Было очень сумрачно; холодный и пронзительный вѣтеръ дулъ и высвистывалъ причудливыя пѣсни, небо было покрыто сплошными тучами, и домики на горѣ, закрывъ свои очи ставнями, тихо стояли, словно притаившись въ темнотѣ.

Старикъ остановился; мракъ слѣпилъ ему глаза, отъ вѣтра онъ задыхался, а домъ его былъ еще далеко и едва свѣтился своимъ единственнымъ окномъ подъ горой, у рѣки. Остановившись, онъ услыхалъ скрипъ — это скрипѣло старое, качаемое вѣтромъ дерево; вѣтеръ на него безпрестанно порывисто налеталъ, какъ бы желая его сломить, но дерево простирало свои оголенныя вѣтви къ небу, кланялось ему и сопротивлялось вѣтру, надѣясь на свои корни. Подъ деревомъ около забора была скамья; разглядѣвъ ее въ темнотѣ, старикъ подошелъ къ ней и сѣлъ; онъ положилъ свою скрипку рядомъ съ собой, поднялъ воротникъ, прислонился къ забору и закрылъ глаза. Онъ былъ утомленъ прожитымъ днемъ, показавшимся ему такимъ длиннымъ, что онъ едва могъ дождаться его конца. Сегодня особенно много фальшивили его ученики, вѣроятно подъ вліяніемъ тоскливаго вѣтрянаго дня, или потому, что это былъ послѣдній урокъ передъ

рождественскимъ сочельникомъ. Старикъ этотъ былъ скрипачъ, бѣдный учитель музыки въ маленькомъ провинціальномъ городѣ. Давно, такъ давно, что онъ теперь даже рѣдко объ этомъ вспоминалъ, онъ былъ богатъ и славенъ; тогда много говорили объ его талантѣ, пророчили ему блестящую будущность и онъ сталъ гордъ, честолюбивъ и возмечталъ о всемірной славѣ.

Онъ мечталъ создать совсѣмъ новое въ искусствѣ, онъ мечталъ собрать лучшихъ музыкантовъ и, ставъ во главѣ ихъ, плыть на роскошномъ кораблѣ по океанамъ и морямъ во всѣ страны свѣта, покоряя людей и покрывая себя славой. Онъ представлялъ себѣ, что это будутъ совсѣмъ особые музыканты, съ большими идеями, что это будетъ труппа истинныхъ трубадуровъ, а онъ будетъ стоять во главѣ и вдохновлять ихъ. Но бури топятъ корабли, а неудачи разбиваютъ человѣческія мечты. Несчастья за несчастьями развѣяли въ прахъ его смѣлыя мечтанія, а вмѣстѣ съ ними и его гордость, и тщеславіе. Жизнь наконецъ выбросила его жалкимъ обломкомъ на берегъ бѣднаго провинціальнаго города; онъ все потерялъ, и прежняя гордость замѣнилась смиреніемъ и покорностью судьбѣ; но цѣлыя моря несчастій не могутъ утопить таланта, и его талантъ одинъ остался при немъ. И вотъ впервые въ маленькомъ городѣ, когда онъ началъ учить музыкѣ бѣдныхъ маленькихъ школьниковъ, такихъ же бѣдныхъ, какъ и онъ самъ, въ немъ снова начали воскресать обрывки прежнихъ мечтаній; они внушали ему о возможности создать изъ этихъ маленькихъ, бѣдныхъ дѣтей блестящихъ музыкантовъ, наслѣдниковъ его большихъ знаній и стремленій. Но онъ былъ старъ, и призракъ смерти часто являлся передъ нимъ и шепталъ ему о безполезности его жизни и о томъ, что все уже разбито и разрушено безвозвратно. Тогда сердце старика сжималось, и въ немъ гасли внутреннія силы, и чаще всего это случалось въ тѣ мрачные дни, когда не было видно солнца, когда ученики его работали особенно вяло и лѣниво. Сегодня былъ именно такой день; подробности его воскресали въ памяти старика. Передъ нимъ проносилось много дѣтскихъ лицъ, онъ видѣлъ маленькіе, смѣшные, запачканные чернилами пальцы, которые съ трудомъ искали своихъ мѣстъ на струнахъ, ощупывая ихъ, какъ слѣпой ощупываетъ дорогу палкой; онъ слышалъ ужасные, свистящіе, скрипящіе звуки, производимые напряженными, неувѣренными и шатающимися смычками; отъ звуковъ этихъ онъ невольно стискивалъ зубы какъ отъ оскомины, и тогда по всей душѣ его разливалась боль; онъ загорался чувствомъ нетерпѣнія и хотѣлось ему закри-

чать: „замолчите несчастные пискуны!" Но привычнымъ усиліемъ воли онъ гасилъ вспыхнувшее пламя нетерпѣнія и, ласково удерживая руку невѣрно играющаго учеиика, молча поправлялъ его, и тогда смычекъ принималъ вѣрное направленіе, пальцы находили свои мѣста и звуки становились чистыми и свѣтлыми. Такъ проходили дни, такъ смѣнялись нечистые звуки чистыми, фальшивыя ноты вѣрными, и изо дня въ день шла борьба съ нетерпѣніемъ.

Эти воспоминанія копошились въ мысляхъ старика блѣднѣющими впечатлѣиіями. Онъ дремалъ; старое дерево скрипѣло надъ нимъ, а холодный вѣтеръ настойчиво высвистывалъ свои таинственныя пѣсни; „умрешь, умрешь" чудилось ему въ его завываніяхъ, когда вѣтеръ, раскачивая старое дерево, поднималъ вокругъ него снѣговые вихри; „смерти нѣтъ",—скрипѣло дерево въ отвѣтъ... Старикъ вздрогнулъ: „Что"?—спросилъ онъ; ему показалось, что кто-то съ нимъ заговорилъ; онъ взглянулъ на свою скрипку, она спокойно лежала около него въ своемъ черномъ гробикѣ; передъ нимъ были все тѣ же спящія лачуги, на небѣ—какъ бы въ отчаяніи—разрывались тучи, складываясь въ таинственныя, мрачно мѣняющіяся формы, а дерево все кланялось, протягивая свои оголенныя вѣтви къ небу и сопротивляясь вѣтру, который дулъ и крутилъ снѣговую пыль, обдавая ею съежившагося старика. Онъ снова закрылъ глаза, невольно поддаваясь утомленію. Онъ дремалъ, прислушиваясь къ мѣрному скрипу дерева и упорному свисту вѣтра; они будто боролись и спорили между собой: „смерть, смерть"!—свистѣлъ вѣтеръ; „смерти нѣтъ"—скрипѣло дерево и въ его мѣрномъ, какъ бы убѣжденномъ скрипѣ стали выясняться и другія слова. Они складывались въ тихую рѣчь, смѣшивались съ мыслями старика, и ему стало казаться, что чей-то значительный голосъ говоритъ въ немъ самомъ: „Нѣтъ смерти; смерть есть неподвижность, а на свѣтѣ нѣтъ ничего неподвижнаго, беззвучнаго и безцвѣтнаго и нѣтъ конца стремленію. Жизнь есть борьба съ несовершенствомъ, а стремленіе къ совершенству есть жизнь, и это составляетъ безконечный, вѣчно движущійся кругъ, въ центрѣ котораго сіяютъ Истина, Красота и Любовь. Смерти нѣтъ... Надо почувствовать, что наше „я" безсмертно. Оно есть также центръ живого и движущагося міра... Сіяющій центръ въ безпредѣльности, и другой центръ здѣсь, въ твоей душѣ... Онъ, какъ чистое зеркало, отражаетъ тотъ сіяющій центръ, Великое „Я" котораго проходитъ черезъ твою душу, зажигая въ ней огонь вдохновенія; въ этомъ вдохновеніи дрожатъ неумолкающія радостныя вибраціи Жизни, переливаясь въ безчисленныхъ звуко-

выхъ и цвѣтовыхъ волнахъ, переплетаясь въ живыхъ сочетаніяхъ гармоніи. И ты, старый, бѣдный скрипачъ, ты не одинокъ. Ты можешь зажечь сердца своихъ учениковъ, ты можешь напоить ихъ души чистыми струями вѣчной красоты, которыя способны залить пламя всякаго страданія. Струи эти образовались изъ чистѣйшихъ капель, какъ алмазы отразившихъ въ себѣ Божественное и разлившихся въ чистомъ искусствѣ"...—„Чистое искусство, чистое искусство"...—насмѣшливо засвистѣлъ вѣтеръ, сметая подъ гору снѣговые вихри;—„это фальшь, фальшь"!—свистнулъ онъ въ лицо старику, а старое дерево, отразивъ порывъ вѣтра, заскрипѣло надъ его головой и, смѣшивая свои думы съ его мыслями, опять заговорило: „Когда ты учишь дѣтей и слышишь ужасные свистящіе звуки, похожіе на свистъ холоднаго вѣтра въ темную зимнюю ночь, и въ душѣ твоей разливается боль,—люби эту боль; изъ этой боли и изъ этихъ несовершенныхъ звуковъ создается будущая красота... пусть угадываетъ ее душа твоя, пусть она ведетъ дѣтей къ этой красотѣ... Тогда исполнится мечта твоя—ты создашь изъ маленькихъ, бѣдныхъ дѣтей истинныхъ трубадуровъ и станешь во главѣ ихъ; они будутъ подобны тѣмъ трубадурамъ, которые въ мрачные средніе вѣка размягчали пѣснями окаменѣлыя сердца гордыхъ властелиновъ, проясняли мысли, исторгали слезы умиленія и раскрывали двери мрачныхъ темницъ. Держи въ чистыхъ рукахъ знамя искусства, развивай въ своихъ ученикахъ чуткость, чтобы слышали они пѣсню жизни и голоса страданья, и тогда сложится въ сердцахъ ихъ гимнъ, въ которомъ зазвучатъ любовь и милосердіе къ человѣку и воспоется „Слава въ вышнихъ Богу"... Этотъ гимнъ звучитъ съ сотворенія міра, имъ встрѣчали пророки грядущаго Спасителя, и въ ту ночь, когда родился Божественный Младенецъ, его запѣли ангелы въ тихомъ ритмѣ мерцающихъ звѣздъ. Это пѣніе услыхали пастухи и первые поклонились Христу. И съ тѣхъ поръ неумолкаемо звучитъ оно въ небесахъ, и если чуткій сердцемъ человѣкъ въ ясную ночь подниметъ свои взоры вверхъ, и, затаивъ дыханіе, прислушается къ гимну звѣздъ, онъ услышитъ въ душѣ своей тихое пѣніе и въ сердцѣ его водворятся миръ и благоволеніе. О, музыканты, художники, поэты и учителя! Какъ чисты должны быть ваши сердца, какъ ясно должно въ нихъ звучать пѣніе мерцающихъ звѣздъ!"...

Старый скрипачъ встрепенулся и открылъ глаза. Кругомъ было тихо, вѣтеръ улегся, домики, прижавшись другъ къ другу, крѣпко спали; небо было совершенно чисто, съ него сползли

всѣ тучи, и звѣзды ярко сіяли въ морозномъ воздухѣ. Старое дерево стояло, восторженно протянувъ къ небу свои оголенныя вѣтви; старикъ поднялъ голову и невольно затаилъ дыханіе: передъ нимъ, среди яркихъ звѣздъ, неслась свѣтлая рать трубадуровъ... То была мечта его юности, воплотившаяся въ этомъ чудномъ видѣніи, но по мѣрѣ того, какъ старикъ смотрѣлъ, происходило чудо: трубадуры превращались въ его маленькихъ учениковъ, свѣтлые глазки дѣтей смотрѣли на него съ привѣтомъ, на милыхъ лицахъ сіяла чистая радость, и звуки ихъ маленькихъ скрипокъ слились съ пѣніемъ звѣздъ въ одинъ торжественный гимнъ...

А. Унковская.

Нѣтъ ничего тайнаго, что не сдѣлалось бы явнымъ, ни сокровеннаго, что не сдѣлалось бы извѣстнымъ и не обнаружилось.

(Ев. отъ Луки, VIII, 17).

Какая польза человѣку, если онъ пріобрѣтетъ весь міръ, а душѣ своей повредитъ? Или какой выкупъ дастъ человѣкъ за душу свою?

(Ев. отъ Матѳея, XVII, 25—26).

„Возлюби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ и всею душою твоею, и всѣмъ разумѣніемъ твоимъ". Сія есть первая и наибольшая заповѣдь. Вторая же подобная ей: „Возлюби ближняго твоего, какъ самого себя". На сихъ двухъ заповѣдяхъ утверждаются весь законъ и пророки.

(Ев. отъ Матѳея, XXII, 36—40).

Кто говоритъ: „Я люблю Бога", а брата своего ненавидитъ, тотъ лжецъ, ибо нелюбящій брата своего, котораго видитъ, какъ можетъ любить Бога, котораго не видитъ?

(Посланіе Іоанна, IV, 20).

Любите враговъ вашихъ, благословляйте проклинающихъ васъ, благотворите ненавидящихъ васъ и молитесь за обижающихъ васъ и гонящихъ васъ.

(Ев. отъ Матѳея, 44).

Пріидите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Я успокою васъ. Возьмите иго Мое на себя и научитесь отъ Меня, ибо Я кротокъ и смиренъ сердцемъ, и найдете покой душамъ вашимъ. Ибо иго Мое благо и бремя Мое легко.

(Ев. отъ Матѳея, XI, 28—30).

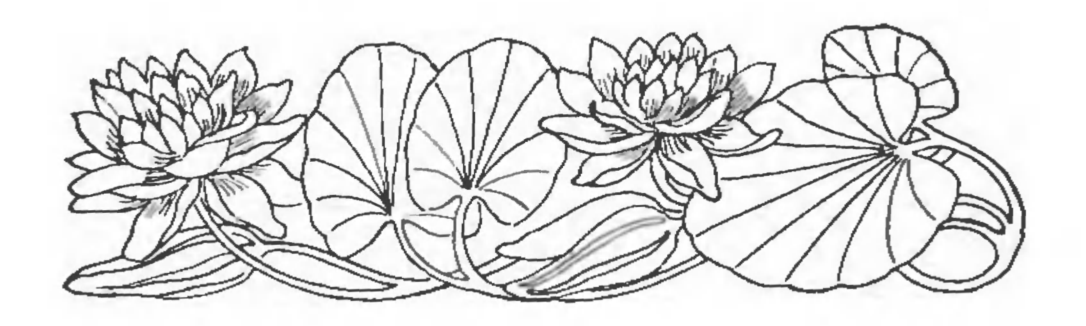
Якорь брошенъ.

(17 ноября 1908 г.).

Съ тѣхъ поръ какъ засіялъ за горизонтомъ зорь
Предвѣчный Свѣтъ, встающій отъ Востока,
И за страной страну объялъ огнемъ боговъ,—
Мнѣ душу холодилъ священный ужасъ Рока:
Всѣ встали и идутъ,—а Русь, святая Русь,
Подъ цѣпью горестей и пытокъ сверхъ терпѣнья,
Русь борется во тьмѣ,—не зная, кто враги....
Надъ ней лишь голосъ бурь и нѣтъ благословенья!
Что если сила сдастъ?... Въ открытый океанъ
Насъ если унесетъ, отъ почвы отрывая,
И въ рабства ночь насъ бросить ураганъ?
И вотъ съ Востока свѣтъ въ ночь черную упалъ
Какъ якорь въ глубь пучины бирюзовой;
Весь скорбный, горній путь Руси онъ осіялъ....
Съ Востока вспыхнулъ свѣтъ на маякѣ Славянства.

***

Праздникъ сердца.

---

2 ноября Смоленскіе воскресные и вечерніе классы для взрослыхъ праздновали 25-лѣтіе своего существованія. На скромное торжество, происходившее въ Невскомъ народномъ театрѣ (за Невской заставой) собралось болѣе полуторы тысячи народа. Изъ города пріѣхали учители и учительницы, многочисленныя депутаціи отъ разныхъ просвѣтительныхъ обществъ и учрежденій и многіе заинтересованные торжествомъ гости. Но главную часть публики составляли рабочіе и работницы, собравшіеся, чтобы почтить юбилей своей школы.

Театръ былъ праздничио освѣщенъ. На сценѣ, изображавшей лѣсъ, стоялъ красиво убранный растеніями портретъ покойнаго Николая Александровича Варгунина, давшаго свои средства для иачинанія Смоленскихъ классовъ для рабочихъ. Его же стараніями были устроены на Шлиссельбургскомъ трактѣ Невское общество народныхъ увеселеній, первыя народныя читальни и народный театръ. Н. Варгунинъ сумѣлъ заитересовать этимъ дѣломъ и Фарфоровое попечительство, и мѣстныхъ фабрикантовъ, которые приняли участіе въ матеріальной поддержкѣ школы. Передъ смертью ему удалось передать Смоленскіе классы въ вѣдѣніе Императорскаго техническаго общества, которое не разъ своей помощью и заступничествомъ оказывало школѣ цѣнныя услуги.

Слѣва отъ портрета сидѣли предсѣдатель педагогическаго совѣта Владиміръ Александровичъ Варгунинъ и нѣкоторые изъ старѣйшихъ представителей школы. Одинъ изъ нихъ, Вячеславъ Яковлевичъ Аврамовъ, по иниціативѣ котораго школа

возникла, былъ 25 лѣтъ сельскимъ учителемъ въ селѣ Волковѣ. Вечера и воскресенья онъ отдавалъ Смоленскимъ классамъ. В. Я. Аврамовъ собралъ группу лицъ, согласныхъ ѣздить за Невскую заставу и безвозмездно преподавать рабочимъ. Н. А. Варгунинъ собралъ деньги на квартиру и учебныя пособія, и работа закипѣла.

По свидѣтельству старожилъ Шлиссельбургскій трактъ 25 лѣтъ тому назадъ представлялъ печальную картину нищеты, пьянства и самыхъ дикихъ нравовъ. Открывшіяся земскія школы выпускали 11, 12 и 13-лѣтнихъ дѣтей буквально на улицу. Подростки попадали на фабрику или въ кабакъ и заложенныя сѣмена просвѣщенія глохли среди грубыхъ впечатлѣній некультурной среды. Инициатива группы лицъ, во главѣ которыхъ стоялъ В. Я. Аврамовъ (это были все учителя и учительницы начальныхъ школъ), всполошила все мѣстное населеніе, и скоро въ Смоленскіе классы для рабочихъ потянулись вереницы фабричныхъ, жаждавшихъ просвѣщенія. Скоро была открыта воскресная школа и для работницъ. Въ настоящее время такихъ школъ на Шлиссельбургскомъ трактѣ 3, при чемъ обученіе происходитъ совмѣстное. Въ нихъ ежегодно обучается грамотѣ нѣсколько сотъ человѣкъ, но кромѣ первоначальнаго обученія въ воскресной школѣ (4-хъ-лѣтній курсъ) ведется систематическій и серьезный курсъ въ такъ-называемыхъ, техническихъ классахъ, (курсъ 3-хъ-лѣтній). Послѣдніе охватываютъ какъ словесныя, такъ и естественно-математическія науки *). При школѣ есть физическій кабинетъ и маленькая библіотека.

По приблизительному расчету школа за время своего существованія выпустила не менѣе 18.000 грамотныхъ. Но еще важнѣе то, что кромѣ грамотныхъ она дала большое число интеллигентныхъ людей съ сознательнымъ отношеніемъ къ жизни и съ пробудившимися духовными запросами, о чемъ свидѣтельствуютъ многочисленныя рѣчи рабочихъ на этомъ праздникѣ. Рабочіе благодарны за данныя имъ знанія, но еще больше они благодарны школѣ за то чувство человѣческаго достоинства, которое она въ нихъ пробудила, за тотъ свѣтъ исканія, который она зажгла въ нихъ и который никогда не потухнетъ.

„Ни одинъ султанъ, ни одинъ король не имѣетъ въ своей коронѣ такой драгоцѣнности, какъ тотъ брилліантъ, который русскій народъ имѣетъ въ своей Смоленской школѣ“, воскликнулъ одинъ изъ учениковъ въ своей вдохновенной рѣчи.

---

*) За послѣдніе годы введено также преподаваніе новыхъ языковъ.

И дѣйствительно Смоленская школа есть драгоцѣнность народа; она—свободно созданный, любовью воздвигнутый первый русскій народный университетъ.

Въ рѣчахъ и привѣтствіяхъ не разъ подчеркивалось, сколько новыхъ обществъ и школъ было создано подъ вліяніемъ работы Смоленскихъ классовъ, какъ много получили отъ нихъ сами учителя, въ нихъ работавшіе, и какимъ свѣтлымъ и яркимъ маякомъ они горѣли не только для Шлиссельбургскаго тракта, но и для всей Россіи въ самыя тяжелыя и темныя эпохи нашей современной исторіи.

— „Если мы теперь понимаемъ другъ друга,—сказалъ одинъ учитель, затронувшій вопросъ о розни интеллигенціи и народа, то это только благодаря школѣ".

— „Куда бы насъ не забросила судьба и какъ бы тяжело она насъ не придавила,—сказалъ одинъ ученикъ,—воспоминаніе о дняхъ, проведенныхъ въ дорогой Смоленской школѣ, никогда не перестанетъ жить и давать бодрость на дальнѣйшую борьбу съ жизнью".

— „Въ школѣ мы сознали себя впервые „людьми",—сказалъ другой ученикъ въ своей рѣчи—и изъ темныхъ и озлобленныхъ людей обратились въ жаждущихъ свѣта и одухотворенныхъ. Въ насъ родился новый человѣкъ".

— „Матери теперь съ радостью посылаютъ своихъ дѣтей въ школу. Часто она сама идетъ въ школу и садится за книгу рядомъ съ мужемъ или сыномъ,—"говорила работница.

— „Здравствуй, милая старушка!"—привѣтствовалъ школу въ своемъ стихотвореніи одинъ изъ бывшихъ учениковъ, желавшій выразить ту радость и любовь, съ которыми бывшіе ученики всегда обращаютъ свой взоръ на Смоленскую школу.

Изъ рѣчей учителей выдавались особенно три.

Одна (Е. Корсаковой), давшая историческій очеркъ работы школы и интересныя цифровыя данныя и отмѣтившая своеобразную и совершенно автономную организацію школы.

Вторая (Е. Щепкиной) обрисовала личность и дѣятельность первой завѣдующей Смоленскими классами О. Поморской, по окончаніи курсовъ беззавѣтно себя посвятившей просвѣтительной дѣятельности и соединявшей сложныя обязанности завѣдующей съ работой учительницы дѣтской земской школы. Проработавъ на трактѣ болѣе 25 лѣтъ и надорвавъ свое здоровье и силы, О. П. Поморская-Козлова уѣхала въ Оренбургъ, гдѣ въ настоящее время и живетъ. Е. Щепкина предложила собранію почтить О. П.

Поморскую привѣтственной телеграммой, что было радостно принято *).

Третья рѣчь (В. Я. Аврамова) была посвящена задачамъ школы. Съ обычной искренностью и прямотой В. Я. Аврамовъ поставилъ вопросъ: То ли мы, учителя, дѣлали въ школѣ? Не увлекались ли мы отвлеченными науками? Не упускали ли изъ вида болѣе конкретныхъ, важныхъ задачъ? Не внесли ли разлада въ душу учениковъ, вызвавъ въ нихъ новыя потребности, которыя жизнь еще не въ силахъ удовлетворить? Не лучше ли было бы довольствоваться элементарными, прикладными знаніями?

Проанализировавъ всѣ эти положенія, В. Я. Аврамовъ убѣжденно отвѣтилъ: „Нѣтъ, мы не ошибались. Мы дѣлали хорошее, святое дѣло". Прикладныя знанія могутъ поднять матеріальное положеніе рабочаго и принести ему видимую непосредственную пользу, но они не пробудятъ въ человѣкѣ его достоинства и сознанія его лучшаго назначенія. Въ человѣкѣ живутъ рядомъ звѣрь и богъ; звѣрь постоянно побѣждаетъ высшее начало, и подъ его вліяніемъ человѣкъ влачитъ жалкое существованіе темнаго дикаря. Но когда просыпается высшее въ человѣкѣ,—его духъ, тогда звѣрь подчиняется и жизнь человѣка озаряется новымъ свѣтомъ и смысломъ. Что же будитъ духъ человѣка? Духъ пробуждается въ исканіи истины, въ тѣхъ безкорыстныхъ, святыхъ исканіяхъ, когда голодная плоть забывается и все вниманіе человѣка поглощается задачей отвлеченной. Когда, забывъ голодъ и холодъ, человѣкъ съ радостью убѣждается въ истинѣ хотя бы простой теоремы, что „гипотенуза меньше суммы двухъ катетовъ", то онъ чувствуетъ себя въ эту минуту „человѣкомъ", а не звѣремъ, и живетъ въ той духовной сферѣ, которая принадлежитъ ему по праву его царственнаго происхожденія. Въ этомъ, и только въ этомъ, смыслъ и значеніе отвлеченной науки.

Отъ души привѣтствуемъ эти глубоко теософскія мысли дѣятеля на нивѣ Божьей, нивѣ народнаго образованія, и радуемся, что юбилей перваго русскаго народнаго университета,—этотъ истинный

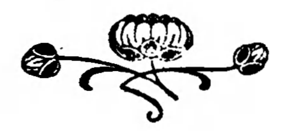
---

*) Прим. Ред. Кромѣ О. П. Поморской и другія учительницы земскихъ школъ умудряются отдавать всѣ свои воскресенья и вечера Смоленской школѣ. Такъ какъ, къ счастью, онѣ еще съ нами, мы лишены возможности подробно касаться ихъ самоотверженной, по истинѣ чудесной дѣятельности, но мы только скажемъ, что работа пріѣзжающихъ на 2 или нѣсколько часовъ преподавателей ничто въ сравненіи съ тѣмъ подвигомъ, который совершаютъ учительницы земскихъ школъ, несущія на себѣ всю сложную и многотрудную организаціонную работу воскресныхъ школъ сверхъ своихъ утомительныхъ дневныхъ занятій съ дѣтьми въ земской школѣ.

„праздникъ сердца“ объединилъ въ одномъ чувствѣ любви представителей столь различныхъ обществъ и теченій. Слушая трогательныя рѣчи учениковъ и ученицъ воскресныхъ школъ, невольно вспоминались слова вѣщаго поэта:

„Сѣйте разумное, доброе, вѣчное,
Сѣйте!.. Спасибо вамъ скажетъ сердечное
Русскій народъ!“

Alba.

Не заботьтесь о завтрашнемъ днѣ, ибо завтрашній день *самъ* будетъ заботиться о своемъ. Довольно для *каждаго* дня своей заботы.

(Ев. отъ Матѳея, VI, 33—34).

Претерпѣвшій же до конца спасется.

(Ев. отъ Матѳея, XXIV, 13).

Не всякій говорящій Мнѣ: „Господи! Господи!“ войдетъ въ царство небесное, но исполняющій волю Отца Моего Небеснаго.

(Ев. отъ Матѳея, VII, 21).

Если кто не родится свыше, не можетъ увидѣть Царствія Божія.

(Ев. отъ Іоанна, III, 3).

Если кто не родится снова, то не можетъ увидѣть Царствія Божія.

Ев. отъ Іоанна, III, 3.

(Изд. Сѵнодальной типографіи, 1860 г.).

Добрый человѣкъ изъ добраго сокровища выноситъ доброе, а злой человѣкъ изъ злого сокровища выноситъ злое.

(Ев. отъ Матѳея, XII, 35).

Любовь долготерпитъ, милосердствуетъ, любовь не завидуетъ, любовь не превозносится, не гордится,

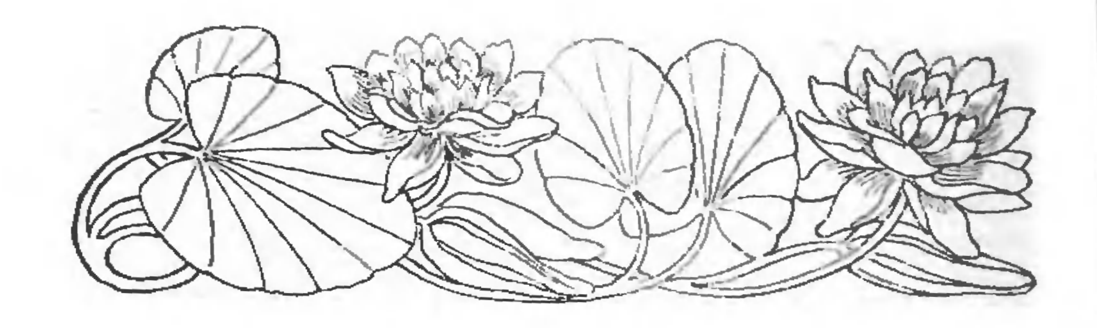
Не безчинствуетъ, не ищетъ своего, не раздражается, не мыслитъ зла,

Не радуется неправдѣ, а сорадуется истинѣ.

Все покрываетъ, всему вѣритъ, на все надѣется, все переноситъ.

Любовь никогда не перестаетъ.

(Посланіе Ап. Павла къ Коринѳ., гл. 13, 4—8).

Три Конгресса.

Одинъ изъ характерныхъ признаковъ времени—это стремленіе человѣчества къ объединенной работѣ, и это объединеніе происходитъ во всѣхъ областяхъ человѣческой мысли, во всѣхъ сферахъ его духовной дѣятельности. Конгрессы и съѣзды — яркіе выразители этого общественнаго настроенія.

За это послѣднее время было три особенно для насъ интересныхъ Конгресса: международный конгрессъ нравственнаго воспитанія въ Лондонѣ, Философскій Конгрессъ въ Гейдельбергѣ и Конгрессъ религій въ Оксфордѣ.

I. Многочисленный первый международный Конгрессъ нравственнаго воспитанія (Moral Education) происходилъ въ большомъ залѣ Лондонскаго Университета. Философы, ученые, педагоги, священники, писатели, учителя, представители всѣхъ направленій и оттѣнковъ мысли собрались на этотъ конгрессъ. Центральный вопросъ былъ: нужна ли религія или не нужна въ школѣ? Представители церкви, англійскіе бишопы, католическіе священники, евреи, свободомыслящіе разныхъ національностей слѣдовали другъ за другомъ на трибунѣ и высказывались за или противъ религіознаго воспитанія. Бывшій на Конгрессѣ делегатъ отъ Теософическаго Общества К. Спэржонъ отмѣчаетъ дружескій и полный глубокаго достоинства тонъ этого спора, не смотря на то, что противники, повидимому, стояли на совершенно противоположныхъ точкахъ зрѣнія. Изъ этого онъ дѣлаетъ два вывода: во-первыхъ, что передовые мыслители все больше и больше проникаются духомъ терпимости; во-вторыхъ, что вся рознь въ сущности происходитъ на поверхности: и тѣ, кто за религіозное воспитаніе, и

тѣ, кто выказывается противъ него, несомнѣнно, люди религіозные. Тѣ, кто противъ, борятся не съ религіей, а съ догматическимъ ея толкованіемъ; тѣ, кто за, исходятъ изъ глубокой потребности Идеала вѣчнаго. И тѣ и другіе, при вдумчивой работѣ, могутъ подойти другъ къ другу, и найти ту теософическую почву, которая ихъ объединитъ.

Другая интересная черта этого Конгресса—это признаніе съ одной стороны силы мысли, какъ могущественнаго фактора воспитанія, а съ другой—личности учителя, независимо отъ его знаній и талантовъ. Цѣлый рядъ выдающихся ораторовъ подчеркивали мысль, что самое главное—это внутренній обликъ учителя, не то, что онъ дѣлаетъ и говоритъ. Др. Адлеръ, всесторонне обсуждая этотъ вопросъ, пришелъ къ убѣжденію, что до того, какъ вырабатывать планъ духовнаго воспитанія для дѣтей, надо выработать такой планъ воспитанія для взрослыхъ. Учитель, который имѣетъ массу знаній и краснорѣчиво ихъ передаетъ, не есть еще воспитатель, если у него нѣтъ духовнаго міровоззрѣнія, если онъ не стремится къ всечасному совершенствованію и не ищетъ правды. Во всѣхъ рѣчахъ, посвященныхъ этому животрепещущему вопросу, слышалось глубокое убѣжденіе, что дѣло въ сути самого человѣка, а не во временныхъ его проявленіяхъ.

II. Третій международный философскій Конгрессъ имѣетъ также глубокій интересъ для теософовъ, ибо основная его нота была стремленіе къ синтезу, а психологія во всѣхъ обсужденіяхъ и бесѣдахъ занимала центральное мѣсто. Прагматизмъ, названный „практической философіей", былъ изложенъ съ 13 различныхъ точекъ зрѣнія. Противникомъ этого популярнаго ученія выступилъ идеалистъ проф. Ройсъ, провозгласившій, что Истина—абсолютна, хотя для насъ и не доказуема, какъ и все самое цѣнное въ мірѣ; таково свойство всего, что духовно. Мы не можемъ не принять трансцедентной Истины, потому что только ею мы живы. Наши стремленія, наши переживанія, наши надежды, вся наша дѣятельность въ мірѣ имѣютъ смыслъ и значеніе только потому, что ихъ озаряетъ трансцедентная Истина.

III. Третій международный Конгрессъ по исторіи религій состоялся въ Оксфордѣ. Программа его такъ обширна и докладовъ по самымъ разнообразнымъ религіознымъ вопросамъ такъ много, что трудно вкратцѣ передать всѣ фазы его работы. Мы ограничимся наиболѣе для насъ интересными пунктами.

Въ своемъ докладѣ „О методахъ историческаго изслѣдованія религій" графъ Гоблетъ д'Альвіелла высказалъ слѣдующія мысли.

Исторія религій есть только вѣтвь Науки Религій. Эта наука раздѣляется на іерографію и на іерологію. Іерографія занимается описаніемъ религій и исторіей ихъ развитія. Іерологія стремится установить связь и послѣдовательность между религіозными явленіями, уловить закоиы религіозной Эволюціи... Іерологія предполагаетъ іерографію, но она занимаетъ болѣе широкое поле, такъ какъ идетъ дальше исторіи, чтобы открыть происхожденіе вѣрованій и учрежденій, которыя мы находимъ уже развившимися на зарѣ исторіи; кромѣ того, она дополняетъ историческій методъ примѣненіемъ методовъ дедуктивнаго и сравнительнаго, пользуясь всѣмъ тѣмъ, что эти методы уже дали въ приложеніи къ антропологіи, психологіи, этнографіи, миѳологіи, филологіи и соціологіи.

Проф. Моррисъ Жастроу изложилъ астро-миѳологическую теорію Виинклера, дополненную Уенсеномъ.

За самыми отдаленными историко-литературными изслѣдованіями древности лежитъ ясно выраженное астральное міровоззрѣніе, подъ вліяніемъ котораго развиваются всѣ науки тѣхъ отдаленныхъ временъ. По этому воззрѣнію Божество отождествлялось съ небеснымъ сводомъ, съ его планетами и звѣздами. Царило глубокое убѣжденіе въ соотношеніи между небесными явленіями и земными событіями.

Общественные дѣятели дѣлаются олицетвореніемъ солнца или луны; при изложеніи историческихъ событій древніе постоянно прибѣгаютъ къ астро-миѳологическимъ формуламъ. Астро-миѳологическое міропониманіе является характернымъ для всего Востока; имъ проникаются всѣ древнія культуры, начиная съ Вавилона и Египта и кончая Палестиной и Аравіей. Его противоположность составляетъ научно-европейское міровоззрѣніе нашихъ дней.

Проф. Флиндерсъ Петри въ докладѣ „Аспекты Египетской религіи“ отмѣчаетъ особую глубоко духовную волну, пробѣжавшую по Востоку шесть, семь вѣковъ до Р. Х. и свидѣтельствующую о религіозной зрѣлости древнихъ. Сила, чистота и глубина этого религіознаго движенія ярко выразились въ тѣхъ отрывочныхъ трактатахъ Гермеса Трижды Великаго, которые дошли до насъ. Знаменитый трактатъ „Дѣва міра“ докладчикъ относитъ къ VI в. до Р. Х. Съ большимъ уваженіемъ профессоръ отнесся къ трудамъ Дж. Мида (изслѣдованія по гнозису и герметизму) и не разъ ихъ цитировалъ.

Др. Робертъ Эйслеръ посвятилъ свою статью вопросу о „Пасхальномъ Агнцѣ и Евхаристіи“. Онъ особенно долго остановится на Евангелическомъ эпизодѣ о томъ, какъ Іисусъ накор-

милъ хлѣбами и рыбой 4.000 человѣкъ. Онъ видитъ въ этомъ разсказѣ глубокій символизмъ и напоминаетъ о таинственномъ значеніи слова „рыба" въ христіанскомъ гнозисѣ. Христосъ именуется Ichthus, „Великая Рыба"; посвященные — малыя рыбы (pisciculi); обрядъ крещенія происходитъ въ „piscina".

На Конгрессѣ не разъ подчеркивалась широта и терпимость восточныхъ религій, которымъ были совершенно неизвѣстны религіозныя войны. Др. Г. Грирсонъ особенно долго остановился на браманизмѣ, указывая на то, что Индусы признаютъ Единаго Бога, какъ и христіане. Всѣ ихъ второстепенныя божества соотвѣтствуютъ нашимъ ангеламъ и святымъ; молясь имъ, они воздаютъ хвалу лишь слугамъ и ближайшимъ помощникамъ Всевышняго. Представленіе объ Индусахъ, какъ объ идолопоклонникахъ, мнѣніе, тщательно поддерживаемое воинствующими миссіонерами, является совершенно необоснованнымъ предразсудкомъ и свидѣтельствуетъ о глубокомъ нашемъ невѣжествѣ.

Этотъ Конгрессъ особенно интересенъ для теософовъ, какъ показатель времени. Духовныя исканія человѣчества, очевидно, не могутъ удовлетвориться узкимъ позитивизмомъ; они ведутъ его далѣе, къ болѣе широкому простору, къ болѣе захватывающимъ глубинамъ, къ признанію въ основѣ всѣхъ религій лежащаго эзотеризма и, этимъ самымъ,—къ научно-религіозному синтезу.

Alba.

Развѣ вы не знаете, что вы храмъ Божій и что духъ Божій пребываетъ въ васъ?

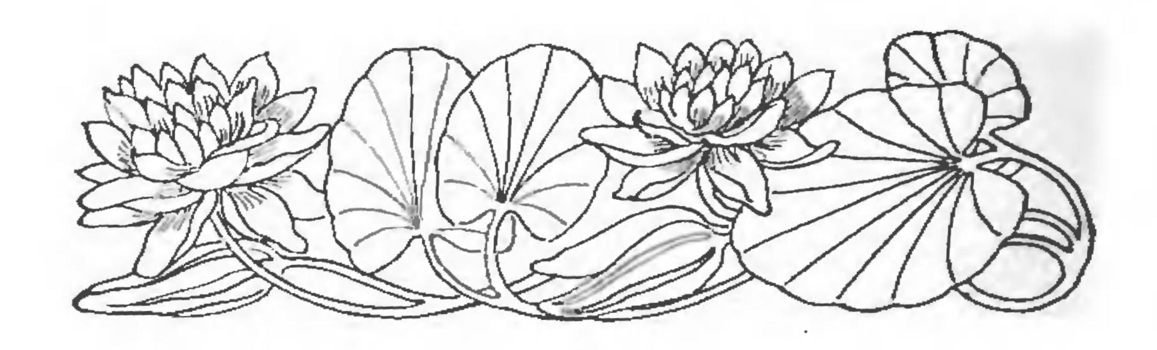
(Ап. Павелъ, I п. къ Коринѳ., гл. 3, 16).

Никто, возложившій руку свою на плугъ и озирающійся назадъ, не благонадеженъ для Царствія Божія.

(Ев. отъ Луки, XI, 62).

Доколѣ свѣтъ съ вами, вѣруйте въ свѣтъ, да будете сынами свѣта.

(Ев. отъ Іоанна, XII, 36).

Н. И. Пироговъ
и нѣкоторые тезисы Теософіи.

По прочтеніи статьи М. К. „Вивисекція“ въ десятомъ номерѣ „Вѣстника Теософіи“ мнѣ захотѣлось подѣлиться съ читателями журнала недавно прочтенными мною въ книгѣ Н. И. Пирогова „Дневникъ стараго врача“ (Соч. Пирогова, т. I, СПБ., 1887 г.) мыслями великаго хирурга о вивисекціяхъ. Онѣ тѣмъ болѣе убѣдительны, что принадлежатъ человѣку, произведшему на своемъ вѣку тысячи живосѣченій и понесшему всѣ тяжелыя послѣдствія этихъ дѣлъ. Онъ же, какъ никто другой, могъ оцѣнить пользу вивисекцій для науки. Вотъ что онъ говоритъ: „Не находя много занятій въ маленькой клиникѣ, я почти всецѣло отдался изученію хирургической анатоміи и производству операцій надъ трупами и живыми животными. Я былъ въ то время безжалостенъ къ страданіямъ. Однажды, я помню, это равнодушіе мое къ мукамъ животныхъ при вивисекціяхъ поразило меня самого такъ, что я, съ ножомъ въ рукахъ, обратившись къ ассистировавшему мнѣ товарищу, невольно воскликнулъ: „Вѣдь такъ, пожалуй, легко зарѣзать человѣка“. Да, о вивисекціяхъ, можно много сказать и за и противъ. Несомнѣнно, онѣ—важное подспорье наукѣ и оказали и окажутъ ей несомнѣнныя и неоцѣнимыя услуги. Права человѣка дѣлать вивисекціи также нельзя оспаривать послѣ того, какъ человѣкъ убиваетъ и мучитъ животныхъ для кулинарныхъ и другихъ цѣлей. Кодекса для этого права нѣтъ и не писано. Но наука не восполняетъ всецѣло жизни человѣка: проходятъ юношескій пылъ и мужская зрѣлость, наступаетъ другая пора жизни, и съ нею потребность сосредоточиваться все болѣе и болѣе и углубляться въ са-

мого себя; тогда воспоминаніе о причиненномъ насиліи, мукахъ, страданіяхъ другому существу начинаетъ щемить невольно сердце. Такъ было, кажется, и съ великимъ Галлеромъ; такъ, признаюсь, случилось и со мною, и въ послѣдніе годы я ни за что бы не рѣшился на тѣ жестокіе опыты надъ животными, которые я нѣкогда производилъ такъ усердно и такъ равнодушно. Это своего рода memento mori. Пріѣхавъ въ Дерптъ безъ всякой подготовки къ экспериментальнымъ научнымъ занятіямъ, я бросился, очертя голову, экспериментировать и, конечно, былъ жестокимъ безъ нужды и безъ пользы; и воспоминаніе мое теперь отравляетъ еще болѣе то, что, причинивъ тяжкія муки многимъ живымъ существамъ, я часто не достигалъ ничего другого, кромѣ отрицательнаго результата, т. е. не нашелъ того, что искалъ. Современнымъ экспериментаторамъ, можетъ быть, не придется испытывать на старости лѣтъ тяжелыхъ воспоминаній отъ вивисекцій. Теперь значительная половина вивисекцій производится надъ лягушками, а эти хладнокровныя рептиліи не внушаютъ того чувства, которое привязываетъ человѣка къ теплокровному животному. Потомъ, современные опыты надъ живыми производятся почти всѣ съ помощью хлороформа. Но и одно насильственное лишеніе жизни, съ какою бы то ни было эгоистическою (хотя бы и высокою) цѣлью, не можетъ оставить въ насъ пріятныхъ и успокоительныхъ воспоминаній; немудрено, что то, надъ чѣмъ я некогда смѣялся—вегетаризмъ, теперь кажется мнѣ вовсе не такъ смѣшнымъ" (стр. 342—343).

Здѣсь еще нѣтъ послѣднихъ категорическихъ заключеній о вивисекціяхъ (какъ и о вегетаризмѣ), но видѣнъ ясный уклонъ мысли въ направленіи противоположномъ тому, въ которомъ она привыкла двигаться. И если на оду чашку вѣсовъ положены интересы знанія (столь дорогого для жреца науки), то на другую положены другія цѣнности человѣчества, и великій ученый увидѣлъ, что эти цѣнности для человѣчества важнѣе первыхъ.

Но, приведя эту цитату изъ „Дневника стараго врача", я хочу подѣлиться и другими мыслями изъ этой чудной книги, которыя показываютъ, какъ близко подошелъ къ гранямъ Теософіи ученый, прошедшій весь путь матеріализма и въ концѣ жизни почувствовавшій, что духъ его не принимаетъ его. Быть можетъ правильнѣе было бы сказать „не подошелъ къ гранямъ теософіи", а переступилъ уже въ ея область.

Впрочемъ, послѣдующія выдержки пусть говорятъ сами за себя.

Прежде всего о ритмичности въ психологіи народовъ, своего рода умственныхъ отливахъ и приливахъ:

„Хотя законы мышленія всегда были и будутъ одни и тѣ же, но осмысленными и безсмысленными намъ кажутся не всегда и не всѣмъ одни и тѣ же предметы. То, что считалось безспорнымъ и очевиднымъ лѣтъ сто тому назадъ, то можетъ быть безсмысленнымъ для живущихъ въ концѣ XIX вѣка. Смыслъ мѣняется не отъ одного процентнаго содержанія знанія въ нашемъ умѣ, а часто и отъ психическихъ повѣтрій и другихъ внѣшнихъ условій, къ которымъ надо отнести и моду. Мода же является также въ видѣ повѣтрія. Вообще нашъ смыслъ, а вмѣстѣ съ нимъ всѣ наши міровоззрѣнія подчиняются закону періодичности, играющей въ нашей, какъ и всей міровой, жизни важную роль. Старое и забытое является въ извѣстные періоды снова на свѣтъ, но, конечно, всегда въ иномъ видѣ" (стр. 40). „Надо помнить, что излюбленное передовыми умами, а за ними и цѣлымъ обществомъ направленіе истины всегда временно и, отживъ свой срокъ, уступаетъ мѣсто другому, нерѣдко совершенно противоположному" (стр. 126).

О внѣмозговой мысли:

„И вотъ мы находимъ себя запертыми въ волшебный кругъ; съ одной стороны мы фактически не знаемъ другого ума, кромѣ своего органическаго; съ другой стороны этотъ же самый умъ указываетъ намъ на внѣшнія произведенія творчества, несомнѣнно, свидѣтельствующія о существованіи другого ума съ атрибутами не только сходными, но и несравненно болѣе превышающими творчество нашего. И вотъ рождается невольно вопросъ: дѣйствительно ли мы не могли бы иначе ходить, какъ съ помощью ногъ, или же мы только ходимъ, потому что у насъ есть ноги? Дѣйствительно ли только при посредствѣ мозга мы могли бы мыслить, или же мы мыслимъ только потому, что есть мозгъ? Видя неисчерпаемое множество средствъ, съ которыми въ окружающей насъ вселенной достигаются извѣстныя цѣли, можемъ ли мы утверждать, что умъ могъ и долженъ былъ быть единственно только функціею мозга? Развѣ пчела, муравей и тому подобныя животныя и безъ помощи мозга позвоночныхъ животныхъ не представляютъ намъ примѣровъ удивительной сообразительности, стремленія къ цѣли и даже творчества. И что это за странная функція, держащая въ зависимости отъ себя существованіе своего органа? Выстрѣлъ изъ револьвера, направленный этою функціею—и ея органъ разрушенъ. Что за безпримѣрная функція, способная разсматривать и анализировать свой органъ, какъ объектъ, какъ нѣчто внѣшнее? Не потому ли умъ нашъ и находитъ себя, т. е. мысль и цѣлесообразное творчесто, внѣ себя, что онъ самъ есть проявленіе

того же самаго высшаго, міровото, жизненнаго начала, которое присутствуетъ и проявляется во всей вселенной. Наша мысль есть, дѣйствительно, только индивидуальная, и именно потому, что она — мозговая, органическая. Другая же мысль, проявляющаяся въ жизненномъ началѣ всей вселенной, именно потому, что она міровая, и не можетъ быть органическою" (стр. 33—34).

А вотъ объ эфирномъ двойникѣ:

„Мозгъ, какъ и всѣ органы, подверженъ постоянной смѣнѣ вещества; атомы его тканей постоянно замѣняются новыми, и нужно предположить, что атомы его, замѣняясь при смѣнѣ вещества другими новыми, передаютъ имъ тѣ самыя колебанія, которымъ они подвергались при ощущеніи различныхъ впечатлѣній. И вотъ мягкая мозговая мякоть ребенка, оплотнѣваясь и измѣняясь въ ея физическихъ свойствахъ, продолжаетъ задерживать отпечатки самыхъ раннихъ ощущеній и впечатлѣній и передаетъ эти ощущенія нашему сознанію въ старости еще живѣе и яснѣе, чѣмъ прежде, въ зрѣломъ возрастѣ. Не говоритъ ли это въ пользу моего взгляда (нѣсколько мистическаго), что атомистическія колебанія (которыя необходимо предположить при ощущеніяхъ) совершаются не въ однихъ видимыхъ и подверженныхъ измѣненіямъ клѣточкахъ мозговой ткани, а въ чемъ-то еще другомъ, болѣе тонкомъ, эфирномъ элементѣ, проникающемъ чрезъ всѣ атомы и не подверженномъ органическимъ измѣненіямъ" (стр. 9—10).

„Я знаю, что такой взглядъ не соотвѣтствуетъ философскому и религіозному взглядамъ на духъ, подъ именемъ котораго разумѣютъ отвлеченное и совершенно противоположное матеріи начало. Косность, инерція, измѣняемость, дѣлимость и т. п. свойства вещества несообразны съ свободою, неизмѣнностью, безпредѣльностью и т. п. духа. И для меня невозможно сдѣлалось остановиться на анализѣ одной матеріи и отвергнуть необходимость существованія высшаго духовнаго начала, какъ источника разума, воли, чувства и жизни. Но объ этомъ, принимаемомъ по необходимости умомъ, абстрактѣ мы не можемъ уже имѣть никакого представленія. Принять же, что это требованіе нашего ума, это чисто отвлеченное начало, названное духомъ только по обманчивому и ложновоображаемому сходству съ чѣмъ-то летучимъ, похожимъ на воздухъ, газъ, дыханіе, паръ и т. п., приходитъ прямо и непосредственно въ тѣсную связь съ грубымъ веществомъ,— мнѣ кажется абсурдомъ. Умъ моего склада гораздо легче допускаетъ, что связь, не подлежащая сомнѣнію, вещественнаго организма съ отвлеченнымъ началомъ, ускользающимъ отъ нашего представленія, происходитъ

посредствомъ особаго, такъ сказать, переходнаго начала, болѣе близкаго по своимъ свойствамъ, къ веществу, и потому легче представляемому нами, но ускользающему отъ точнаго научнаго разслѣдованія.—Я иду еще далѣе и представляю себѣ неневозможнымъ, что атомы невѣсомаго элемента (икса), оставляя органическую машину безъ дѣйствія, сами могутъ удержать иа себѣ ея обликъ и нѣкоторыя ея психическія свойства, изображая собою какъ бы отпечатокъ того организма, который они оживляли своими колебаніями" (стр. 187).

Изъ послѣдней цитаты видно, что Пироговъ предъугадывалъ положеніе теоріи о множественности элемеитовъ, входящихъ въ составъ сверхматеріальной части человѣка.

Въ заключеніе приведу еще нѣсколько мыслей Пирогова о вѣрѣ.

„Вѣру я считаю такою психнческою способностью человѣка, которая болѣе всѣхъ другихъ отличаетъ его отъ животныхъ" (стр. 168).

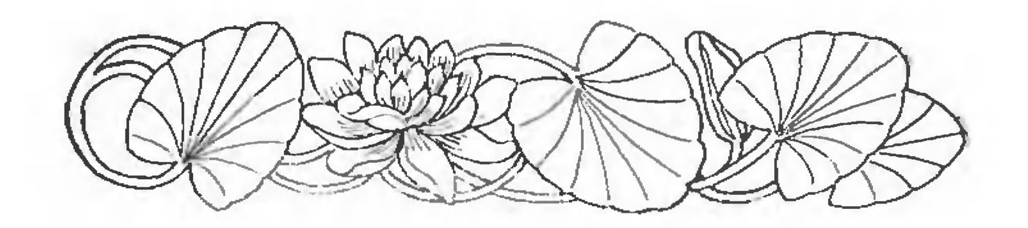
„Сомнѣніе—вотъ основа знанія. Безусловное довѣріе къ избранному идеалу—вотъ начало вѣры" (стр. 170).

„Всеобъемлющая любовъ и благодать Святого Духа, это два самые существенные элемента идеала вѣры Христовой" (стр. 178).

„Вѣруй въ любовь и уповай въ благодать Высшаго Предопредѣленія; молись всеобъемлющему Духу любви и благодати о благодатномъ настроеніи твоего Духа. Блаженство, счастье, миръ души,—все въ этомъ настроеніи. Ни для тебя, ни для кого другого, ничто не перемѣнится на свѣтѣ,—не стихнутъ бури, не усмирятся бушующіе элементы; но ты, но настроеніе твоего духа можетъ быть измѣнено полетомъ души, окрыленной вѣрою въ благодать Святого Духа" (стр. 200).

„Мнѣ останется всегда памятнымъ мнѣніе преосвященнаго Иринарха (архіепископа Бессарабскаго). „Притчу о блудномъ сынѣ,—сказалъ мнѣ преосвященный,—я считаю самою главною и начболѣ поясняющею духъ ученія Христова". Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ, когда и какимъ моралистомъ и догматикомъ предпочитался блудный, глубоко-падшій сынъ благонравному брату? Только горячо любящее сердце отца могло поступить такъ; только всеобъемлющая любовь могла оправдать блудницу и распята го разбойника" (стр. 202)

М. М. С.

Объ общинѣ „свободныхъ христіанъ".

(По поводу новыхъ теченій въ сектантствѣ).

Религіозное разномысліе уже съ давнихъ временъ занимаетъ видное мѣсто въ духовной жизни Россіи. Въ особенности на нашихъ окраинахъ издавна существуютъ весьма значительныя по численности группы населенія, совершенно порвавшія съ православной церковью и сложившіяся въ замкнутыя раскольничьи и сектантскія общины, живущія совершенно самостоятельной духовной жизнью. На юго-востокѣ особенно распространены: молоканство, многочисленныя разновидности хлыстовства и духоборчество; на сѣверо-востокѣ старовѣрчество, а на юго-западѣ различные толки штундовъ и баптизма и (въ Кіевской губ.) сравнительно молодая мистическая секта малеванцевъ.

Изслѣдователи русской народной жизни давали разнообразныя объясненія столь сильнаго распространенія у насъ сектантскихъ ученій. Одни видѣли главную причину этого явленія въ иноземномъ вліяніи, другіе—въ тяжелыхъ соціально-политическихъ условіяхъ жизни русскаго народа; наконецъ третьи, стоящіе, по нашему мнѣнію, на наиболѣе правильной точкѣ зрѣнія, не отрицая вліянія упомянутыхъ факторовъ, искали основную причину занимающаго насъ явленія глубже—въ непреодолимомъ стремленіи духа человѣческаго къ свободѣ религіозной жизни и религіознаго творчества, которымъ нѣтъ простора въ рамкахъ обветшавшей государственной церкви. Глубоко заложенъ въ человѣческой душѣ инстинктъ духовной свободы, подсказывающій, что только свободныя и творческія проявленія духовной жизни представляютъ

дѣйствительную цѣнность; и даже вѣка рабства и духовнаго гнета не могутъ вытравить этотъ здоровый инстинктъ изъ народной души. Вотъ почему, несмотря на усиленную дѣятельность православныхъ миссіонеровъ и на энергичное воздѣйствіе администраціи, подчасъ переходящее въ настоящія жестокія гоненія (вспомните духоборческую эпопею!), сектантскія ученія не только не удается искоренить, но, наоборотъ, они, по свидѣтельству самого православнаго духовенства, пріобрѣтаютъ все болѣе и болѣе широкое распространеніе. И не только увеличивается количество послѣдователей уже давно существующихъ сектъ, но безудержно идущая работа народной мысли то тамъ, то здѣсь создаетъ и новыя сектантскія общины, ученія которыхъ иногда представляютъ большой интересъ и являются симптомомъ медленно, но безостановочно идущаго процесса духовнаго роста русскаго народа.

Въ настоящей замѣткѣ мы хотимъ отмѣтить зарожденіе новой сектантской общины среди петербургскаго рабочаго населенія. Община эта еще окончательно не сложилась и, кажется, еще не достаточно многочисленна, чтобы немедленно ходатайствовать о регистраціи *); религіозные взгляды ея членовъ уже настолько опредѣлились, что могли быть сформулированы въ видѣ цѣлаго ряда основныхъ положеній. Эти положенія представляютъ какъ бы синтезъ чисто раціоналистическихъ взглядовъ штундистовъ и толстовцевъ съ ученіями нашихъ мистическихъ сектъ. Поэтому одинъ изъ основателей новой общины, И. М. Трегубовъ, и могъ сказать слѣдующее: „Свободные христіане представляютъ собою ни что иное, какъ логическое послѣдствіе нашихъ передовыхъ сектъ: „духовныхъ христіанъ“, „молоканъ“, „духоборовъ“, „толстовцевъ“, „малеванцевъ“, „хлыстовъ“ и т. п. „Свободные христіане“—это та равнодѣйствующая, по которой движется наше сектантство“ **).

Въ виду интереса, представляемаго взглядами „свободныхъ христіанъ“, мы изложимъ въ общихъ чертахъ основныя положенія ихъ вѣроученія.

Основная цѣль вновь возникнувшей общины такова: воплотить въ своей жизни ученіе Іисуса Христа, сущностью котораго члены общины считаютъ любовь къ Богу и людямъ, духовную и тѣлесную чистоту, послушаніе совѣсти, правдивость, незлобіе,

---

*) Условія регистраціи сектантскихъ общинъ установлены Высочайшими указами 17 апрѣля 1905 г. и 17 октября 1906 г.

**) „Биржев. Вѣдом.“. 4 марта 1908 г., № 10385.

всепрощеніе, кротость, свободу, равенство и братство. Послѣдовательное осуществленіе этого ученія ведетъ, по мнѣнію „свободныхъ христіанъ“, къ общинной жизни по примѣру древне-христіанской общины, когда „у множества... увѣровавшихъ были одно сердце и одна душа; *и никто ничего изъ имѣнія своего не называлъ своимъ, но все у нихъ было общее.... Не было между ними никого нуждающагося;* ибо всѣ, которые владѣли землями и домами, продавая ихъ, приносили цѣну проданнаго и полагали къ ногамъ Апостоловъ; *и каждому давалось, въ чемъ кто имѣлъ нужду*“ (Дѣянія, гл. IV, ст. 32, 34 и 35). На ряду съ этой основной чертой истинно-христіанской жизни—отсутствіемъ эгоистическаго чувства личной собственности—свободные христіане настаиваютъ и на другой, не менѣе важной—на обязанности простой трудовой жизни, на заповѣди труда, данной апостоломъ Павломъ въ слѣдующихъ словахъ: „Умоляемъ же васъ, братія, болѣе преуспѣвать и усердно стараться о томъ, чтобы жить тихо, дѣлать свое дѣло и *работать своими собственными руками, какъ мы заповѣдывали вамъ*“ (I Ѳес. гл. IV, ст. 11; также II Ѳесс. гл. III, ст. 7—12).

Вообще исполненіе нравственныхъ заповѣдей, данныхъ Іисусомъ Христомъ, истинно-христіанскую жизнь свободные христіане ставятъ впереди исповѣданія тѣхъ или иныхъ религіозныхъ взглядовъ; однако, у нихъ есть общее всѣмъ имъ пониманіе евангельскаго ученія, съ которымъ мы теперь и познакомимъ вкратцѣ нашихъ читателей *).

Въ Богѣ „свободные христіане“ почитаютъ Отца или начало добра, любви и разума, которое даетъ жизнь всему міру и непосредственно открывается людямъ, какъ ихъ совѣсть, любовь и разумъ. Воплощаясь въ людяхъ, начало это является тѣмъ Духомъ Божіимъ, Духомъ Святымъ, Сыномъ Божіимъ, Мессіей, Христомъ, Спасителемъ, Премудростію, Любовію, Свѣтомъ, Словомъ или Разумѣніемъ (Логосомъ), о которомъ говорится въ разныхъ мѣстахъ Ветхаго и Новаго Завѣта. Поэтому въ Іисусѣ Христѣ „свободные христіане“ признаютъ, съ одной стороны, жившаго въ свое время Іисуса-человѣка, или сына человѣческаго, а съ другой, воплощеннаго въ немъ вѣчнаго Христа-Бога, или Сына Божія, или Духа Божія, который, по ихъ мнѣнію, воплощался въ людей и до Іисуса, и во дни Іисуса, и послѣ Іисуса. И теперь въ душѣ каждаго, стремящагося къ Нему, Онъ воплощается, проповѣдуетъ

*) Въ дальнѣйшемъ я пользуюсь любезно предоставленнымъ мнѣ И. М. Трегубовымъ изложеніемъ основныхъ положеній вѣроученія „свободныхъ христіанъ“.

въ его душѣ, страдаетъ отъ живущаго еще въ немъ зла, умираетъ, погружаясь въ его зло, воскресаетъ, побѣждая его зло, и, наконецъ, совсѣмъ поселяется въ немъ. Исповѣдуемая свободными христіанами религія и заключается въ томъ, чтобы внимать голосу этого внутренняго Христа, рождаться отъ Него, проникаться свѣтомъ Его разумѣнія, любви, святости и добрыхъ дѣлъ и въ свою очередь стараться свѣтить этимъ свѣтомъ вокругъ себя, страдать, умирать и воскресать для жизни новой и блаженной.

Голосъ этого живущаго въ каждомъ человѣкѣ вѣчнаго Христа-Бога говоритъ намъ, по мнѣнію „свободныхъ христіанъ", что смерти не существуетъ, что жизнь не можетъ быть иной, какъ вѣчной, что ничто не погибаетъ, кромѣ формъ, и что въ нашей душѣ есть нѣчто такое, что не подлежитъ смерти. Мы всегда были и будемъ. Мы есмы, какъ и сказалъ Христосъ: „Прежде, нежели былъ Авраамъ, я есмь". Съ этой точки зрѣнія такъ называемая смерть есть только переходъ или исходъ изъ одной жизни въ другую. Собственно говоря, есть только одна настоящая смерть—духовная, состоящая въ потерѣ блаженной жизни и причиняемая невѣріемъ въ Христа или неимѣніемъ Его въ себѣ и грѣхами. Но „свободные христіане" вѣрятъ, что покаяніе, вѣра во Христа или принятіе Его въ себя и согласная съ Его волей жизнь могутъ избавить и отъ этой смерти.

Названіе „свободные христіане" члены этой общины избрали потому, что они исповѣдуютъ ученіе Христа свободно, т. е. безъ насилія надъ своимъ и чьимъ бы то ни было духомъ и тѣломъ, иначе и кратко говоря—исповѣдуютъ *любовь безъ насилія.*

Поэтому они отрицаютъ всякіе догматы и авторитеты, какъ насиліе надъ ихъ разумомъ, требующее вѣры въ то, чего онъ не признаетъ, и свободно изслѣдуютъ и критикуютъ всякія религіи и религіозныя писанія, руководясь при этомъ голосомъ своей совѣсти, любви и разума, который они считаютъ голосомъ или откровеніемъ самого Бога или Христа. Поэтому у нихъ нѣтъ никакихъ духовныхъ отцовъ и наставниковъ. „Одинъ у насъ Отецъ—Богъ и одинъ у насъ наставникъ—Христосъ"—говорятъ они,—„всѣ же мы—братья".

Они также отрицаютъ всякіе обряды, какъ насиліе надъ ихъ чувствами, говоря, что обряды искусственно вызываютъ и поглощаютъ чувства и тѣмъ самымъ мѣшаютъ имъ свободно зарождаться и всецѣло служить Богу и людямъ. Поэтому такіе акты, какъ бракъ, рожденіе ребенка, смерть и молитва, которые уже сами по себѣ суть религіозные акты и таинства, у нихъ не сопро-

вождаются другими таинствами и обрядами, а ихъ религіозныя собранія состоятъ изъ чтенія религіозно-нравственныхъ писаній, пѣнія духовныхъ пѣсней, объясненія тѣхъ и другихъ, религіозно-нравственныхъ бесѣдъ и тайной молитвы. „Богъ есть духъ сокровенный"—говорятъ они—„и мы поклоняемся Ему тайно въ духѣ и истинѣ, но мы не отрицаемъ и явной молитвы въ томъ случаѣ, когда она неудержимо и искренно изливается изъ сердца, какъ у Христа на крестѣ".

„Свободные христіане" отрицаютъ и клятву, какъ насиліе надъ волей, которую она сковываетъ, но которая всегда должна быть свободна. „Не клянись вовсе"—говоритъ Христосъ.

Они стараются также освобождаться отъ всего того, что ослабляетъ, разрушаетъ, опьяняетъ и вообще одурманиваетъ тѣло и, главное, мозгъ, этотъ нѣжный органъ души, и тѣмъ самымъ лишаетъ ее возможности надлежащимъ образомъ проявлять свои силы и служить Богу и людямъ.

Особенно они считаютъ необходимымъ воздерживаться отъ такого насилія, какъ человѣкоубійство. Отнять жизнь у какого бы то ни было человѣка, хотя бы и на войнѣ, они считаютъ великимъ грѣхомъ, противнымъ ихъ совѣсти и ученію Христа, завѣщавшаго любить даже своихъ враговъ. Отвращеніе къ убійству такъ сильно въ нихъ, что нѣкоторые изъ нихъ отрицаютъ даже убійство животныхъ и не ѣдятъ мяса.

Но, воздерживаясь отъ всякаго насилія, они не остаются пассивными непротивленцами, равнодушными зрителями совершающагося вокругъ нихъ зла и считаютъ своимъ долгомъ вести съ нимъ борьбу, но такъ, чтобы, борясь со зломъ и уничтожая его, не уничтожать совершающихъ его людей и не причинять имъ зла, оставаясь вѣрными заповѣди Христа: „не противься злому зломъ", выраженной у апостола Павла такъ: „никому не воздавайте зломъ за зло, но побѣждайте зло добромъ". Заповѣдь эта требуетъ, по ихъ мнѣнію, не пассивнаго созерцанія зла, а активной борьбы съ нимъ и защиты обижаемаго отъ обидчика словомъ и дѣломъ, пользуясь своимъ тѣломъ, какъ щитомъ, но не болѣе, почему они выражаютъ эту заповѣдь еще и такъ: „будь щитомъ—не мечомъ". „Любовь требуетъ отъ насъ полагать за другихъ даже жизнь свою, но никакъ не чужую"—говорятъ они.

Вообще всѣ средства, какъ для борьбы со зломъ, такъ и для достиженія поставленной общиной цѣли, должны быть сообразны съ цѣлью, вполнѣ мирны и свободны отъ всякаго насилія. Такими средствами „свободные христіане" признаютъ: гуманное

воспитаніе и образованіе (школьное и внѣшкольное), честное и чуждое злобы и брани слово (устное, писаное и печатное), науку, искусство, собранія, съѣзды, общины, союзы, братскую, трезвую и трудовую жизнь и такую защиту однихъ людей отъ другихъ, которая бы никому изъ нихъ не причиняла зла, но всѣхъ ихъ примиряла и объединяла.

Но, ставя себѣ столь высокую цѣль и предъявляя къ себѣ такія требованія, „свободные христіане" не считаютъ себя въ правѣ бросить камень, осудить и оттолкнуть отъ себя человѣка, который еще не освободился отъ всего того, отъ чего они считаютъ своимъ долгомъ освобождаться, и, признавая его также своимъ братомъ, готовы принять и его въ число членовъ своей общины, лишь бы только и онъ искренно стремился къ той же цѣли, къ которой стремятся они, и старался бы освобождаться отъ того, что вредитъ душѣ и тѣлу его и другихъ. „Все наше дѣло въ движеніи и стремленіи къ совершенству", говорятъ они. „Поэтому, Христосъ и сказалъ, что фарисей, т. е. остановившійся и любующійся собою праведникъ, ниже мытаря, т. е. движущагося впередъ грѣшника".

Сектантовъ, живущихъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи и въ другихъ странахъ и называемыхъ различно: „духовными христіанами", „духоборами", „еговистами", „толстовцами", „малеванцами" и проч., „свободные христіане" считаютъ своими братьями и сестрами по духу, но отдаютъ предпочтеніе названію „свободныхъ христіанъ", какъ болѣе точному и вѣрному.

Таковы взгляды членовъ этой молодой, но интересной и, повидимому, жизнеспособной сектантской общины. Собранія членовъ общины, какъ слышно, обыкновенно проходятъ оживленно и вызываютъ интересъ среди живущихъ въ Петербургѣ сектантовъ другихъ толковъ. Часто между членами общины и посѣтителями происходятъ оживленныя пренія и бесѣды. Иногда, конечно, при этомъ, какъ той, такъ и другой стороной проявляется изрядный фанатизмъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, все болѣе и болѣе выясняется для участвующихъ въ преніяхъ необходимость того, чтобы этотъ фанатизмъ смѣнился болѣе терпимымъ и любовнымъ отношеніемъ другъ къ другу. Все болѣе и болѣе сознается, что спорящіе—братья по духу, которыхъ непреодолимо влекутъ другъ къ другу общность настроенія, основныхъ взглядовъ и идеаловъ и искреннее стремленіе проникнуть глубже въ сущность ученія Христа. И, несомнѣнно, духъ подлиннаго христіанскаго ученія, какъ оно изложено въ Евангеліяхъ, вѣрно схваченъ „свободными

христіанами", какъ бы ни были несовершенны нѣкоторыя формулировки ихъ религіозныхъ вѣрованій съ точки зрѣнія чисто богословской или метафизической. Въ ученіи ихъ ярко выражены три основныя черты христіанскаго міровоззрѣнія, такъ выпукло выступающія въ Евангеліяхъ и Посланіяхъ апостоловъ: 1) первенствующее значеніе жизни, согласной съ нравственными заповѣдями Христа, и относительная маловажность чисто догматической стороны религіи *); 2) ученіе о духовномъ возрожденіи, т. е. о рожденіи Христа въ насъ, о постепенномъ ростѣ рождающагося въ насъ духовнаго начала вплоть до пришествія его „въ мѣру полнаго возраста Христова" (Ефес. IV, 13) и о нашемъ сораспятіи Христу и совоскресеніи со Христомъ, т. е. со сверхличнымъ космическимъ сознаціемъ или Логосомъ **), и 3) враждебный всякой эгоистической обособленности, коммунистическій, общинный характеръ христіанства, такъ ярко проявившійся въ жизни первыхъ христіанскихъ общинъ и даже въ позднѣйшее время въ писаніяхъ многихъ отцовъ церкви ***).

Имѣя такія начатки истинной вѣры Христовой, „свободные христіане", при всей скудости ихъ теологическаго багажа, въ сущности, богаче многихъ старыхъ христіанскихъ церковныхъ организацій, гордящихся своей разработанной догматикой, но уже давно утратившихъ животворящій духъ ученія Христа. Молодая община „свободныхъ христіанъ" могла бы сыграть очень важную и полезную роль въ нашемъ сектантскомъ движеніи, если бы она сумѣла отрѣшиться отъ присущаго почти всѣмъ сектантамъ духа фанатизма и нетерпимости и стать связующимъ звеномъ между различными направленіями нашего сектантства, нерѣдко враждующими другъ съ другомъ. Еще бо́льшую заслугу она пріобрѣла бы себѣ, если бы члены ея нашли въ себѣ силу не стать во враждебныя, чисто отрицательныя отношенія къ обрядовому христіанству православной церкви, а, наоборотъ, старались бы сблизиться съ лучшими ея прогрессивными элементами. Вѣдь и среди

*) См. напр. Мѳ. VII, 16—23; XII, 32, 33 и 50; XXI, 28—32 и 33—43; XXII, 1—14 и 35—40; XXV, 32—46; Іи. IV, 21, 23, 24; VII, 17 и XIII, 35; I Кор. XIII, 2; I посл. Іоан. III, 10, 14, 18 и 19; IV, 8, 12, 16 и 20 и V, 1—3; посл. Іак. II, 18 и 19 и др.

**) См. Мѳ. XVIII, 3, Іи. III, 3—7 и многія мѣста Посланій ап. Павла.

***) Объ этомъ см. прекрасную брошюру В. Ф. Эрна „Христіанское отношеніе къ собственности" (№ 3 „Религіозно-общественной библіотеки", Москва, изд. Д. П. Ефимова) и брошюру Каутскаго „Платоновскій и древне-христіанскій коммунизмъ". Объ отношеніи первыхъ христіанъ къ войнѣ см. интересную книжку проф. бар. Таубе „Христіанство и международный миръ". Изд. „Посредника".

православныхъ есть немало просвѣщенныхъ людей и истинныхъ христіанъ, глубоко скорбящихъ о томъ плачевномъ состояніи, въ которомъ находится уже давно православная церковь, и искренно ищущихъ путей къ ея возрожденію. Правда, „свободные христіане"—какъ и многіе другіе сектанты—принципіально отрицаютъ всю обрядовую сторону религіи, желая исповѣдывать ученіе Христа лишь „въ духѣ и истинѣ". Но надо понять, что отрицаніе *за другими* нравственнаго права проявлять свои религіозныя чувства въ извѣстныхъ, освященныхъ древней традиціей формахъ есть такое же *нравственное* насиліе, какъ и требованіе противоположной стороны, чтобы всѣ втиснули себя въ эти дорогія ей, но непригодныя для всѣхъ формы. Тутъ кто-нибудь долженъ совершить подвигъ любви и разорвать заколдованный кругъ, въ которомъ уже столько вѣковъ бьются лучшія духовныя силы нашего народа. Трудно, конечно, дружески протягивать руку тому, кто собирается васъ ударить или носитъ для васъ камень за пазухой. Но вѣдь не всѣ же представители православной церкви питаютъ злобныя, враждебныя чувства къ сектантамъ. Есть вѣдь и среди нихъ другіе, лучшіе элементы, и сближеніе съ ними сектантовъ оказалось бы чрезвычайно полезнымъ для обѣихъ сторонъ. Это было бы высокимъ проявленіемъ истинно христіанскаго духа терпимости и любви, и, какъ таковое, оно могло бы дать лишь благодатные результаты. Церковники увидѣли бы, что истинная религіозность существуетъ не только въ предѣлахъ какой-нибудь одной церковной организаціи, но и среди „еретиковъ"; что благодать Божія не можетъ быть стѣснена никакими рамками и проявляется всюду, гдѣ чистое сердце пламенно устремляется къ Богу. Сектанты же, быть можетъ, убѣдились бы, что въ догматахъ и символахъ церкви и въ писаніяхъ ея лучшихъ сыновъ и великихъ подвижниковъ скрыты неоцѣненныя духовныя богатства, о которыхъ зачастую не имѣютъ понятія сами оффиціальные блюстители церковной религіи, но которые раскрываются передъ отверстыми духовными очами тѣхъ, кто имѣетъ въ себѣ духъ Христовъ. И во всякомъ случаѣ попытка сближенія была бы дѣломъ единенія и любви и, слѣдовательно дѣломъ истинно христіанскимъ, однимъ изъ необходимыхъ шаговъ, приближающихъ человѣчество къ тому ожидаемому послѣдователями Христа блаженному времени, когда будетъ „едино стадо и единъ пастырь" и когда всѣ почувствуютъ себя клѣточками единаго великаго тѣла человѣчества. Медленно, но вѣрно идетъ этотъ процессъ созиданія богочеловѣческаго организма, и

этапы его таковы: отдѣльныя возражденныя души находятъ другъ друга и слагаются въ кружки и общины; общины сливаются въ церкви. Эти стадіи уже пройдены человѣчествомъ. Далѣе и эти крупныя и мелкія единицы должны возродиться, сблизиться и слиться, чтобы въ концѣ концовъ осуществился великій идеалъ теософіи или, что то же, истиннаго духовнаго христіанства—братство религій, которое свяжетъ въ единое гармоничное цѣлое всѣ пока еще разъединенные члены человѣчества. И эту работу объединенія теософія совершитъ не путемъ поглощенія одной секты, церкви или религіи другой, а показавъ изумленнымъ народамъ, что всѣ онѣ въ разныхъ формахъ поклоняются одному и тому же Богу и одному и тому же Христу, Сыну Божію, и что разнообразіе религіозныхъ формъ не только не препятствуетъ осуществленію религіознаго единства человѣчества и всемірнаго братства, но именно является его необходимымъ условіемъ. Только въ многообразіи можетъ проявиться вся полнота Божества, и только тамъ, гдѣ есть многообразіе религіозныхъ формъ, могутъ быть проявлены терпимость, уваженіе къ чужой индивидуальности, а слѣдовательно и истинная любовь.

Пожелаетъ ли вновь народившаяся христіанская община поработать надъ этимъ великимъ дѣломъ всечеловѣческаго объединенія, или же она, по примѣру большинства сектантскихъ общинъ, останется „сектантской", въ дурномъ значеніи этого слова? Отвѣтъ на этотъ вопросъ дастъ намъ будущее. Пока же нельзя не привѣтствовать общину „свободныхъ христіанъ", какъ искреннюю попытку группы религіозныхъ людей углубить пониманіе ученія Христа и осуществить это ученіе въ своей жизни.

Д. С.

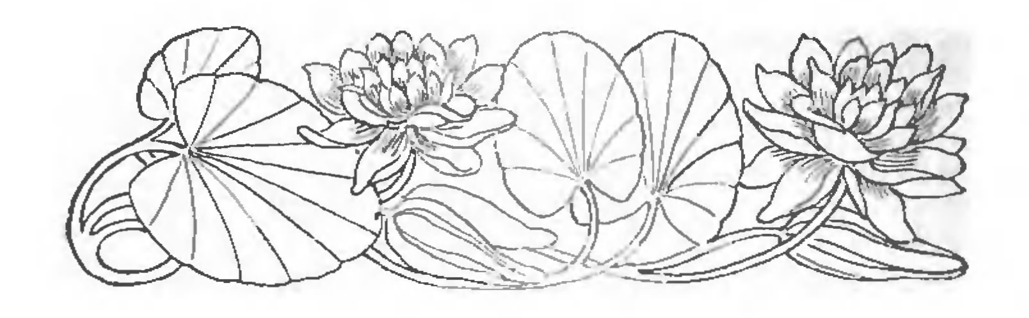
Всякое дерево доброе приноситъ и плоды добрые, а худое дерево приноситъ и плоды худые.

Не можетъ дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые.

Всякое дерево, не приносящее плода добраго, срубаютъ и бросаютъ въ огонь.

И такъ по плодамъ ихъ узнаете ихъ.

(Ев. отъ Матѳея, гл. VII, 17 -19).

Обзоръ теософической литературы.

Adyar Bulletin объявляетъ, что съ февраля 1909 г. въ Адіарѣ открывается домъ для пріѣзжихъ теософовъ, желающихъ учиться и пользоваться всемірной Адіарской библіотекой *). Принимаются теософы-работники отъ 20—40 лѣтъ, имѣющіе какую-нибудь опредѣленную серьезную цѣль, литературную, общественную, просвѣтительную.

17 ноября сего года, въ день основанія Теософическаго Общества, Президентъ Анни Безантъ, передала казначею документы, дающіе Обществу право на „Сады Блаватской", недавно пріобрѣтенные въ Адіарѣ, причемъ будетъ прибита мраморная дощечка на стѣнѣ бенгало со слѣдующей надписью: „Даровано Теософическому Обществу въ память дорогой Е. П. Блаватской, нѣкоторыми изъ ея благодарныхъ учениковъ и ученицъ, которымъ она принесла свѣтъ". Цѣнность пріобрѣтенной земли увеличивается отъ проведеннаго источника, отъ устройства водокачалки и отъ посадки нѣсколькихъ тысячъ молодыхъ деревьевъ. Даръ Обществу равняется суммѣ, превышающей Rs. 46.000 (приблизительно 15.000 р.).

Въ послѣднемъ № печатаются замѣтки А. Шварца о матеріализмѣ, въ которыхъ собраны наиболѣе вѣсскіе аргументы за и противъ матеріалистическаго ученія, лучшія его опредѣленія (Геккеля, Паульсена, О. Лоджа, Фаусэт'а) съ комментаріями автора, какъ теософа.

Статья А. Безантъ „Исканіе счастья" указываетъ, что человѣкъ не можетъ обойтись безъ счастья, и что въ той или иной

*) Какъ извѣстно, эта теософическая библіотека заключаетъ болѣе 12.000 книгъ укописей, изъ которыхъ нѣкоторыя чрезвычайно рѣдкіе экземпляры.

формѣ онъ всегда его ищетъ. Для того, чтобы духовно развиваться, не надо отказываться отъ счастья, а лишь постоянно передвигать его пониманіе въ болѣе и болѣе вѣсокіе центры сознанія. Очищая и преображая свои желанія, человѣкъ будетъ стремиться все къ высшимъ и лучшимъ цѣлямъ и такъ будетъ рости до того часа, когда въ его сердцѣ останется одно лишь высшее желаніе: слиться съ волею Отца.

Adyar Bulletin, какъ изданіе, не окупается въ виду его крайне низкой цѣны (1 р. 50 к. съ пересылкой). Для покрытія дефицита нужны еще 200 подписчиковъ.

„Theosophist" вступилъ въ 30-ый годъ своего существованія. Основанный Е. П. Блаватской и Г. С. Олькотт'омъ, онъ въ настоящее время издается Президентомъ Теософическаго Общества, А. Безантъ. За 30 лѣтъ своего существованія, „Teosophist" пріобрѣлъ широкій кругъ подписчиковъ и читателей. Съ прошлаго года онъ замѣтно расширилъ и открылъ рядъ новыхъ отдѣловъ, изъ которыхъ особенно интересны: Записки Президента и Вѣсти о Теософическомъ движеніи въ другихъ странахъ.

Въ ноябрскомъ №, А. Безантъ привѣтствуетъ открытіе Россійскаго Теософическаго Общества, совпадающаго съ 35-лѣтіемъ міроваго Теософическаго Общества, и шлетъ намъ отъ имени теософовъ всего міра самый сердечный, братскій привѣтъ. „Съ особенной любовью, говоритъ А. Безантъ, шлемъ мы это привѣтствіе, вспоминая Е. П. Блаватскую, ту русскую женщину, которая намъ принесла свѣтъ".

Въ статьѣ „Музыка и Теософія", Н. Кирби сопоставляетъ божественный звукъ съ божественною мудростью и указываетъ на то, что на почвѣ искусства люди могутъ сойтись, какъ братья, точно также какъ и на почвѣ науки духа—Теософіи. Пока мы маленькіе музыканты и до насъ долетаютъ лишь обрывки небесной гармоніи, мы очень страдаемъ отъ всего того, что чуждо нашему пониманію музыки и что звучитъ въ нашихъ ушахъ, какъ диссонансъ. Но когда мы станемъ большими музыкантами, то въ морѣ небесной музыки, которое будетъ всегда заливать наше сердце, безвозвратно потонутъ всѣ мелкіе диссонансы, которые терзаютъ насъ теперь.

Продолжается статья д-ра Р. Штейнера „Воспитаніе ребенка".

Статья „О практической политикѣ" разсматриваетъ вопросъ о женскомъ равноправіи съ точки зрѣнія эволюціонной. Она указываетъ на то, какъ сила физическая постепенно уступаетъ въ политикѣ мѣсто силѣ умственной (вооруженная сила смиряется

передъ дипломатіей); это ничто иное, какъ переходъ человѣческаго сознанія на иной планъ. Но воцареніе интеллекта, силы ума, уже не удовлетворяетъ человѣчество, жаждущее братскаго объединенія. Эта жажда сказывается, какъ тревожное исканіе, во всѣхъ сферахъ духовной дѣятельности человѣка, въ наукѣ, философіи, искусствѣ и религіи. Въ политикѣ та же жажда вызываетъ растущее и побѣдоносное женское движеніе, которому суждено въ бурную жизнь народовъ внести новую ноту взаимнаго пониманія и любви. Авторъ (М. Э. Кузинсъ) не сомнѣвается въ томъ, что широкое участіе женщинъ въ дѣлахъ общественныхъ дастъ новое направленіе и новое настроеніе жизни народовъ.

О. Шрадеръ и Н. Билиморіа даютъ очерки по индусскому и древне-персидскому эзотеризму.

Сриниваза Уенгаръ продолжаетъ свои интересныя изслѣдованія Шива-Сутра-Вимаршини.

С. Ватсонъ въ статьѣ „Элексиръ жизни" указываетъ на необходимость регулировать физическій уходъ за тѣломъ, чтобы установить опредѣленный ритмъ въ его дыхательныхъ и питательныхъ процессахъ. Главный-же факторъ физическаго и душевнаго здоровья, по его мнѣнію, это внутреннее настроеніе, исполненное міра и любви. Это тотъ „великій элексиръ", Адонаи, который даетъ вѣчную юность и жизнь вѣчную.

Статья С. Стюарта „О древней астрономіи" и статья объ „Оккультной химіи" (А. Безантъ), сопровождаемая рисунками, представляютъ собой чрезвычайно интересный научный матеріалъ.

Въ концѣ библіографическаго обозрѣнія „Theosophist" привѣтствуетъ появленіе на русскомъ языкѣ „Голоса безмолвія" и хвалитъ изящество изданія.

„Bevue Théosophique" (Lotus bleu) даетъ переводъ статьи д-ра Р. Штейнера „Современныя теченія мысли и Теософія", продолженіе начатыхъ статей д-ра Т. Паскаля и А. Безантъ и обзоръ цѣлаго ряда художественныхъ выставокъ этого года. Авторъ, Д. Курмъ, видитъ во многихъ картинахъ современныхъ художниковъ явные признаки, что искусство соприкоснулось съ идеями Теософіи.

„Theosophical Beview" среди многочисленныхъ и разнообразныхъ статей даетъ интересный символическій разсказъ Инесс'а: „Древо жизни", очеркъ А. Кэтберта, посвященный Бэаизм'у, и статью Л. Бэртлеттъ: „Бѣлая и черная магія".

А. Бэртлеттъ опредѣляетъ магію, какъ могущество, силу, и утверждаетъ, что мы всѣ, постоянно, хотя и безсознательно, пользуемся этой силой въ своемъ желаніи влiять на другихъ, ибо не

только наши мысли и чувства, но и наше молчаніе дѣйствуютъ на людей и побуждаютъ ихъ къ тѣмъ или инымъ поступкамъ. Слѣдовательно, всѣ мы маги, бѣлые или черные, смотря по тому, какіе мотивы нами руководятъ. Въ этомъ смыслѣ мы постоянно переходимъ отъ одной къ другой. Чѣмъ интенсивнѣе наша внутренняя жизнь, тѣмъ больше наша магическая сила. Чѣмъ больше мы живемъ любовью и чѣмъ больше забываемъ себя, тѣмъ крѣпче становимся на почву „бѣлой магіи". Чѣмъ больше мы отдаемся во власть своимъ страстямъ и чѣмъ больше культивируемъ свою личность, тѣмъ легче вступаемъ въ область „черной магіи". Только чистота можетъ вѣрно направить магическія силы, заложенныя въ насъ, силы, изъ которыхъ рождается „вѣра, движущая горами".

Л. Дэддиттонъ даетъ изящный очеркъ о „Феѣ" Шелли (The Witch of Atlas). Авторъ видитъ въ „Феѣ" воплощенную идею интеллектуальной красоты. Фея родилась въ „пещерѣ" около „тайнаго источника", въ пещерѣ Мысли, у родника Свѣта. Свою властъ она проявляетъ впервые въ укрощеніи дикихъ звѣрей. Таковъ царственный аттрибутъ всемогущественной Красоты: ей покоряются стихіи. Въ своихъ странствованіяхъ Фея проявляетъ другой чудесный даръ: сквозь грубыя и отталкивающія формы она видитъ красоту пребывающаго въ нихъ духа. И сама, живя на горнихъ высотахъ, она не перестаетъ понимать страсти земли. Въ ней какъ-бы соединились огонь и снѣгъ, земля и небо. Авторъ видитъ въ твореніи Шелли глубокій эзотеризмъ, подсказанный автору его геніальной интуиціей.

Очень интересна статья Ж. Э. Л. „День малыхъ дѣлъ", въ которой авторъ указываетъ на наше наивное пониманіе кармическихъ испытаній. Начиная новую жизнь въ духѣ, мы готовы на всѣ жертвы, но ждемъ титаническихъ переживаній и героическихъ дѣлъ. Мы чрезвычайно разочарованы, когда жизнь встрѣчаетъ насъ рядомъ скучныхъ и нудныхъ мелочей, вродѣ насмѣшекъ близкихъ, мелкихъ неудачъ и прозаическихъ работъ. Намъ не вѣрится, чтобы такія неинтересныя и мелкія вещи были-бы намъ посланы, какъ испытаніе нашей воли и нашего мужества. Мы склонны впасть въ уныніе отъ скучной, сѣрой жизни, въ которой рѣшительно негдѣ размахнуться нашимъ растущимъ силамъ. А между тѣмъ, именно эти мелкія и скучныя заботы и суть тѣ испытанія, съ которыми мы должны умѣть справиться раньше, чѣмъ намъ будутъ даны иныя задачи. Все дѣло въ настроеніи, съ которымъ мы несемъ наши испытанія, въ той силѣ и терпѣніи, съ которыми преодолѣваемъ свою карму. Въ статьѣ чудное сравненіе:

служитель маяка, поддерживающій свѣтъ фонаря въ темную, бурную ночь, не можетъ знать, сколько кораблей было спасено отъ гибели его лучами. Такъ и человѣкъ, вступившій на путь духовный, не знаетъ, какъ велико вліяніе загорѣвшагося въ немъ свѣта. Его желаніе помочь и служить создало маякъ во мракѣ ночи. Ему только остается быть вѣрнымъ и бдительнымъ слугой и не давать загорѣвшемуся свѣту потухнуть.

„Isis“ даетъ окончаніе статьи А. Ульрихъ „О религіи древнихъ Славянъ“. Въ послѣднемъ очеркѣ авторъ касается Прибалтійскихъ Славянъ: Статья заканчивается выводомъ, что въ основѣ всѣхъ религіозныхъ вѣрованій, самыхъ древнихъ и отдаленныхъ, лежатъ однѣ и тѣ-же духовныя истины. Это ясно говоритъ о томъ, что всѣ религіи имѣютъ одинъ общій источникъ, изъ котораго всѣ онѣ родились. Такъ называемые миѳы—ничто иное, какъ символическое облаченіе религіознаго эзотеризма.

Статья Л. Крейтцеръ „Враги Теософіи и Теософическаго Общества“ даетъ рядъ цитатъ изъ полемическихъ статей и рѣчей, направленныхъ противъ Теософическаго ученія и его представителей. Интересно, что самыя страстныя нападки евангелическихъ миссіонеровъ перемѣшаны съ удивленіемъ передъ той работой, которую совершаютъ піонеры Теософіи. Въ особенное недоумѣніе ставитъ ихъ личность и дѣятельность А. Безантъ, которую они признаютъ „богиней краснорѣчія“. Давая отчетъ о ея лекціяхъ о христіанствѣ и признавая силу и красоту этихъ рѣчей, которыя могутъ изливаться лишь изъ „сердца, въ которомъ горитъ любовь къ Христу“, они съ недоумѣніемъ спрашиваютъ: „Но какъ-же въ такомъ случаѣ можетъ А. Безантъ такъ удивительно излагать ученія восточныхъ религій? Загадочное явленіе“! (Ein räthselhaftes Menschenkind!). Узкимъ фанатикамъ, стоящимъ на почвѣ мертвящей буквы, не понятна широта духа живаго, который поклоняется Христу не въ томъ или иномъ облаченіи, а въ духѣ истины и въ любви животворящей.

Статья А. Безантъ „Духъ времени“ исполнена той чарующей терпимостью и свѣтлымъ пониманіемъ, которыя характеризуютъ личность Президента Теософическаго О-ва. Смѣло подходитъ она къ вопросу о современномъ критическомъ духѣ изслѣдованія и говоритъ: „Бояться этого духа не слѣдуетъ. Надо его понять и ему посмотрѣть прямо въ глаза, ибо этотъ духъ есть духъ времени, рожденный тѣмъ интеллектуальнымъ началомъ (Manas), который даетъ основную ноту всему строю современной жизни. Пусть къ намъ идутъ скептики и невѣрующіе; соприкосновеніе

съ жизнью духа помогаетъ и тѣмъ, кто духъ отрицаетъ... Въ будущей расѣ духъ времени будетъ духовность (Buddhi), проявляющаяся какъ чистый разумъ и какъ нѣжная отзывчивость!“ Тѣ, кто опережаетъ свое время, пріобщаются уже къ новому; не будучи въ силахъ вполнѣ освободиться отъ духа времени, они переживаютъ раздвоеніе и тотъ страшный душевный разладъ, который мы видимъ иногда и у представителей духовныхъ теченій.

Статья д-ра Фридландера „Облегченіе отъ скорби и болѣзни“ разсказываетъ о знаменитой Нью-Іоркской церкви Эммануила, всегда открытой и всегда наполненной народомъ. Въ этой церкви извѣстные проповѣдники „д-ръ Комбъ и д-ръ Ворсестеръ“ молитвой и словомъ исцѣляютъ больныхъ. Они твердо убѣждены въ томъ, что при духовномъ здоровіи и тѣло должно быть здорово; духъ же выздоравливаетъ при работѣ, религіозномъ настроеніи и работѣ воли. „Если душевныя состоянія могутъ разрушить здоровье, то онѣ-же могутъ его и возстановить“, говорятъ они. Свой методъ они называютъ „психотерапевтіей“. Многіе врачи и ученые съ интересомъ присматриваются къ духовной работѣ знаменитыхъ пасторовъ. Всѣ признаютъ въ нихъ личности незауряднаго ума и характера. Профессоръ Бэкеръ находитъ въ высшей степени интересной эту попытку объединеннаго воздѣйствія психологическаго и физіологическаго факторовъ.

Церковь Эммануила постоянно полна. Больные слушаютъ проповѣдь, поютъ, молятся, а послѣ служенія, въ особомъ отдѣлѣ при церкви, обращаются за совѣтомъ и помощью къ одному изъ пасторовъ, являющихся представителями извѣстнаго на западѣ теченія „Christian Science“.

Въ „Hindu College“ есть интересное описаніе мѣстнаго Индусскаго праздника—Пушкарамъ, которое происходитъ разъ въ 12 лѣтъ, въ то время, какъ планета Юпитеръ вступаетъ въ одинъ изъ знаковъ Зодіака *). Поочередно всѣ рѣки Индіи имѣютъ свой Пушкарамъ. Предполагается, что въ этотъ день Девы (ангелы) купаются въ рѣкѣ и тѣ люди, которые погружаются въ воду, получаютъ большую помошь, а иногда исцѣленіе отъ самыхъ страшныхъ болѣзней. Пушкарамъ собираетъ много тысячъ странниковъ, которые приходятъ со всѣхъ концовъ Индіи. Пушкарамъ длится 12 дней. Статья описываетъ, какой заботой и вниманіемъ мѣстныя власти и населеніе окружаютъ этихъ бѣдныхъ странниковъ, чтобы они ни въ чемъ не нуждались и чувствовали себя хорошо:

*) Извѣстно, что вращеніе Юпитера вокругъ солнца совершается въ 12 лѣтъ.

Къ прибытію богомольцевъ, въ верстѣ отъ рѣки Ражамундри, было приготовлено болѣе 100 шатровъ, разсчитанныхъ на 5.000 человѣкъ. Въ городѣ были устроены постоянные обѣды, которые богатые купцы давали въ теченіе 12 дней странникамъ. Власти распорядились, чтобы рисъ продавали дешевле обыкновенной своей рыночной цѣны. Кромѣ того, къ шатрамъ была проведена вода. Въ лагерѣ странниковъ были устроены лечебница, почтовое и телеграфное отдѣленія и справочная контора. Устроены газовое освѣщеніе и палатки для рынка, чтобы странники могли имѣть подъ руками все, въ чемъ окажется у нихъ потребность.

Въ первые дни Пушкарам'а тысячи богомольныхъ индусовъ, жаждавшіе очищенія отъ грѣховъ и исцѣленія, вступили въ рѣку, молитвенно вознося руки къ небу. Многіе несли на плечахъ дѣтей и стариковъ-родителей. Больныхъ и калѣкъ несли на рукахъ и погружали съ молитвой въ воду. Зрѣлище было величественное и совершенно необыкновенное по силѣ настроенія и по числу участниковъ.

„Lotus Journal" даетъ маленькій очеркъ о силѣ мысли и силѣ слова, совѣтуя юношеству съ раннихъ лѣтъ культивировать чистыя, глубокія мысли и даръ слова.

Очеркъ объ Адіарѣ, Теософической главной квартирѣ, сопровождается красивой иллюстраціей, изображающей Адіарскую библіотеку.

Очеркъ Э. Северсъ посвященъ житію св. Екатерины Сіенской.

Очень интересна статья Э. Маллетъ о Вагнерѣ и о значеніи его музыки.

Символическій разсказъ „Дочь созвѣздій", Л. Кукъ, передаетъ повѣсть духовныхъ исканій проснувшейся души.

Послѣдній № „Теософическаго Обозрѣнія" содержитъ интересную статью Н. Носкова, „Въ поискахъ истины", въ которой авторъ пытается охарактеризовать личность и дѣятельность Л. Н. Толстого.

Статья „О Жизни и Смерти" (Осіяннаго) приводитъ мысли Л. Н. Толстого, ясно показывающія, что великій писатель вѣритъ въ безсмертіе и смотритъ на жизнь лишь какъ на сонъ, послѣ котораго наступаетъ болѣе реальная жизнь.

„Идиллія Бѣлаго Лотоса" заканчивается.

Замѣнившій „Теософическое Обозрѣніе" журналъ „Міръ" не имѣетъ теософическаго отдѣла. Правда, въ первыхъ двухъ №№ есть очерки С. Поварнина объ Исламѣ, но эти очерки написаны въ обыкновенномъ позитивистическомъ освѣщеніи. Мы отъ души

жалѣемъ, что „Теософическое Обозрѣніе“ прекратило свое кратковременное существованіе.

„Теософская Жизнь“ даетъ отчетъ о дѣятельности Смоленскаго Общества. Изъ этого отчета видно, какъ много пришлось молодому Обществу пережить затрудненій и испытаній за краткій срокъ его существованія.

Какъ въ „Теософскомъ Обзорѣ“, такъ и въ спискѣ рекомендуемыхъ Редакціей книгъ странно поражаетъ отсутствіе цѣлаго ряда теософическихъ изданій, такихъ какъ „Новая психологія и Теософія“, А. Безантъ, „Сокровенная философія Индіи“, Чаттерджи, „Задачи Теософіи“, Alba, „Вопросы Теософіи“, сборникъ теософическихъ статей, и наконецъ „Вѣстникъ Теософіи“, которыя какъ-бы игнорируются. Хорошо, что хоть „Свѣтъ на Пути“ и „Голосъ безмолвія“ попали въ списокъ рекомендуемыхъ книгъ.

Объ открытіи „Россійскаго Теософическаго Общества“ тоже нѣтъ ни слова.

Alba.

Не собирайте себѣ сокровищъ на землѣ, гдѣ моль и ржа истребляютъ и гдѣ воры подкапываютъ и крадутъ.

Но собирайте себѣ сокровища на небѣ, гдѣ ни моль, ни ржа не истребляетъ и гдѣ воры не подкапываютъ, и не крадутъ, ибо гдѣ сокровище ваше, тамъ будетъ и сердце ваше.

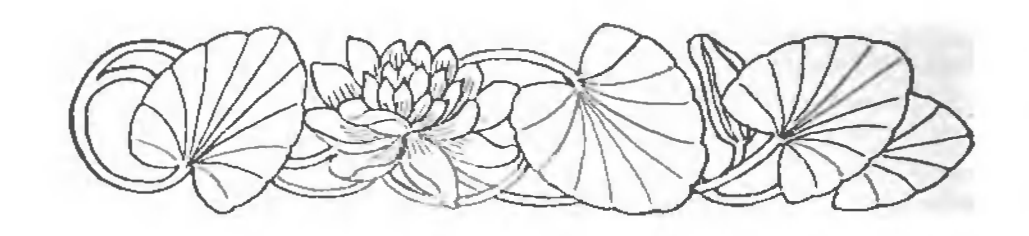
(Ев. отъ Матѳея, гл. VI; 19—28).

Если вы будете любить любящихъ васъ, какая вамъ награда? Не то ли дѣлаютъ и мытари?

И если вы привѣтствуете только братьевъ вашихъ, что особенное дѣлаете? Не такъ же ли поступаютъ и язычники?

И такъ будьте совершенны, какъ совершененъ Отецъ вашъ Небесный.

(Ев. отъ Матѳея, гл. V; 46—48).

Хроника теософическаго движенія.

Поѣздка Президента Теософическаго Общества въ Австралію и въ Новую Зеландію.

Лѣто 1908 года посвящено нашимъ президентомъ поѣздкѣ въ Австралію и личному знакомству съ членами австралійской секціи; 12-го мая M-rs Безантъ выѣхала изъ Адъяра; первая остановка была въ Тричикороли, гдѣ президента пригласили положить первый камень въ фундаментъ вновь строящагося зданія Теософическаго отдѣла, въ прекрасномъ обширномъ саду, подаренномъ Теософическому Обществу Kolandaveli Pillai. Закладка сопровождалась торжественной религіозной процессіей. Здѣсь же А. Безантъ произнесла рѣчь на митингѣ низшей касты Сабха, внутри которой возникла дѣятельная работа съ цѣлью поднять образованіе и воспитаніе въ своей средѣ.

Затѣмъ было эзотерическое собраніе, и въ тотъ же вечеръ, по желѣзной дорогѣ, M-rs Безантъ направилась въ Тутикоринъ, гдѣ, послѣ собранія и рѣчи, пересѣла на пароходъ, который высадилъ ее въ Коломбо на Цейлонѣ; здѣсь состоялись два собранія, одно открытое, а другое эзотерическое. 17-го мая пароходъ снялся съ якоря, а 26-го онъ присталъ къ западному берегу Австраліи въ пристани Фремантль, откуда, на рѣчномъ пароходѣ по Лебяжьей рѣкѣ (изобилуютъ черные лебеди) президентъ со встрѣтившими ее австралійскими членами Теософическаго Общества направились къ главному городу западной Австраліи—Пертъ. Тамъ собраніе состоялось въ студіи художницы Фуллеръ, украшенной великолѣпными портретами ея кисти Олькотта, Е. П. Блаватской и M-rs Безантъ. На другой день рядъ лекцій начался съ пере-

воплощенія, и эта сторона теософическаго ученія наиболѣе интересовала австралійцевъ. Съ этого дня начинается трудно постижимая работа нашего президента. Я не стану передавать всѣ собранія, интервью, рѣчи въ частныхъ домахъ, публичныхъ залахъ, манежахъ и церквахъ; упомяну здѣсь только о выдающихся эпизодахъ этой въ полномъ смыслѣ героической эпопеи. Все путешествіе M-rs Безантъ составило 17,630 миль по морю и сушѣ, длилось оно 44 дня и ночи; остальные 62 дня были посвящены работѣ; за эти дни было произнесено 44 публичныхъ лекціи и 90 собраній, на которыхъ каждый разъ говорились рѣчи, большинство изъ которыхъ длилось по 1 часу, слѣдовательно, всѣхъ рѣчей было 134; тѣ 90 рѣчей, которыя говорились на собраніяхъ, сопровождались вопросами и отвѣтами, при чемъ продолжительность собраній длилась иногда по нѣсколько часовъ*). Рядомъ съ этимъ, множество частныхъ пріемовъ отдѣльныхъ членовъ и журналистовъ. Если вспомнить, что все это напряженіе выпало на долю женщины за 60 л. съ нѣжной организаціей, то невозможно себѣ представить, чтобы оно могло быть выдержано безъ помощи свыше.

M-rs Безантъ рисуетъ австралійцевъ какъ очень живой и воспріимчивый народъ, съ болѣе открытымъ умомъ, чѣмъ населеніе старыхъ странъ. Лекціи и собранія были чрезвычайно многочисленныя и оживленныя, всюду M-rs Безантъ замѣчала портреты основателей Теософическаго Общества Е. П. Блаватской, Олькотта и свой и рядомъ портреты главныхъ работниковъ въ самой Австраліи. Въ нѣсколькихъ городахъ уже пріобрѣтены собственные дома для теософическихъ собраній и организованы дѣтскіе кружки Lotus circle; одинъ изъ такихъ кружковъ въ 40 дѣтей привѣтствовалъ M-rs Безантъ и подарилъ ей для украшенія адъярскаго зала красивый австралійскій флагъ, пунцовый съ звѣздами Южнаго Креста. M-rs Безантъ останавливается съ большой любовью и надеждой на этихъ маленькихъ теософахъ, изъ рядовъ которыхъ должны выйти работники на теософической нивѣ.

---

*) Если принять, что собранія съ рѣчами и вопросами и отвѣтами длились въ среднемъ по 3 часа, что, по моимъ наблюденіямъ въ Англіи, ниже дѣйствительной продолжительности, получится 270 часовъ; если положить еще 2 часа на частные пріемы и дѣловые переговоры и прибавить 44 лекціи, опредѣляя каждую лекцію въ 1 часъ, получится еще 168 ч. работы, всего 438 часовъ, слѣдовательно, 2 мѣсяца сряду, безъ перерыва, по 7 часовъ въ день рѣчей и бесѣдъ все съ новыми толпами людей.

Главный городъ Южной Австраліи Аделланду M-rs Besant описываетъ какъ очень красивый городъ, съ нарядными улицами, опоясанный широкимъ кольцомъ лѣсовъ, которые, какъ бы ни разросся современемъ городъ, останутся его вѣчнымъ украшеніемъ съ своими большими лужайками, оливами, евкалиптовыми деревьями и пасущимися на полянахъ черными коровами. Кольцо это очутится современемъ среди города, какъ его гигантскій паркъ. Другой характеръ у Мельбурна, главнаго города федераціи. Ему всего 64 года отъ роду, но онъ весь кипитъ молодой жизнью, политикой и бойкой торговлей. Поражаетъ при этомъ чисто внѣшняя религіозность: по воскресеньямъ все останавливается: ни почты, ни газетъ, измѣняется время для жел. дор. поѣздовъ. Въ одномъ изъ городовъ по поводу лекціи, назначенной въ воскресенье, вышла цѣлая исторія съ полиціей и M-rs Безантъ пришлось говорить въ церкви съ кафедры проповѣдника, какъ въ это воскресенье, такъ и во всѣ остальныя. По этому поводу M-rs Безантъ дѣлаетъ нѣсколько тонкихъ замѣчаній: „чисто внѣшнее благочестіе Австралійцевъ страдаетъ и незнаніемъ естественныхъ законовъ: такъ коровы, не желающія давать двойныя порціи молока по субботамъ, упорствуютъ, и не смотря ни на что, даютъ молоко и по воскресеньямъ. Но продавать его въ воскресенье воспрещено, и оно поступаетъ въ продажу на другой день, перемѣшанное съ понедѣльничнымъ молокомъ, отчего въ жаркое время много младенцевъ заболѣваетъ и даже кончаетъ свою жизнь". Очень интересны всѣ ея наблюденія надъ молодой страной, въ которой осуществляются самыя смѣлыя мечты соціалъ-демократіи. Цѣны на трудъ, благодаря законодательству и тому, что мѣстнымъ жителямъ возбраняется привозить или выписывать прислугу и рабочихъ изъ другихъ странъ, возрасли до того, что домашняя прислуга въ городахъ (рѣчь идетъ о Мельбурнѣ) получаетъ 1 ф., т. е. 10 р. понедѣльно на всемъ готовомъ, и отличается при этомъ и неумѣлостью, и небрежностью. Простому рабочему, безъ всякой спеціальной подготовки, не разрѣшается подметать дорожки сада дешевле 10 шилл. въ день (5 р.). Результатомъ этого является временное высокое благосостояніе для чернорабочихъ, высокія цѣны на съѣстные припасы, высокія ренты, поощреніе мускульнаго развитія и обезцѣненіе умственнаго развитія. Хорошо воспитанные и образованные люди, вмѣсто того, чтобы отдавать свои силы государству въ формѣ литературнаго, артистическаго и многокультурнаго труда, принуждены подметать свои дворы, вскапывать свои сады, готовить себѣ обѣды. Послѣдствіемъ этого является пониженіе умственнаго

и художественнаго уровня, чрезвычайное обиліе всевозможныхъ скачекъ и тотализаторовъ и полное отсутствіе дисциплины у молодежи, что предвѣщаетъ мало хорошаго для будущаго. Несмотря на необыкновенно высокую заработную плату, стачки въ Австраліи чаще, чѣмъ въ старомъ свѣтѣ. Въ присутствіи M-rs Безантъ только что кончилась стачка молочныхъ торговцевъ и въ Сиднеѣ началась стачка булочниковъ. Нагоняй, полученный подросткомъ за дурную работу, вызвалъ стачку среди всѣхъ его товарищей и результатомъ была остановка цѣлаго желѣзно-дѣлательнаго завода. Извозчики въ Мельбурнѣ грозятъ забастовать къ прибытію американскаго флота, если городъ не дастъ имъ извѣстной суммы. Никому, кажется, и въ голову не приходитъ, что благодаря этимъ стачкамъ, которыя здѣсь, гдѣ такъ высока заработная плата, носятъ характеръ чистаго вымогательства, страдаютъ тысячи ни въ чемъ неповинныхъ людей. Это—возмездіе за былое неправое отношеніе къ вполнѣ справедливымъ требованіямъ рабочихъ; но въ настоящее время, чтобы предотвратить общественный хаосъ и упадокъ, необходимо ввести въ воспитаніе молодежи чувство гражданскаго долга и гражданской отвѣтственности. Въ Южной Австраліи существуетъ всеобщая подача голосовъ, включая и женщинъ въ возрастѣ отъ 21 года. Во время пребыванія M-rs Безантъ какъ разъ шли выборы, поразившіе ее спокойнымъ, даже будничнымъ видомъ, словно люди шли по самому обыкновенному дѣлу. Мѣстные жители изъ развитыхъ съ грустью указываютъ на дурное знаменіе: на равнодушіе образованныхъ людей къ общественнымъ обязанностямъ, вслѣдствіе чего власть сосредоточивается все болѣе въ рукахъ невѣждъ. „Слишкомъ много политиковъ и совсѣмъ нѣтъ государственныхъ людей" жалуются Австралійскіе теософы. Конечно, Австралія представляетъ грандіозный экспериментъ, прибавляетъ M-rs Безантъ, но во что превратится онъ: въ *примѣръ* для міра, или въ *предостереженіе,* это покажетъ будущее.

Несостоятельность австралійской демократіи откровенно признается и передовыми людьми Австраліи; такъ, министръ земледѣлія Суинбурнъ, въ одной изъ своихъ публичныхъ рѣчей высказалъ слѣдующее: „Австралія—одна изъ богатѣйшихъ странъ міра; она осуществила вполнѣ принципъ демократіи, ея жители обладаютъ самыми широкими правами, а между тѣмъ мы отстаемъ отъ другихъ странъ и въ дѣлѣ воспитанія, и въ постановкѣ образованія, и въ другихъ важныхъ отдѣлахъ общественной жизни. Возьмемъ школы; всѣ онѣ въ рукахъ самого народа, но онѣ ведутся отвратительно; народъ гораздо меньше думаетъ о здоровомъ воспитаніи

молодого покол̀нія, чѣмъ объ аристократическомъ правительствѣ. Точно также мы скверно относимся и къ нашимъ преступникамъ, къ сумасшедшимъ, которые переполняютъ сумасшедшіе дома, и къ нашимъ бѣднымъ. Никогда люди не нуждались такъ сильно въ мудрости, какъ нуждаемся мы теперь. Да, мудрости. Въ этомъ вся трудность. Какъ найти ее и какимъ образомъ водворить ее на мѣсто власти?"

Съ большой благодарностью и теплотой говоритъ M-rs Безантъ о представителѣ австралійской теософической секціи, мистерѣ Джонѣ и его женѣ, которая продѣлала съ ней все путешествіе и облегчала ей своей самоотверженной добротой невзгоды долгаго пути. А невзгодъ было не мало, и, несмотря на добродушно-юмористическій тонъ M-rs Безантъ, легко догадаться, какія тяжелыя испытанія приходилось ей переживать и отъ жестокихъ морскихъ бурь, одна изъ которыхъ длилась четверо сутокъ, и отъ сильныхъ холодовъ на желѣзной дорогѣ, не имѣющей печей, и отъ дурного устройства австралійскихъ путей сообщенія. Такъ, на пароходѣ Vimmara, на которомъ M-rs Безантъ пришлось ѣхать изъ великолѣпной гавани Сиднея въ Новую Зеландію, немедленно разыгравшаяся буря загнала всѣхъ пассажировъ въ каюты, и пароходъ оказался до того переполненнымъ, что на долю M-rs Безантъ и сопровождавшихъ ее трехъ дамъ досталась крошечная каюта съ ваннной для купанья и однимъ раскиднымъ стуломъ. „Мы были счастливы въ томъ отношеніи, прибавляетъ M-rs Безантъ, что всѣ любили купаться и очень не любили брэнди (водку), которая играла выдающуюся роль въ общей каютѣ, но все же путешествіе было не очень комфортабельное. Заплатить за первоклассную каюту и получить взамѣнъ 4-ю часть ванны и четвертушку раскидного стула, и внѣ этого приспособленія ни единаго уголка, гдѣ бы мы могли расправить окоченѣлые члены, потому что салонъ былъ превращенъ въ койки для мужчинъ, а столовая вся дымилась отъ испареній ростбифовъ, портера и вина: это, по правдѣ говоря, не вполнѣ соотвѣтствовало нашему представленію о добросовѣстномъ отношеніи къ пассажирамъ". И при такихъ условіяхъ нашему Президенту, наканунѣ напряженнаго нервнаго труда, пришлось томиться четверо сутокъ. Въ другой разъ, M-rs Безантъ пришлось ѣхать въ Новой Зеландіи изъ одного города въ другой, гдѣ въ тотъ же вечеръ ей предстояло говорить публичную лекцію. Ѣхать приходилось отъ 8 утра до 5¼ послѣ обѣда, слѣдовательно 9¼ часовъ, а устройство вагона таково, что если у пассажира была съ собой корзинка съ чайнымъ приборомъ, то приходилось брать

и на ея долю билетъ, иначе поставить ее было некуда, такъ тѣсно устроены сидѣнья; и при этомъ жестокій холодъ и на троихъ дрожащихъ пассажировъ полагалась одна маленькая ножная грѣлка!

Интересно, что среди австралійскихъ теософовъ M-rs Безантъ встрѣтила нѣсколько старыхъ товарищей по своей прежней парламентской дѣятельности; между прочимъ одного, принимавшаго вмѣстѣ съ ней дѣятельное участіе въ патріотическомъ клубѣ для рабочихъ, мистера Гринъ.

Съ большой теплотой говоритъ M-rs Безантъ о первомъ министрѣ Австраліи, мистерѣ Дикинъ, который до вступленія своего на отвѣтственный постъ, отнимающій у него всѣ часы дня, былъ членомъ Теософическаго Общества. Онъ сохранилъ свой интересъ къ Теософіи, и приходилъ слушать лекцію M-rs Безантъ объ „Охранителяхъ человѣчества". Это единственный государственный дѣятель Австраліи среди толпы политикановъ, человѣкъ съ высокими идеалами, которые онъ стремится осуществить въ своей общественной жизни, сохраняя при этомъ духовную связь не съ одной лишь Австраліей, а и съ цѣлымъ міромъ. Мыслитель, прекрасный ораторъ, его имя оставитъ глубокій слѣдъ въ исторіи молодой страны.

Среди различныхъ воспоминаніи, вынесенныхъ M-rs Безантъ изъ своей поѣзки по Австраліи, есть и забавныя, которыя невольно вызываютъ веселую улыбку. Такъ, одинъ Австраліецъ, по поводу лекціи „объ истинномъ братствѣ людей" выразился, что идея такого общественнаго, умственнаго и нравственнаго братства, отъ котораго нѣтъ возможности уклониться, представляется ему „поистинѣ ужасающей идеей". А другой Австраліецъ, прослушавъ лекцію M-rs Безантъ, выразилъ необычайное удивленіе, которое онъ выразилъ такъ: „я думалъ, что услышу что нибудь о теософіи, а услыхалъ однѣ только здравыя мысли". По этому поводу M-rs Безантъ вспоминаетъ какъ покойный Олькоттъ, разговаривая однажды также съ Австралійцами, далъ теософіи такое опредѣленіе: „Теософія есть апофеозъ здраваго смысла". Забавный случай былъ съ M-rs Безантъ въ Аделаидѣ: когда она подъѣхала къ ратушѣ, гдѣ должна была происходить ея лекція, на улицѣ было много народу, уходившаго отъ ратуши за неимѣніемъ мѣста. Когда она подъѣхала, вѣжливый полисмэнъ загородилъ ей дорогу, объявляя: „входа болѣе нѣтъ, сударыня". На это M-rs Безантъ отвѣчала: „я ничего не имѣю противъ, но только лекціи въ такомъ случаѣ не будетъ". Нужно думать, что полицейскій былъ тонкаго ума, потому что весело разсмѣялся и распахнулъ передъ

нею. дверь. Еще останавливаетъ вниманіе лекція, прочитанная передъ собраніемъ рабочихъ. Лидеры Австралійскаго Рабочаго Союза (Trades-Union) пришли въ Мельбурнѣ къ M-rs Безантъ, прося ее прочесть лекцію по рабочему вопросу. На это M-rs Безантъ отвѣтила, что ея воззрѣнія могутъ прійтись имъ не по вкусу, такъ какъ она убѣждена, что никакія внѣшнія общественныя измѣненія не могутъ быть прочными, пока самый характеръ людей останется прежнимъ. Но они настаивали, предоставляя M-rs Безантъ полную свободу, и она черезъ нѣсколько дней прочитала для нихъ лекцію „Что имѣетъ сказать Теософія рабочимъ". Лекція вышла чрезвычайно оживленная, рабочіе слушали съ напряженнымъ интересомъ, часто разражаясь градомъ рукоплесканій, или возгласами протеста и недоумѣнія, когда M-rs Безантъ поставила идеи братства, перевоплощенія и кармы какъ тройную основу устойчиваго общественнаго строя. Рабочіе приняли съ замѣчательнымъ добродушіемъ критику M-rs Безантъ на австралійскій строй, который „допускаетъ управлять страной младшихъ членовъ государственной семьи, лишенныхъ всякой мудрости, который поощряетъ погоню за минутнымъ успѣхомъ безъ мысли объ отдаленныхъ послѣдствіяхъ, который думаетъ лишь о своихъ мѣстныхъ интересахъ, а не объ интересахъ всего англійскаго народа, и при этомъ развиваетъ въ своихъ дѣтяхъ ненависть къ цвѣтнымъ племенамъ. „Можно легко предвидѣть" прибавила M-rs Безантъ, „что Австралійцы сдѣлаются сами желтыми подъ вліяніемъ климата, да многіе изъ нихъ уже и теперь желтѣе презираемыхъ ими индусовъ; что же тогда останется отъ ихъ гордаго выдѣленія себя въ особую «бѣлую Австралію»?"

Кончаетъ M-rs Безантъ описаніе своей поѣздки самыми лучшими воспоминаніями о гостепріимствѣ и добротѣ къ ней всѣхъ членовъ Австралійскаго Теософическаго Общества, объ ихъ твердости и преданности теософическому дѣлу и его главнымъ работникамъ, на которую можно опереться съ полнымъ довѣріемъ. По многимъ признакамъ можно заключить, что въ Австраліи,—какъ и вездѣ, гдѣ проходитъ свѣтлое и сильное вліяніе личнаго воздѣйствія M-rs Безантъ,—теософическая работа получила сильный импульсъ, который вдохновитъ ее новой силой.

Для насъ, теософовъ, должны быть интересны всѣ стороны теософической работы нашего Президента, и потому сообщу финансовый результатъ этой поѣздки по Австраліи и Новой Зеландіи. Лекціи принесли дохода болѣе 17.000 р. За вычетомъ всѣхъ издержекъ на наемъ помѣщеній и т. д. и на расходы по путешествію

M-rs Безантъ и сопровождавшей ее M-rs Джонъ (1.560 р.) остается 11.000 р., которыя M-rs Безантъ распредѣляетъ, какъ и всѣ деньги, которыя она зарабатываетъ лекціями, такимъ образомъ: одна треть идетъ на мѣстную секцію и двѣ трети остаются у M-rs Безантъ на теософическое дѣло въ Индіи. На этотъ разъ, на долю Индіи приходится $7^1/_2$ тысячъ. По этому поводу M-rs Безантъ выражаетъ удовольствіе, что деньги эти покроютъ сдѣланныя пристройки въ Адъярѣ и новый водопроводъ, которые не подлежатъ погашенію изъ общей теософической кассы.

Е. П.

---

17 ноября сего года, въ день основанія мірового Теософическаго Общества, состоялось учредительное собраніе Россійскаго Теософическаго Общества.

Представителемъ движенія и предсѣдателемъ Совѣта выбрана Анна Алексѣевна Каменская.

Членами Совѣта на первое трехлѣтіе выбраны: Анна Павловна Философова, Цецилія Людвиговна Гельмбольдтъ, Маргарита Алексѣевна Каменская, Эмма Дмитріевна Пантеніусъ, Константинъ Дмитріевичъ Кудрявцевъ, Дмитрій Владиміровичъ Странденъ. Кандидатами: Надежда Павловна Лихачева и Ольга Карловна Струнке. Обязанности Секретаря и Казначея принялъ на себя К. Д. Кудрявцевъ.

Полученъ рядъ привѣтствій и поздравленій изъ другихъ городовъ.

Общество объявлено открытымъ.

21 ноября сего года, въ помѣщеніи женскаго В. Б. Общества (Спасская, 18) состоялось I открытое собраніе Россійскаго Теософическаго Общества.

А. Каменская сказала вступительную рѣчь о значеніи Теософическаго движенія.

К. Д. Кудрявцевъ прочиталъ рефератъ доктора философіи Р. Штейнера: „Теософія и Наука".

Въ виду торжества открытія, въ концѣ вечера было исполнено нѣсколько музыкальныхъ №№. Гостей было свыше ста человѣкъ. Собраніе прошло очень оживленно.

Alba.

Астральный планъ. Ледбитера. Изданіе Л. В. Богушевскаго. Спб., 1908 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Классическое произведеніе по Теософіи, написанное крайне популярно и доступное для пониманія всѣхъ, начинающихъ интересоваться Теософіею.

Къ сожалѣнію въ переводѣ,—сдѣланномъ, въ общемъ, довольно гладко,—не выдержана Теософическая терминологія; въ силу этого попадаются крупныя шероховатости. Такъ, напр., французское „corps causal" переведено „козальное тѣло",—(стр. 18 и др.),—вмѣсто принятаго въ теософической литературѣ выраженія „тѣло причинности", болѣе точно передающаго смыслъ и значеніе французскаго термина. Извѣстное въ литературѣ сочиненіе А. Безантъ „La sagesse antique" озаглавлено „Античная мудрость" вмѣсто имѣющагося уже въ печати изданія „Древняя мудрость". (Спб., „Вѣстникъ Теософіи").

Въ концѣ книги приложенъ Указатель книгъ по оккультизму. Указатель этотъ составленъ недостаточно тщательно и полно. Такъ, напр., „Задачи Теософіи", Alba, отнесены къ отдѣлу *спиритизма?!,* „Откровенные разсказы странника духовному своему отцу"—хорошая книга аскетическо-подвижнической литературы—показана въ отдѣлѣ „Животнаго магнетизма, гипнотизма и врачеванія"!! Такихъ курьезовъ, къ сожалѣнію, много и ими будутъ введены въ заблужденіе начинающіе.

Въ Указателѣ пропущены также почти всѣ изданія журнала „Вѣстникъ Теософіи" и многія другія книги по вопросамъ философіи оккультизма. Такіе пробѣлы лишаютъ этотъ Указатель его цѣнности и значенія. Нельзя не пожалѣть, что издатели теософической книги руководствовались при изданіи „библіографическаго Указателя" антитеософическимъ принципомъ обособленности,—вмѣсто дружной совмѣстной работы на общее благо.

Самоубійцы. Юмористическая повѣсть. А. Зыковъ. Изданіе „Посредникъ". Москва, 1908 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Основной темой повѣсти является мысль, что всѣ, кто живетъ и волнуется, сокращаютъ свою жизнь и потому являются какъ бы самоубійцами. Въ книгѣ разбросано много вѣрныхъ мыслей, мѣстами повѣсть вызываетъ смѣхъ, но, въ общемъ, не затрагиваетъ души читателя.

Календарь для каждаго на 1909 годъ. А. С. Зоновъ, подъ редакціей И. Горбунова-Посадова, изданіе магазина „Посредникъ". Москва. Цѣна 25 к.

Предлагаемый календарь выгодно отличается отъ другихъ изданій подобнаго рода—тѣмъ, что, кромѣ необходимыхъ обычныхъ свѣдѣній, въ немъ приведенъ матеріалъ для чтенія, будящій мысль читателя и направляющій ее къ рѣшенію вѣчныхъ вопросовъ, которые всегда стоятъ передъ человѣкомъ и разрѣшить которые необходимо, чтобы установить правильное отношеніе къ Богу и ко всему живущему.

Въ календарѣ на 1909 г. помѣщены статьи о борьбѣ со зломъ, о воспитаніи, о вегетаріанствѣ, о войнѣ и мн. др. Въ концѣ данъ маленькій, но вдумчиво составленный Указатель книгъ для чтенія. Желаемъ успѣха этому изданію.

К. Кудрявцевъ.

Кто хочетъ быть бóльшимъ между вами, да будетъ вамъ слугою.

И кто хочетъ быть первымъ между вами, да будетъ всѣмъ рабомъ.

Ибо и Сынъ Человѣческій не для того пришелъ, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупленія многихъ.

(Ев. отъ Марка, гл. X; 43—45).

ОПЕЧАТКИ.

На стр. 27, строка 11 сверху напечат. „лучи“ вмѣсто „луча“.

„ „ 28, строка 2 снизу напечат. „Алюнлоха“ вмѣсто „Амѳилоха“.

„ „ 29, строка 20 снизу напечат. „странно-далекія“ вмѣсто „страшно-далекія“.

„ „ 31, строка 5 снизу напечат. „мѣтки“ вмѣсто „мѣты“.

„ „ 33, строка 16 сверху напечат. „рѣкоточнымъ“ вмѣсто „роскошнымъ“.

„ „ 34, строка 8 сверху напечат. „Стиллы“ вмѣсто „Сибиллы“.

„ „ 34, строка 14 сверху напечат. „Динархеи“ вмѣсто „Дикеархеи“.

„ „ 34, строка 17 снизу напечат. „мѣтками“ вмѣсто „мѣтами“.

„ „ 75, строка 7 снизу напечат. „лѣтній лучъ“ вмѣсто „лѣтній лугъ“.

„ „ 80, строка 20 сверху напечат. „титулованнымъ барономъ“ вмѣсто „титулованнымъ бариномъ“.

Редакторъ-Издательница А. А. Каменская.

Указатель статей, помѣщенныхъ въ „Вѣстникѣ Теософіи" за 1908 годъ.

Статьи по теософіи.

Статьи о теософическомъ движеніи и литературѣ.

Статьи по вопросамъ, соприкасающимся съ теософіей.

Научное обозрѣніе.

Отдѣлъ духовныхъ исканій.

Письма къ читателямъ (Другъ читателя).

Отзывы о книгахъ.

Изреченія.

Стихотворенія и беллетристическія произведенія.

Мелкія статьи и замѣтки.

Свѣдѣнія о Теософическомъ Обществѣ.

Теософическое Общество было основано 17 Ноября 1875 г. въ Нью-Іоркѣ Еленой Петровной Блаватской и Генри Олькоттомъ. Въ 1876 г. центръ его былъ перенесенъ въ Индію, въ Мадрасъ, гдѣ Теософическимъ Обществомъ былъ пріобрѣтенъ домъ (въ Адіарѣ, предмѣстьѣ Мадраса), служащій съ тѣхъ поръ мѣстопребываніемъ Президента Общества. Въ немъ имѣется богатѣйшая библіотека, въ которой въ теченіе 30 лѣтъ собирались книги и рѣдкія рукописи по вопросамъ эзотеризма религій, по вопросамъ философіи и оккультныхъ наукъ.

Основатели Теософическаго Общества задались цѣлью сдѣлать доступной древнюю литературу, въ которой хранятся духовныя истины величайшей цѣнности для человѣчества. Общество основано въ духѣ широкой терпимости. Цѣли Общества выражаются въ трехъ параграфахъ его Устава:

1) Основать ядро международнаго братства безъ различія расы, вѣры, пола, касты и т. п.

2) Поощрять сравнительное изученіе религій, философій и наукъ.

3) Изслѣдовать необъясненные законы природы и скрытыя силы человѣка.

Члены Общества сохраняютъ полную свободу религіозныхъ убѣжденій и, вступая въ Общество, должны обѣщать такую же терпимость по отношенію ко всякому иному убѣжденію и вѣрованію. Общество образуется изъ ищущихъ истины, изъ людей, принадлежащихъ ко всѣмъ религіямъ или совсѣмъ не имѣющихъ религіи. Связь ихъ состоитъ не въ общихъ вѣрованіяхъ, а въ общемъ стремленіи къ Истинѣ. Терпимость вытекаетъ естественно изъ убѣжденія, что Теософія есть совокупность духовныхъ истинъ, которыя лежатъ въ основѣ всѣхъ религій, не будучи въ исключительномъ владѣніи ни одной. Она даетъ философію, освѣщающую смыслъ жизни и дающую познаніе законовъ психическихъ и духовныхъ. Она ставитъ смерть на свое истинное мѣсто какъ одинъ изъ мимолетныхъ инцидентовъ безконечной жизни, раскрывая путь къ болѣе полному и свѣтлому существованію. Она возвращаетъ міру духовное вѣдѣніе, изучая человѣка какъ духовную сущность, а тѣло и умъ его—какъ орудія и слугъ этой сущности. Она раскрываетъ болѣе глубокое значеніе Св. Писаній и религіозныхъ ученій и, такимъ образомъ, оправдываетъ религію въ глазахъ разума съ такой же силой, съ какой всегда оправдываетъ ее интуиція.

Имѣются въ продажѣ слѣдующія книги по Теософіи:

Великіе посвященные. *Эд. Шюре*, пер. *Е. П.* 2-е изд. Цѣна 2 р. 25 к.
Древняя мудрость. *А. Безантъ*, пер. *Е. П.* 2-е изд. Цѣна 1 р. 85 к.
Сокровенная философія Индіи, *Брамана Чаттерджи*, переводъ и предисловіе *Е. П.*. 4-е изд. Цѣна 80 к.
О скрытомъ смыслѣ жизни, письма теософа къ русскимъ читателямъ Цѣна 1 р. 25 к.
Ясновидѣніе, *Ч. Ледбитера.* Цѣна 85 к.
Строеніе космоса, *А. Безантъ.* Цѣна 60 коп.
Историческій очеркъ Буддизма, *М. Каменской.* Цѣна 60 к.
Джордано Бруно. *А. Безантъ*, пер. *А. Каменской.* Цѣна 30 к.
Тайная Доктрина, извлеченіе изъ отдѣла Символизма, *Е. П. Блаватской*, выпускъ I. Цѣна 1 р. 15 к.
Теософія и новая психологія, *А. Безантъ*, пер. *Е. П.* 2-е изд. Цѣна 65 к.
Древняя мудрость на протяженіи вѣковъ, *Т. Паскаль.* 2-е изд. Цѣна 85 к.
Идеалы труда. *А. Погосской.* Цѣна 50 коп.

Вѣхи. Первое семилѣтіе ребенка. Вып. I. Цѣна 15 к.
Воспитаніе какъ видъ служенія. *Дж. Кришнамурти.* Цѣна 50 к.

Въ преддверіи храма, *А. Безантъ*, пер. *Alba.* 2-е изд. Цѣна 80 к.
Путь къ посвященію и совершенствованіе человѣка. *А. Безантъ*, пер. *В. Пушкиной.* Цѣна 45 коп.
Бхагавадъ-Гита, пер. съ санскр. *А. Каменской и Манціарли.* Ц. 50 к.
Комментаріи къ Бхагавадъ-Гитѣ, *А. Безантъ*, пер. *Е. П.* Цѣна 55 коп.
Во имя Его. *С. Джинараджадаза.* Цѣна 45 коп.
Ученіе сердца, *А. Безантъ*, пер. *Н. Дмитріевой.* Цѣна 45 к.
Голосъ Безмолвія, *Е. Блаватской*, пер. *Е. П.* Цѣна 50 коп.

Популярныя брошюры

№ 1-й. **Человѣкъ и его видимый и невидимый составъ,** *Е. П.* 2-е изд. Ц. 25 к.
№ 2-й. **Законъ причинъ и послѣдствій** (карма), *Е. П.* Цѣна 25 к.
№ 3-й. **Перевоплощеніе,** *Е. П.* Цѣна 25 к.
№ 5-й. **Законы высшей жизни,** *А. Безантъ.* Цѣна 35 к.
№ 6-й. **Жизнь послѣ смерти по ученію Теософіи.** *Ч. Ледбитера.* Цѣна 35 к.
Законъ свободы, *Е. Кузьмина.* Цѣна 25 к.
Отъ смерти къ безсмертію. *П. Тимофеевскаго.* Цѣна 35 коп.

Памяти Анны Павловны Философовой, *Е. Писаревой.* Цѣна 75 к. (Чистый доходъ съ изданія предназначается на образованіе фонда имени А. П. Философовой для стипендіи при Бестуж. женск. курс.).
Молитва Господня, музыка *А. Унковской.* Цѣна 90 к.

Теософія и ея критики, *Д. Страндена.* Цѣна 40 к.
Изъ лѣтописи человѣческой души, *Майкель Вудъ*, пер. *Е. Писаревой.* Цѣна 1 р. 15 к.
Gitanjali, пѣсни приносимыя въ даръ. *Р. Тагора.* Цѣна 50 коп.

Складъ изданій въ Москвѣ въ магазинѣ **„Посредникъ“** (Петровскія линіи), **въ Кіевѣ,** въ книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина** (Крещатикъ, 33), **въ Одессѣ,** въ магазинѣ **„Трудъ“** (Дербасовская, 25).

Тип. Б. М. Вольфа, В. О., Волховской 4.